

Впервые на русском языке!

Николя Барро

ПАРИЖ— всегда хорошая идея

Смешная и трогательная книга для тех,
кто в глубине души остается романтиком.

RT Book Reviews

Annotation

Впервые на русском языке! Больше всего на свете Розали, хозяйка крохотного магазина открыток в центре Парижа, любила синий цвет... Но ей и в голову не могло прийти, что однажды, вместе с маститым французским писателем, книгами которого она зачитывалась с детства, а также молодым и очень симпатичным американским профессором, она попадет в совершенно невероятную историю и синий цвет сыграет в ней такую важную роль. И уж тем более она не могла предположить, что эта история — и скрытая в ней тайна — полностью перевернет ее жизнь и сделает самой счастливой девушкой на свете. Впрочем, «весна порой исполняет обещания, которых не сдержала зима»... 16+

- [Николя Барро](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

Николя Барро

Николя Барро

ПАРИЖ—

всегда
хорошая
идея

Издательство «Иностранка»
Москва

Париж — всегда хорошая идея

У всех
путешествий есть
тайное назначение, о
котором
путешественник не
подозревает.

Мартин Бубер

Розали любила синий цвет. Так было с тех пор, как она себя помнила, а значит, вот уже двадцать восемь лет.

Как всегда по утрам, открывая в одиннадцать часов свой магазинчик, в котором продавались открытки, она посмотрела на небо в надежде найти среди серой пасмурной пелены голубой просвет. Нашла его и улыбнулась.

Среди первых и самых любимых детских воспоминаний Розали Лоран было невероятно синее небо над озаренным солнцем бескрайним бирюзовым морем, уходящим за горизонт. Тогда ей было четыре года, и родители, взяв с собой маленькую дочку, уехали из пышущего зноем Парижа с его каменными домами и улицами на Лазурный Берег. В тот же год, когда случилось это сияющее лето, которому, казалось, никогда не будет конца, тетя Полетта подарила ей после возвращения из Лез-Иссамбра набор акварельных красок. Розали во всех подробностях помнила, как это было.

— Акварельные краски? Не слишком ли это, Полетта? — спросила Катрин. В ее тоненьком голоске заметны были неодобрительные нотки. — Такой маленькой девочке — и такой дорогой набор! Куда ей столько красок, она же не сумеет ими пользоваться! Спрячем-ка его и подождем немного, пока она подрастет. Да, Розали?

Но малютка с длинными каштановыми косами не согласилась расставаться с тетушкиным роскошным подарком. Она ничего не желала слушать и отчаянно прижимала к себе коробку, словно та ей дороже жизни. В конце концов мама немного рассерженно вздохнула и не стала спорить с маленькой упрямецкой.

Что уж тут было причиной — то ли первая встреча с морем запала ей в душу как образ счастья, то ли в ней рано проявилось ярко выраженное стремление делать все по-своему, не так, как другие, но только синяя краска стала для нее самой восхитительной из всех. С ненасытным интересом она открывала для себя всю палитру ее оттенков, и ничто не могло утолить ее детскую любознательность.

— А это как называется, папа? — то и дело спрашивала она, дергая за рукав куртки (конечно же, синей) доброго и терпеливого отца, и тыкала при этом пальчиком туда, где обнаруживалось еще что-то синее.

Задумчиво наморщив лоб, она часами простаивала перед зеркалом, изучая цвет своих глаз, которые на первый взгляд казались карими, но,

хорошенько приглядевшись, можно было заметить, что на самом деле они темно-темносинего цвета. Во всяком случае, так сказал Эмиль, ее папа, и Розали на это с облегчением кивнула.

Еще не выучившись толком читать и писать, она уже знала названия всех оттенков синего и голубого. От нежнейшего шелковисто-голубоватого, небесноголубого, серо-голубого, льдисто-голубого, сизого или стеклянноаквамаринового, от которого душа взлетает, как на крыльях, до того яркого, насыщенного, сочного, сияющего лазурно-синего цвета, от которого захватывает дух. Кроме того, были еще ликующий ультрамарин, веселый васильковый цвет и холодноватый кобальт, сине-зеленый петроль, впитавший в себя краски моря, и таинственный цвет индиго, почти переходящий в фиолетовый, а также темный сапфир с его полуночной синевой и переходящая в черноту синева ночи, в которой она растворяется почти без остатка. Для Розали не существовало другого цвета, который был бы так же богат и разнообразен, как синий. Однако она не подозревала, что однажды попадет в историю, в которой важную роль будет играть синий тигр. И тем более она не могла бы предположить, что эта история — и скрытая в ней тайна — совершенно перевернет всю ее жизнь.

Случайность? Судьба? Говорят, что детство — это та почва, по которой мы проходим наш жизненный путь. Впоследствии Розали не раз спрашивала себя, не сложилось ли бы все иначе, если бы не ее особенная любовь к синему цвету. При одной мысли о том, как легко могло случиться, что она пропустила бы самый счастливый момент своей жизни, ей даже становилось страшно. Жизнь так сложна и запутанна, но в конце концов она все расставляет по местам, неожиданно выявляя истинный смысл вещей.

Когда Розали в восемнадцать лет — спустя несколько месяцев после смерти отца, скончавшегося от запущенной пневмонии, — объявила, что хочет учиться живописи и стать художницей, ее мать с перепугу чуть не выронила блюдо с лотарингским пирогом на пороге столовой.

— Ради бога, девочка! Лучше уж выбери что-нибудь дельное! — воскликнула она, мысленно ругая Полетту за то, что та внушила дочке такие дурацкие фантазии. Вслух она, конечно, никогда не ругалась. Катрин Лоран, урожденная Валуа (чем она в душе очень гордилась), была благородной дамой до кончиков ногтей. К сожалению, богатство ее аристократических предков за истекшие века заметно поубавилось, и брак с хорошим и умным, но не слишком энергичным в житейских делах физиком Эмилем Лораном не исправил ситуации. Вместо того чтобы делать успешную карьеру в какой-нибудь фирме, Эмиль, однажды поступив на

работу в научный институт, так и проработал там до конца своих дней. У Катрин даже не было денег, чтобы держать настоящую прислугу, а пришлось довольствоваться приходящей филиппинкой, которая еле-еле объяснялась по-французски и которая дважды в неделю вытирала пыль, наводила чистоту в большой квартире дома старой постройки, с высокими лепными потолками и паркетными полами елочкой. При этом для Катрин не подлежало сомнению, что ни при каких обстоятельствах нельзя отказываться от своих принципов. Она считала, что если нарушить принципы, тогда вообще все пойдет прахом.

«Урожденные Валуа так не делают», — любила она повторять, и, разумеется, произнесла эту фразу и сегодня в напутствие единственной дочери, которая, как это ни грустно, вознамерилась, кажется, выбрать не тот путь, который для нее наметила мать.

Катрин со вздохом поставила фарфоровое блюдо с ароматным пирогом на овальный обеденный стол, накрытый только на две персоны, и уже в который раз подумала, что, пожалуй, не сможет назвать никого, кому имя Розали подходило бы так мало, как ее дочери.

В те давние времена, когда Катрин была ею беременна, ее воображение рисовало ей нежную, хрупкую девочку, такую же белокурую, как она сама, вежливую, кроткую и... — ну как бы это сказать — умильную. Все это никак нельзя было отнести к Розали. Она, конечно, была умненькой, но очень уж своенравной. У нее на все было свое мнение, иногда от нее часами не добиться было ни слова, и такое поведение казалось матери очень странным. Когда Розали смеялась, то всегда очень громко. Это было как-то не очень прилично, хотя окружающие и уверяли, что Розали всех радует своей живой непосредственностью.

— Да не придирайся ты к ней, у нее доброе сердце, — всегда говорил ей Эмиль, в очередной раз потакая прихотям дочери.

Как, например, тогда, когда она еще ребенком вытащила свой матрас и дорогое постельное белье на балкон, где такая сырость, и легла там спать под открытым небом. Ей, видите ли, «захотелось посмотреть, как вертится Земля»! Или вдруг испекла отцу на день рождения этот кошмарный синий пирог, покрашенный пищевым красителем! Вид у пирога был такой ядовитый, что, кажется, в рот возьми и отравишься! А все из-за того, что голубой цвет — ее любимый! Катрин сочла это дикой выходкой, а Эмиль, конечно же, был в восторге и говорил, что лучшего пирога в жизни не пробовал. «Вы непременно должны его отведать!» — восклицал он, накладывая гостям расплывающееся месиво на тарелки. Ох уж этот Эмиль! Ну ни в чем не мог отказать своей доченьке!

И вот нате — новая идея!

Катрин нахмурилась и посмотрела на стройную рослую девушку с бледным лицом и черными бровями, которая рассеянно поигрывала длинной, каштановой, небрежно заплетенной косой.

— Выкинь это из головы, Розали! Живопись тебя не прокормит. Такие затеи я не хочу и не буду поддерживать. А на что ты, скажи на милость, собираешься жить? Думаешь, люди только и ждут твоих картин?

Розали промолчала, продолжая теревить свою косу.

Была бы Розали «умилительной Розали», Катрин Лоран, урожденная Валуа, конечно, не тревожилась бы за ее будущее. В конце концов, в Париже и сейчас хватает хорошо зарабатывающих мужчин, и тут уж не важно, если жена понемножку рисует: мало ли какие там у нее пунктики! Но у Катрин было неприятное чувство, что дочь об этом как-то не думает. Чего доброго, еще бог весть с кем свяжется!

— Я хочу, чтобы ты занялась чем-нибудь дельным, — настойчиво повторила она еще раз. — Папа тоже этого бы хотел.

Она положила дочери на тарелку кусок пирога.

— Розали! Ты вообще слушаешь, что я говорю?

Розали подняла голову и посмотрела на мать бездонными загадочными глазами.

— Да, мама. Я должна заняться чем-то дельным.

И она так и поступила. Более или менее так. Самое разумное, что придумала Розали, — это после двух семестров графики и дизайна открыть магазин, торгующий открытками. Это была крохотная лавочка на улице дю-Драгон, симпатичной улочке со средневековыми городскими домами в самом сердце района Сен-Жермен, от лавочки было рукой подать до церкви Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Сюльпис. На улочке было несколько магазинчиков, ресторанов, кафе, одна гостиница, булочная и любимый обувной магазин Розали, и на ней даже жил Виктор Гюго, о чем сообщала табличка на доме номер тридцать. Если поспешить, то всю улицу дю-Драгон можно пробежать из конца в конец за несколько шагов, чтобы затем очутиться на оживленном бульваре Сен-Жермен, или, если пойти в обратном направлении, выйти на более тихую улицу де-Гренель, которая ведет к самым элегантным домам и особнякам правительственного квартала, заканчиваясь где-то в районе Марсова поля и возле Эйфелевой башни. Но можно было и просто неторопливо прогуляться по этой улице, то и дело задерживаясь перед витринами, в которых ты всегда увидишь что-нибудь заманчивое, что хочется рассмотреть, подержать в руках или

примерить. Во время такой прогулки Розали и обнаружила однажды вывеску «Сдается внаем» в витрине пустующего антикварного магазина, владелица которого недавно отказалась от аренды, закрыв магазин по причине своего преклонного возраста.

Розали сразу же влюбилась в этот магазинчик. Единственная витрина была окружена небесно-голубой рамкой, как и входная дверь, над которой после прежней владелицы остался висеть старомодный серебряный колокольчик. На старинном черно-белом каменном полу играли солнечные зайчики. Над Парижем в этот майский день стояло безоблачное небо, и Розали показалось, что маленький магазинчик только и ждал ее прихода.

Арендная плата, правда, оказалась совсем не маленькой, но запрашиваемая цена, пожалуй, была оправданной ввиду удачного расположения, как заверил ее мсье Пикар, пузатенький пожилой человечек с большими залысинами и хитроватыми карими глазками-пуговками. Вдобавок к торговому помещению имелась еще и жилая комната над лавкой, куда можно было подняться по узкой деревянной винтовой лестнице, а при ней малюсенькая ванная и кухонька.

— Вот вам заодно и жилье, ха-ха-ха! — пошутил мсье Пикар, и его пузо весело затряслось от смеха. — А какой именно магазин вы, собственно, собираетесь тут открыть, мадемуазель? Надеюсь, ничего особенно шумного или пахучего? А то ведь я и сам живу в этом доме.

— Писчебумажный, — сказала ему Розали. — С оберточной бумагой для подарков, почтовой бумагой, карандашами и красивыми открытками к разным торжественным случаям.

— А-а... Ну-ну! Что ж, желаю удачи! — проговорил мсье Пикар немного растерянно. — Открытки с Эйфелевой башней всегда находят спрос у туристов, верно?

— Торговля *почтовыми открытками*? — удивленно воскликнула по телефону ее мать. — Mon Dieu! ^[1] Бедная моя доченька! Да кто же в наши дни еще посылает открытки?

— Хотя бы я, — ответила Розали, а затем просто взяла и положила трубку.

Прошло четыре недели, и вот уже она, взобравшись на лестницу, повесила над входом живописную вывеску.

«Луна-Луна», — было написано на ней большими красивыми буквами, а ниже уже помельче: «Открытки с пожеланиями».

2

Если бы это зависело от Розали, то она сделала бы так, чтобы люди гораздо чаще писали письма и отправляли открытки. Маленькая, а порой и большая радость, которую способно дать написанное от руки письмо, как у получателя, так и у того, кто его пишет, совершенно не сравнима с той, какую приносят сообщения по электронной почте или эсэмэски, которые быстро забываются, канув в пучину ничего не значащих мелочей. Этот момент удивления, когда ты вдруг обнаруживаешь среди почты лично к тебе обращенное письмо, радостное ожидание, с которым ты переворачиваешь открытку, осторожно вскрываешь или нетерпеливо разрываешь конверт! Возможность прикоснуться рукой к тому, что принадлежит человеку, который вспомнил тебя; разглядывать его почерк, угадывать настроение; может быть, даже уловить легкий запах табака или духов! Это же что-то такое живое! И пускай люди действительно гораздо реже пишут сегодня настоящие письма, потому что у них якобы не хватает на это времени, но Розали не знала ни одного человека, который бы не обрадовался, получив личное письмо или написанную от руки открытку. Нашему времени, со всеми его социальными сетями и возможностями цифровой техники, не хватает шарма, думала Розали. При всей его эффективности, практичности и скорости шарма ему все же недостает.

Раньше, конечно, проверка почтового ящика была делом куда более интересным, размышляла она, остановившись в подъезде перед почтовыми ящиками. Единственное, что ты сейчас в них находишь, — это, как правило, счета, бланки налоговых деклараций и рекламные листки и буклеты.

Или извещения о повышении арендной платы.

Розали с досадой смотрела на такое извещение от своего арендодателя. Третье за пять лет повышение арендной платы. Она так и знала! В последние недели мсье Пикар, встречаясь с ней в подъезде, вел себя как-то особенно вежливо и приветливо. А на прощание всегда глубоко вздыхал и жаловался, что жизнь в Париже все дорожает и дорожает.

— Вы представляете, сколько уже стоит багет, мадемуазель Лоран? А сколько эти булочки дерут за круассан? Не поверите! Спрашивается, что там есть в этих круассанах — вода да мука, и только, разве не так?

Он пожимал плечами и смотрел на Розали с выражением, в котором смешались возмущение и отчаяние, затем, не дожидаясь ответа, плелся

своей дорогой.

Розали удалилась к себе в магазин, выразительно возведя глаза к небу. Еще бы ей не знать, сколько стоят круассаны! Да она сама каждое утро покупала по круассану, к великому неудовольствию Рене.

Рене Жубер был высокий темноволосый мужчина, ярый приверженец здорового образа жизни и заядлый спортсмен. Уже три года он был ее близким другом, а работал персональным тренером. Возможно, молча вздыхала иногда Розали, в первую очередь он был тренером. Рене Жубер очень серьезно относился к своей профессии. В основном он занимался с хорошо обеспеченными дамами из высших слоев парижского общества, которые старательно следили за своей фигурой, своим физическим состоянием и здоровьем, пользуясь для этого услугами специально обученного специалиста с ласковыми карими глазами и тренированным телом. У него всегда было плотное рабочее расписание, но, похоже, его энергичная натура требовала более широкого поля деятельности, чем мог ему предоставить высший свет Парижа. По крайней мере, он никогда не упускал возможности приучить Розали к здоровому и более подвижному образу жизни (*Mens sana in corpore sano!*^[2]) и разъяснить ей, сколько проблем таит в себе прием пищи. В списке смертельных опасностей у него на одном из первых мест значились столь любимые ею круассаны («Пшеничная мука — для кишечника яд! Ты никогда не слыхала про пшеничный живот? Ты хоть представляешь себе, сколько от нее жира?»).

У Розали были свои представления о счастливой жизни (и такая жизнь не включала усиленных физических нагрузок, мюслей и соевых напитков), поэтому на нее эти уговоры не действовали и все миссионерские потуги друга обратить ее в свою веру потерпели полное фиаско. Розали никак не могла взять в толк, с какой стати она должна есть «цельные зерна». «Зерно — это корм для скота. Я же не корова», — говорила она, намазывая на разрезанный круассан толстый слой масла и джема и преспокойно принимаясь его уплетать.

Рене глядел на это с гримасой ужаса на лице.

— А к чашке кофе с молоком нет ничего вкуснее круассана или свежего багета, — продолжала она, сметая со скатерти рассыпанные крошки. — Этого и ты не можешь не признать.

— Тогда откажись хотя бы от кофе с молоком, ведь с утра гораздо полезнее выпить смузи из киви с листьями шпината, — возражал на это Рене, и Розали чуть не давилась от смеха круассаном. Надо же было сказать такую неслыханную чепуху! Утро без кофе — это же вообще как... Розали попыталась подыскать подходящее сравнение, но так ничего и не

придумала. Это просто невообразимо, закончила она про себя.

В самом начале, когда они с Рене только что познакомились, она как-то раз дала себя уговорить и отправилась с ним ни свет ни заря на утреннюю пробежку в Люксембургском саду.

— Вот увидишь, как это здорово, — сказал Рене. — Утренний Париж — это совершенно другой город!

В этом он, наверное, был прав, но ей был гораздо милее старый Париж с его привычным укладом, когда ты поздно ложишься, потому что вечером рисуешь, читаешь, беседуешь за бокалом вина, а утро начинаешь с большой чашки кофе с молоком, которую выпиваешь не вставая с постели. И вот, слушая Рене, который легкими прыжками, как газель, бежал бок о бок с нею под кронами каштанов, стараясь вовлечь ее в легкую беседу («во время бега следует поддерживать такую скорость, при которой еще возможно разговаривать»), она вдруг почувствовала, что уже выдохлась, и остановилась оттого, что у нее закололо в боку.

— Ничего, ничего! Лиха беда начало, — ободрил ее тренер. — Держись, не сдавайся!

Как все влюбленные, Розали поначалу тоже очень старалась войти в симбиоз со своим партнером, слиться с ним, переняв его увлечения, и, повинувшись его настоятельным уговорам, предприняла еще одну попытку (правда, уже в одиночестве и не в шесть часов утра), но, после того как ее резво обогнал столетний старикашка, который шагал, вытянув шею и размахивая руками, она окончательно забросила мысль о занятиях спортом.

— С меня, пожалуй, довольно прогулок с Уильямом Моррисом, — со смехом объявила Розали.

— Уильям Моррис? А это кто такой? Мне есть из-за чего ревновать? — озабоченно спросил Рене (он тогда еще не успел побывать в лавке у Розали и слыхом не слыхивал о художнике Уильяме Моррисе. Но это было простительно, ведь и она не знала названий всех костей и мускулов человеческого тела).

Она чмокнула Рене в щеку и объяснила, что Уильям Моррис — это ее собачка, которую она — как-никак владелица писчебумажного магазина — назвала так в честь легендарного художника и архитектора времен королевы Виктории за то, что этот художник среди прочего делал рисунки для обоев и тканей.

Песик Уильям Моррис был очень добродушным терьерчиком тибетской породы — лхаса апсо, и сейчас ему было почти столько же лет, сколько и открыточной лавке. Днем он мирно спал в корзинке у порога, а ночью в кухне на подстилке и во сне иногда дергал лапами, так что слышно

было, как они стучат в закрытую дверь. Как объяснил ей работник приюта для бездомных собак, эта мелкая порода отличалась самым миролюбивым нравом, потому что раньше эти собачки сопровождали в странствиях молчаливых тибетских монахов.

Тибетское происхождение песика произвело на Рене приятное впечатление, а когда он впервые пришел к Розали в лавку, Уильям Моррис при встрече с рослым широкоплечим незнакомцем приветливо помахал ему хвостом. Ну что сказать... Квартирой эту комнатушку над лавкой вряд ли можно было назвать, в ней едва помещались кровать, кресло, шкаф да большой чертежный стол у окна. Но комнатка выглядела очень уютно, а самое замечательное Розали обнаружила уже после того, как в ней поселилась. Через второе узкое окно в задней стене дома можно было выйти на плоскую крышу между двумя зданиями, которая летом стала служить Розали вместо террасы. Старые каменные вазоны с растениями и пара ветхих шпалер, которые летом покрывались плетями цветущих голубых клематисов, почти полностью закрывали этот уютный уголок от посторонних глаз.

Здесь-то, под открытым небом, Розали и накрыла стол к первому появлению Рене в ее лавке. Она не была выдающейся поварихой, карандашом и кистью Розали владела гораздо лучше, чем поварешкой, но на хромоногом столике, накрытом белой скатертью, горели разнокалиберные фонарики, красовались бутылка красного вина, гусиный паштет, ветчина, виноград, шоколадный торт, консервированные половинки авокадо в масле, соленое масло, камамбер, козий сыр и ко всему этому — багет.

— О господи! — вздохнул с комическим отчаянием Рене. — Столько всего вредного для здоровья! Сплошной перебор! В конце концов ты доиграешься! Однажды твой организм не выдержит и ты окончательно разрушишь свой обмен веществ, тогда ты станешь такой же толстухой, как моя тетя Гортензия.

Розали поднесла к губам бокал с красным вином, как следует отхлебнула, отерла губы и, строго указывая перстом, сказала:

— Ошибаешься, мой милый! Столько всего *вкусного!*

Затем она встала и одним движением скинула платье.

— Ну как, разве же я толстуха? — спросила она и полуобнаженная, с развевающимися волосами прошла перед ним по террасе танцующей походкой.

Рене торопливо отставил свой бокал.

— Ну погоди!.. — воскликнул он, бросаясь за ней.

Они так и остались на крыше и пролежали на шерстяном одеяле, пока их не прогнала утренняя роса.

Сейчас, остановившись в темноватом подъезде, где всегда витал апельсиновый аромат моющего средства, Розали, запирая почтовый ящик, с неопределенной тоской вспоминала ту первую ночь на крыше. В последовавшие затем три года различия между ней и Рене становились все заметнее. И если раньше она старалась отыскать и отмечала что-то общее, то теперь ясно видела все, что их разделяет.

Розали любила завтракать в постели, Рене не видел ничего хорошего в том, чтобы «сорить в постели крошками». Она была совой, он — жаворонком; ей нравились спокойные прогулки с собачкой, он в этом году купил себе спортивный велосипед, чтобы гонять с ветерком по улицам и паркам Парижа. Что касается путешествий, то его все тянуло куда-то вдаль, Розали же с удовольствием готова была, не замечая времени, часами сидеть на какой-нибудь маленькой площади, каких много встречается в южных европейских городках.

Больше всего ее огорчало, что Рене не писал ей писем и открыток даже на день рождения. «Так я же вот он — здесь», — говорил он, когда она за завтраком напрасно высматривала на столе поздравительную открытку. Или же, уезжая на очередной семинар: «Можно ведь связаться по телефону».

Поначалу Розали писала ему самодельные открытки и записки на день рождения, или когда он неделю пролежал в больнице со сломанной ногой, или просто когда уходила по делам, или когда поздно ложилась спать и заставляла его уже уснувшим в кровати. «Ау, ранняя пташка, не шуми и дай своей совушке еще немного поспать, вчера я проработала допоздна», — писала она и оставляла листок с запиской, на котором была нарисована сидящая на кисточке сова, рядом с кроватью.

Она повсюду рассовывала для него свои весточки — оставляла за зеркалом, на подушке, на столе, в кроссовках или в боковом кармашке портфеля, а теперь сама уже не могла вспомнить, когда она перестала это делать.

К счастью, у каждого была своя квартира, и оба обладали известной терпимостью, и Рене был очень позитивным по характеру человеком, он любил жизнь как она есть и совершенно не интересовался ее темными глубинами. Он казался Розали таким же миролюбивым, как ее апсо. И если им все-таки доводилось поспорить (из-за мелочей), то в постели все разногласия и недоразумения утихали сами собой и улетучивались в

умиротворяющей тишине ночи.

Когда Розали случалось ночевать у Рене, что бывало нечасто, так как она не любила надолго оставлять без присмотра свою лавочку, а он жил в районе Бастилии, то она в угоду ему соглашалась съесть ложку-другую старательно приготовленной им каши-размазни, сдобренной сухофруктами и орехами, которой он от души ее потчевал, заверяя, что когда-нибудь она ее распробует и ей понравится.

На это она с кисловатой улыбкой отвечала: «Когда-нибудь наверняка», — но, как только он уходил, выскребала из кастрюльки остатки этого полезного варева и отправляла их в туалет, а по пути в свою лавочку первым делом покупала в булочной еще теплый свежеспеченный круассан.

Не доходя до дома, она прямо на улице отламывала кусочек, радуясь, что бывает же на свете такая вкуснота! Но об этом она, разумеется, не рассказывала Рене, а так как ее дружок не отличался богатой фантазией, то, вероятно, очень бы удивился, застань он изменницу врасплох наедине с круассаном.

Круассан напомнил Розали о мсье Пикаре и неприятном сообщении о повышении арендной платы. Наморщив лоб, она озабоченно взгляделась в цифры на бумаге, и они произвели на нее удручающее впечатление. За прошедшие годы «Луна-Луна» приобрела постоянную клиентуру, и перед маленьким писчебумажным магазинчиком с любовно украшенной витриной задерживались все новые клиенты и туристы, которые, зайдя внутрь, с восхищенными возгласами перебирали подарочные открытки, хорошенькие записные книжечки или пресс-папье, а подержав что-то в руках, редко уходили из магазина без покупки. Тем не менее Розали все равно не могла похвастаться, что живет на широкую ногу. На открытках и красивых писчебумажных товарах нынче не сколотить состояния, даже находясь в бывшем центре литературной жизни — Сен-Жермене.

Однако Розали ни разу не пожалела о сделанном выборе. Матушка, которая в конце концов выделила ей в счет наследства небольшой стартовый капитал, безнадежно вздохнув, сказала, что Розали, мол, все равно поступит по-своему, но держать магазин все-таки лучше, чем барахтаться вольной художницей без всякой опоры под ногами.

Наверное, Катрин Лоран никогда не примирится с тем, что ее дочь не пожелала приобрести нормальную профессию. Или хотя бы выйти замуж за подающего надежды молодого (или пускай даже не очень молодого) человека. (Не может быть, чтобы ее избранником был этот добродушный

тренер по фитнесу с громадными ножищами, человек, скучный до слез!) Катрин почти никогда не заходила в дочкину лавку, а своим друзьям и знакомым из аристократического седьмого района она говорила, что Розали открыла фирму по снабжению офисов канцелярскими товарами — так оно звучало хотя бы немного *серьезнее*.

Какое там «снабжение офисов»! Ничего похожего в магазинчике никогда не водилось. Скоросшиватели, дыроколы, корзинки для бумаг, прозрачные папки, клейкие ленты, скрепки — за всем этим никому бы в голову не пришло ходить в «Луну-Луну». Но Розали сочла излишним разъяснять это недоразумение. Она улыбалась и помалкивала и каждое утро с радостью спускалась из своей квартирке в лавку, чтобы открыть железные решетки и впустить в помещение солнце.

Стены сияли нежной голубизной цветущей гортензии. Посредине стоял потемневший от времени старинный деревянный стол, на котором были разложены все ее сокровища: оклеенные цветочным орнаментом коробочки, в которых можно было найти самые разные открытки, или глазурованные керамические стаканчики нежных тонов, которые изготавливала жившая неподалеку художница, а в них красовались тоненькие, обтянутые цветной бумагой карандашики. Рядом лежали папки для почтовой переписки в старинных переплетах с розами. Нарядные закладочки и записные книжки были сложены столбиками рядом с почтовыми папками и коробочками с сургучом и деревянными печатями.

На светлых стеллажах у стены лежали рулоны изысканной оберточной бумаги для подарков и рассортированные по цветам и размерам наборы почтовой бумаги и конвертов, сбоку рядом с маленьким столиком мягкого дерева, на котором стоял кассовый аппарат, свободно свисали концы воздушных подарочных лент, свернутых в рулончики, на фоне синей задней стены красовались подвешенные на веревочках каменные облицовочные плитки с белыми голубями, темными виноградными гроздьями и бледными гортензиями — старинные мотивы, которые по-новому засверкали, покрытые толстым слоем лака, а еще на стене висела большая картина маслом, написанная самой Розали, на которой была изображена бегущая по сказочному лесу белокурая девочка с развевающимися волосами, в пурпурном платье. В углу возле кассы стояла закрытая стеклянная витрина, в которой были выставлены дорогие авторучки и серебряные ножи для разрезания конвертов.

Витрина была декорирована филигранными зажимами для карт, издалека она походила на пестрое лоскутное одеяло. Собранные в изогнутых в виде сердечка серебряных проволочных зажимах карты,

разложенные квадратом, образовывали одно художественное целое, радуя глаз своими красками. Рядом висели развернутые рулоны подарочной оберточной бумаги синего, бирюзового и матового желтовато-зеленого цвета, украшенные великолепными узорами работы Уильяма Морриса, а внизу были выставлены разложенные веером карты, нарядные коробочки для карт с цветочными мотивами или репродукциями картин с изображением читающих или прогуливающих по пляжу женщин. Среди них на подстилке из шелковой бумаги стояли тяжелые стеклянные пресс-папье, внутри которых были засушенные цветы, гравированные изображения старинных парусников или такие слова и афоризмы, которые не надоедают, даже если их видеть перед глазами и читать каждый день. Например, слово «Paris», написанное легким коричневым мазком на замшевом фоне, или слово «Amour», или «La beaute est partout» — «Красота повсюду».

По крайней мере, так сказал скульптор и художник Огюст Роден, и, оглядывая свою лавку, Розали с радостью понимала, что и сама внесла толику красоты в то богатство, которое предлагает нам жизнь.

Особое место среди товаров, представленных в «Луне-Луне», занимали выполненные вручную открытки, которые были выставлены на двух стендах, кое-как поместившихся справа от входа, хотя они-то и представляли собой самое главное из всего, что имелось в магазине.

Если магазин на улице дю-Драгон смог просуществовать все эти годы, то лишь благодаря тому, что Розали пришла в голову идея создавать авторские открытки с пожеланиями. Открытки с пожеланиями стали тем оригинальным предложением, которым магазин Розали отличался от всех других, и вскоре все стали говорить о том, что в магазине писчебумажных товаров «Луна-Луна» можно заказать авторскую открытку для любого, самого необыкновенного случая.

По вечерам после закрытия магазина Розали в своей комнатке над лавкой до поздней ночи трудилась за большим чертежным столом, рисуя и делая акварельные картинки для всех, кто еще верил в магию написанных от руки слов. Эти открытки были очаровательными маленькими произведениями искусства, выполненными на бумаге ручной работы с узорчатым обрезом, снабженными какой-нибудь надписью или высказыванием, к которому Розали придумывала подходящую картинку. На одной открытке, например, синей тушью была сделана рукописными буквами надпись: «Не забывай меня», а под нею была нарисована маленькая женщина с двумя чемоданами, протягивающая навстречу зрителю гигантский букет написанных легкими мазками забудок. Или:

«И за тучами светит солнце» — на этой открытке стояла приунывшая девушка под красным зонтиком на залитой дождем улице, над которой нависли густые тучи, в то время как в верхней части картинке маленькие ангелочки играли в мячик, перебрасывая друг другу солнце. «Проснувшись, я подумал, как бы я хотел, чтобы ты была со мной», — гласила надпись на другой открытке, на которой по-детски нарисованный из палочек человечек, сидящий на кровати посреди зеленой лужайки, дул на одуванчик, и из разлетающихся пушинок образовывались маленькие букочки, из которых складывалось слово «тоскую».

Открытки с пожеланиями, выполненные Розали, немного похожие по манере на рисунки Раймона Пейне^[3], раскупались с лету, и скоро в лавке стали появляться первые заказчики со своими представлениями и идеями.

Как правило, речь шла о таких распространенных темах, как дни рождения, свадьбы, пожелания скорейшего выздоровления, приглашения, валентинки, поздравления с Пасхой или Рождеством, но попадались и особые заказы.

Дочери писали пожелания матерям, матери — пожелания сыновьям, племянницы что-то желали своим тетушкам, бабушки — внучатам, подруги — подругам. Но самыми изобретательными людьми, как всегда, бывали влюбленные.

Буквально на днях приходил уже немолодой господин в серебряных очках и в строгом костюме, чтобы сделать заказ. Неторопливо достав из кожаного портфеля записку, он смущенно положил ее на стол.

— Как, по-вашему, к этому можно придумать что-то подходящее?

Розали прочла, что говорилось в записке, и улыбнулась.

— О да, — сказала она.

— До послезавтра успеется?

— Вполне.

— Но тут надо что-то очень красивое.

— Не беспокойтесь!

В тот вечер Розали, засев наверху в своей комнате за чертежным столом, на котором под черной металлической лампой стройными рядами выстроились стеклянные банки с карандашами и кисточками различных размеров, нарисовала мужчину в сером костюме и женщину в светло-фисташковом платье, которые, взявшись за руки, летят над Парижем, влекомые на голубых лентах стаей белых голубей.

В завершение Розали тушью вывела под картинкой подпись: «Женщине, с которой я хочу летать».

Розали сама уже давно сбилась со счета, сколько таких уникальных открыток она изготовила за последние годы. До сих пор все заказчики, получив свою открытку, уходили довольные, и Розали надеялась, что все пожелания не пропали даром, а исполнились с той точностью, с какой меткие стрелы Купидона поражают сердца влюбленных. Хотя в том, что касается пожеланий, сама красавица-художница была не так удачлива, как они.

Каждый год в свой день рождения Розали с собственноручно нарисованной открыткой отправлялась на Эйфелеву башню, чтобы сделать пожелание самой себе. Преодолев семьсот четыре ступеньки, она поднималась на вторую площадку и с отчаянно бьющимся сердцем (потому что, как мы уже говорили, не была завзятой альпинисткой) отпускала лететь по ветру открытку, на которой было написано ее заветное желание.

Это был безобидный маленький ритуал, о котором не знал даже Рене.

Розали вообще была большой любительницей ритуалов. Ритуалы вносили в жизнь стройную форму, помогая навести порядок в ее хаосе и сохранять необходимую перспективу. Первая чашка кофе по утрам. Круассан из булочной. Ежедневные прогулки с Уильямом Моррисом. Лимонное пирожное по нечетным числам. Бокал красного вина после окончания рабочего дня. Венок из незабудок в апреле, когда она навещала могилу отца.

Вечером, сядя рисовать, она обычно ставила одни и те же компакт-диски. То дымчатые шансоны Жоржа Мустаки^[4], то словно писанные короткими касаниями кисти песни Корали Клеман^[5]. В последнее время любимым был диск русского музыканта Владимира Высоцкого. Не понимая слов, она вслушивалась в звучание то лирических, то мужественных песен, и из музыки в ее голове рождались образы, а карандаши так и летали по бумаге.

В юности Розали вела дневник, стараясь запечатлеть все самое для себя важное. С тех пор она давно его забросила, но, открыв лавку, она взяла себе за правило каждый вечер записывать в голубом блокнотике самое плохое и самое хорошее событие прошедшего дня. Только сделав это, она чувствовала, что день уже прожит, и легко засыпала.

Да, ритуалы — это хорошая точка опоры, и сама мысль о них вызывает радостное ожидание. Поэтому Розали каждый год с радостью готовилась к двенадцатому декабря, чтобы в очередной раз подняться на Эйфелеву башню и сверху увидеть весь Париж у своих ног. Высота ее не пугала, напротив, она любила это ощущение простора, открывающуюся панораму,

настраивающую на полет мысли, и, отпустив открытку, Розали на секунду закрывала глаза, представляя себе, как ее мечта осуществится в действительности.

Но до сих пор, к сожалению, ни одна ее мечта не исполнилась.

В первый раз поднявшись на Эйфелеву башню со своей открыткой, Розали загадала желание, чтобы выздоровела ее любимая тетушка Полетта (тогда еще оставалась слабая надежда, что сложная операция спасет ее зрение), но, хотя операция прошла удачно, тетушка все-таки ослепла.

В другой раз она пожелала выиграть в конкурсе молодых иллюстраторов.

Но желаемая награда — договор с издательством и денежный приз в десять тысяч евро — досталась молодому долговязому художнику, который рисовал одни только пальмы и зайцев, зато был сыночком богатого издателя парижской газеты.

Еще до того как познакомиться с Рене, когда Розали после нескольких неудачных романов жила одна, она загадала желание встретить своего суженого, который пригласил бы ее однажды вечером в «Жюль Верн» — ресторан наверху Эйфелевой башни, из которого открывался самый роскошный вид на Париж, — чтобы там, высоко над сияющим огнями городом, задать ей самый главный вопрос.

Но и это желание тоже не исполнилось. Зато она познакомилась с Рене, который в один прекрасный день со всего разбегу налетел на нее на улице Коломбье и чуть не сбил с ног. Рассыпавшись в извинениях, он пригласил ее в ближайшее бистро и за тарелкой *salade de ray*^[6] заявил, что такой красавицы, как она, никогда еще не встречал. Но Рене скорее уж пригласил бы ее в поход на Килиманджаро, чем в дорогой и, по его мнению, никому не нужный ресторан на Эйфелевой башне. («На Эйфелеву башню? Ну ты даешь, Розали!»)

В другой раз она загадала желание помириться с матерью — благое желание! Еще ей хотелось, чтобы у нее был домик у моря. Да, конечно, это она сильно размахнулась, но мечтать же никому не запрещается!

В последний день рождения — ей тогда стукнуло тридцать три, и над празднично украшенным Парижем лил противный холодный дождь — Розали все же отправилась в поход, одетая в толстое синее зимнее пальто, и снова поднялась на Эйфелеву башню. В тот день там было довольно пусто, только несколько человек каталось на коньках на катке, который каждый год заливали на первой площадке, да еще несколько японцев неустанно фотографировались, старательно улыбаясь в объектив и поднимая кверху

большой палец.

В этом году Розали задумала очень скромное желание.

На открытке, которую она держала в руке, был нарисован мост, а на его решетчатых перилах висели сотни маленьких замочков. Перед мостом стояли два маленьких человечка — мужчина и женщина — и целовались.

Мост был легко узнаваем, это был Пон-дез-Ар^[7] — пешеходный мост через Сену, с которого открывался чудесный вид на Эйфелеву башню и на остров Ситэ. В летние вечера на нем всегда было людно.

Розали любила этот простой железный мостик с деревянным покрытием. Иногда она приходила сюда посидеть на скамейке и разглядывала многочисленные замочки на перилах, каждый из которых рассказывал о любви навек.

Пока жива любовь — она вечна. Кто же это сказал?

Розали сама не знала почему, но каждый раз на этой скамейке ее охватывало особенное чувство от вида этих трогательных замков, которые, как стойкие оловянные солдатики, охраняли любовь.

Может быть, это было и глупо, но в глубине души она тоже мечтала о таком замочке.

«Кто подарит мне такой замочек, тот и есть мой суженый», — подумала она, высунувшись за мокрую ограду Эйфелевой башни, чтобы с размаху запустить свою открытку под струи дождя.

Думала она при этом, конечно же, о Рене.

Как-то зимой в ясный безоблачный день они с Рене рука об руку шли по этому мосту, и все перила так и сверкали на солнце. Ни дать ни взять сокровища Приама!

— Посмотри, как красиво! — воскликнула Розали.

— Золотая стена, — произнес Рене в неожиданном приливе поэтического настроения и на минутку остановился, чтобы прочесть надписи на замках. — К сожалению, не все то золото, что блестит, — прибавил он с усмешкой. — Хотел бы я знать, кто из тех, что себя тут увековечили, по-прежнему вместе.

У Розали не было никакого желания это знать.

— Но все-таки разве не замечательно, что люди снова и снова влюбляются и хотят это как-то показать? Вот мне почему-то трогательно смотреть на эти замочки, — возразила она. — Это так... романтично!

Больше она ничего не добавила, потому что загаданные на день рождения мечты надо хранить так же, как желания, задуманные под падающую звезду, — о них никому нельзя рассказывать.

Рене со смехом обнял ее:

— Боже мой! Только не говори, пожалуйста, что ты и вправду мечтаешь о таком замочке, это же чистый китч!

Розали смущенно засмеялась, но подумала, что чистый китч иногда бывает очень заманчив.

А две недели спустя она, как привыкла из года в год, опять стояла на площадке Эйфелевой башни, задумчиво глядя, как ее открытка, намокшая и отяжелевшая от дождя, словно подстреленный голубь, падает на землю. И вдруг сзади ей на плечо тяжело опустилась чья-то рука.

— Не, mademoiselle, qu'est que vous faites la?^[8] — прогремел над самым ухом грозный оклик.

Розали вздрогнула и чуть не потеряла равновесие от испуга. Человек в синей форме и фуражке сердито уставился на нее карими глазами.

— Эй, а что это вы вздумали пугать меня! — возмутилась в ответ Розали.

С одной стороны, она чувствовала себя застигнутой на месте преступления, но в то же время была недовольна, что кто-то нарушил ее священный ритуал. С тех пор как правительство, опасаясь карманников, установило охрану в излюбленных туристических местах, нигде не стало покоя от стражей порядка даже в дождливый декабрьский день! Вот уж беда на наши головы!

— Ну? Это что еще такое? — грубо повторил полицейский. — Нечего тут раскидывать мусор!

— Это не мусор, это было загаданное желание, — сердито ответила Розали, чувствуя, как от стыда у нее горят уши.

— Не надо хамить, мадемуазель! — Полицейский скрестил руки и воздвигся перед ней во весь свой могучий рост. — Что бы это ни было, вы сейчас тихонько спуститесь вниз и подберете за собой, ясно? Заодно можете захватить и этот пакет из-под чипсов, — добавил он, ткнув пальцем на валяющуюся под ногами мокрую пластиковую упаковку.

Он проводил глазами молодую женщину в синем пальто, которая с недовольным видом спускалась по лестнице.

Спустившись вниз, Розали в приступе любопытства действительно обошла вокруг башни в поисках своей открытки. Но та исчезла без следа.

После этого довольно нелепого происшествия на Эйфелевой башне, о котором Розали, естественно, никому не рассказала, прошло уже больше трех месяцев. Сырой и промозглый декабрь сменился январскими штормами, затем наступил неожиданно солнечный февраль. День рождения давно миновал, потом наступил и прошел День святого Валентина, а ее

желание в очередной раз не исполнилось.

Рене с гордостью презентовал ей коробку с кроссовками («Свободно пропускающие воздух, суперлегкие. Моей любимой ко Дню святого Валентина»).

В марте тоже никто не догадался подарить Розали золотой висячий замочек. А тут уже и апрель на дворе.

Столько раз загадывать — и в результате шиш тебе! Подводя итоги за последние годы, Розали пришла к выводу, что пора, пожалуй, положить конец ребяческому ритуалу и начать вести себя как взрослый человек. И она решила: если и в этом году ничего не произойдет, то она перестанет забираться на Эйфелеву башню.

В воздухе чувствовалось тепло, весна постепенно брала свое. А весна иногда исполняет обещания, которых не сдержала зима.

Эти слова Розали как раз писала на новой открытке, когда снизу вдруг послышался энергичный стук в дверь.

Ле-Везине был очаровательным городком, расположенным в излучине Сены примерно в двадцати километрах от Парижа. И сейчас еще чувствуется, что эта местность, относящаяся к региону Иль-де-Франс, в прежние времена была занята лесами, там любили охотиться французские короли. Сюда выезжали импрессионисты, чтобы запечатлеть на холсте нетронутую природу на сонных берегах Сены, и кое-где вдоль дорог в наши дни все оставалось таким же, как во времена Мане и Моне.

За живыми изгородями и каменными оградами виднелись богатые виллы; зеленые луга, парки и тихие озера радовали глаз, а проезжая по старинным тенистым аллеям под столетними деревьями, ты чувствовал, как тебя поневоле охватывает умиротворенный покой. Иными словами, Ле-Везине был идеальным местом для того, кто мечтает о тишине.

«Только какой может быть покой, когда на тебя насаждает настырный издатель!» — раздраженно подумал Макс Марше.

Знаменитый детский писатель сидел в это утро у себя за письменным столом перед окном, за которым был виден идиллический сад с большой лужайкой, старым каштаном и черешней, темно-зеленой беседкой и пышными кустами гортензий, как вдруг зазвонил телефон.

Он звонил уже не в первый раз за это утро, и Макс прекрасно знал почему. Уж если этот Монсиньяк что-то забрал себе в голову, от него никакими силами невозможно было отвязаться, как от терьера, вцепившегося тебе в ногу.

Макс Марше расплылся в улыбке. Очевидно, его вопросом шеф занялся самолично. Макс признался себе, что ему это немного льстит.

Сначала ему позвонила некто мадемуазель Мирабо. По-видимому, главный редактор издательства «Опаль-Жёнеcс» — отдела детской литературы в издательском доме «Опаль», которому принадлежали права на переиздание его детских книг, они все еще пользовались успехом.

Мадемуазель Мирабо, щебетавшая тоненьким птичьим голоском, была с ним вежлива, но в то же время очень настойчива. Она пробовала все новые заходы, чтобы уговорить его подумать о проекте новой детской книжки.

Макс еле отделался от нее, ответив окончательно «нет». Неужели это так трудно понять?

Ну нет у него желания написать новую книжку. Нет, он не держит в

запасе никаких замечательных идей. Нет, дело и не в авансе. Просто ему больше не требуется зарабатывать на жизнь, денег у него и так хватает. Он давно уже не писал детских книг, а четыре года назад, после того как умерла его жена, Макс Марше окончательно удалился из Парижа и отошел от публичной жизни.

Смерть Маргариты была трагическим событием, которое произошло по чистой случайности.

Ничего не подозревая, она шла по улице, направляясь на рынок, как вдруг кто-то внезапно резко распахнул дверцу припаркованной машины, и Маргарита так неудачно упала, что сломала себе шею. Эта роковая случайность так потрясла Марка, что он впал в отчаяние. Жизнь, как и раньше, шла своим чередом, но в ней образовалась ничем не заполненная пустота.

Макс по-прежнему ходил на прогулку по приветливым улицам и паркам Ле-Везине, в хорошую погоду отдыхал в плетеном кресле в тени каштана, любуясь садом, которым увлеченно занималась его жена. Теперь за садом ухаживал садовник.

Остальное время Макс любил проводить за письменным столом, где писал небольшие статьи для сборников и специальных журналов. Или устраивался с книжкой на одном из двух диванов в соседней комнате с камином, где находилась библиотека, там на высоких, до потолка, стеллажах хранились тысячи книг, создавая атмосферу уюта и покоя.

С годами у него пропал интерес к современной литературе. Он предпочитал перечитывать классиков, которыми восхищался в молодые годы и которые, если говорить начистоту, не шли ни в какое сравнение с тем, что нынче расхваливают в издательствах, предлагая читателю как «сенсационные новинки». Да и кто же сегодня еще пишет как Хэмингуэй, как Виктор Гюго или Маркес, как Сартр, Камю или Эльза Моранте! Да и у кого сегодня есть за душой что сказать? Что-нибудь значительное, что завтра же не будет забыто? Сегодня жизнь как бы распространяется вширь, набирает скорость и мельчает, теряя глубину, то же самое, похоже, происходит и с книгами. Хуже всего дело с романами. На вкус Макса, их и так уж понаписано больше чем достаточно. Рынок битком набит банальностями. Сегодня ведь всякий мало-мальски владеющий французским языком воображает себя писателем, недовольно подумал Макс. Написано слишком много, а им все мало и мало. Бесконечное повторение одного и того же.

Макс раздраженно вскинул голову. Телефон на столе опять затрещивал.

— Да заткнись же ты, наконец, Монсиньяк! — буркнул он.

А может быть, все дело в нем самом? Может быть, он просто устал без конца ввязываться во что-то новое и потому обратился к хорошо знакомому старому. Может быть, и впрямь все идет к тому, что он становится старым брюзгой, как в сердцах бросила ему на прошлой неделе его экономка Мари-Элен Бонье, когда он сначала пожаловался на погоду, поворчал на вечную болтовню соседки, а потом еще заявил, что ему не понравилась еда.

Ну и что с того!

В последнее время его опять мучили боли в спине, и это, конечно, не могло не влиять на настроение. Постанывая, Макс попытался как-нибудь поудобнее устроиться в кресле. Сам виноват — не надо было двигать в саду тяжелый вазон с самшитом! Прямо тошно становится все время думать о том, как бы не простудиться да как бы неудачно не повернуться. А старые друзья и знакомые с возрастом тоже обзавелись всякими странностями и причудами, которые все труднее становится сносить. Или вдруг кто-то из них возьмет да и помрет, отчего ты еще сильнее ощущаешь свое одиночество и тебя охватывает печальное чувство, как бы не случилось так, что ты всех переживешь и останешься один как перст.

Словом, сплошная тоска! Тот, кто первый заговорил про «счастливую старость», был, вероятно, либо полным идиотом, либо циником. Непростое это дело — старея, сохранять хороший характер. В особенности в неудачные дни.

Телефон умолк, и у Макса расплылась по лицу торжествующая улыбка: моя взяла!

Он посмотрел в окно, и его взгляд остановился на кустах гортензии, которые росли в конце сада у стены из дикого камня. На лужайку откуда-то выскочила белочка и, промелькнув как молния, скрылась среди кустов гортензии и роз. Это были любимые цветы его жены, которая и сама носила цветочное имя — Маргарита. Она была страстной садовницей.

Он перевел взгляд на стоявшую на столе фотографию. На ней была запечатлена женщина с добрыми глазами и хорошей улыбкой.

Он скучал по ней. До сих пор не мог привыкнуть, что ее нет. Они встретились поздно, и то спокойное, ровное отношение Маргариты ко всему, что бы ни случилось в жизни, хорошо влияло на него, тревожного по натуре.

Он снова склонился над рукописными заметками, которые лежали перед ним на столе, и набрал на клавиатуре компьютера еще несколько предложений. Все-таки это замечательное изобретение! Нет, нельзя сказать, что все новое — это плохо. Как легко на компьютере вносятся изменения,

причем правка не оставляет после себя никаких следов. В прежнее время в редакции газеты еще печатали на пишущих машинках, рычаги букв то и дело цеплялись один за другой. Под копирку делалось несколько экземпляров. Тогда нельзя было сделать сколько угодно копий. А уж если ты допустил опечатку, то исправить ее стоило много возни.

Он попытался снова сосредоточиться на работе. Эссе на тему «Отвлекающие моменты как философская проблема», заказанное ему небольшим издательством научной литературы. Макс Марше не всегда был детским писателем. После окончания университета он работал журналистом и время от времени писал статьи для научных журналов. Но известность он заслужил своими детскими книгами, и даже сделался знаменитым писателем. Это он-то, у кого никогда не было детей! Ирония судьбы! Истории про зайца Сливовый Нос и «Приключения маленькой ледяной феи» да серия из семи книжек про маленького рыцаря Шелопута неожиданно сделали его богатым человеком. Но вскоре после женитьбы у Маргариты случилась внематочная беременность, от которой она едва не погибла, и это стало окончательным приговором. Макс был бесконечно благодарен судьбе, что жена осталась жива.

С Маргаритой и без детей было хорошо, и годы пролетели как один день.

В этом году ему исполнялось семьдесят лет. В молодости ему не верилось, что это может быть. Семьдесят! Об этом он не любил думать.

— Вам надо побольше выходить из дому, мсье Марше! Придумайте что-нибудь! Поезжайте в Париж, ходите в кафе, встречайтесь с друзьями, съездите на свою дачу в Трувиль или пригласите сестру, чтобы приехала к вам из Монпелье погостить. Нехорошо так замыкаться в одиночестве. Я считаю, каждому человеку нужно иногда с кем-то поговорить.

Мари-Элен с ее многословными наставлениями доводила его иногда до белого каления.

— Вы же у меня есть, — возражал он.

— Нет-нет, мсье Марше. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Вы все больше замыкаетесь. И характер у вас все больше портится. — Мари-Элен энергично вытирала пыль на полках в библиотеке. — Мне же кажется, что я совсем как экономка этого — ну как там его звали — нелюдимого такого, который засел у себя дома и обо всем, что творится на свете, узнавал от своей экономки.

— Марсель Пруст, — сухо вставил Макс. — Хватит вам, Мари-Элен, читать проповеди, и вообще, бросьте вы эту чепуху! Со мной все в порядке. И меня вполне устраивает то, как я живу.

— Да неужели? — сказала на это Мари-Элен, стоя перед ним с метелкой для пыли наперевес. — Вот уж никогда не поверю, мсье Марше! Знаете, кто вы такой? Одинокий старик в большом пустом доме.

«Сильно сказано. В романе такая фраза была бы в самый раз», — иронически подумал Макс.

И не только в романе: слова экономки действительно попали в точку.

Через два часа опять зазвонил телефон, и Макс раздраженно захлопнул компьютер, а заметки к эссе «Отвлекающие моменты как философская проблема» окончательно отодвинул в сторону и решительно снял трубку.

— Да, я вас слушаю, — недовольно буркнул он.

— О-о, Марше! Как я рад, что наконец до вас дозвонился. А то, смотрю, вы ранняя пташка — с утра уже дома не застать. Я вам целый день названиваю.

— Я знаю, — сказал Марше, устало возводя глаза к небу.

Как он и думал, это, конечно же, был Монсиньяк. Издатель рассыпался в любезностях:

— Милый, дорогой мой Марше! Как вы поживаете? Все благополучно? Наша очаровательная мадемуазель Мирабо уже рассказала вам, что у нас тут появились на вас определенные виды и мы собираемся по этому поводу к вам обратиться?

— Сказала, — буркнул Макс. — Но, боюсь, у нас с вами не получится договориться.

— Ну что вы, Марше! Бросьте! Не надо быть таким пессимистом. Всегда найдется способ поладить. Почему бы нам с вами не встретиться на той неделе в «Издателях» и не обсудить все без спешки с глазу на глаз?

— Не трудитесь, пожалуйста, мсье Монсиньяк. Мой ответ будет «нет». Скоро мне уже семьдесят, когда-то пора и точку поставить.

— Что за разговоры, Марше! Это же несерьезно! Подумаешь — семьдесят лет! Это не аргумент. Вы же не старик. Семьдесят — все равно что пятьдесят. Я знаю писателей, которые в этом возрасте вообще только начали писать.

— Бывают же такие молодцы! Вот к ним и обращайтесь.

Монсиньяк предпочел пропустить это замечание мимо ушей и продолжал свое:

— Уж коли вам семьдесят, дорогой Марше, то как раз поэтому вам и следует написать новую книгу. Подумайте о своем клубе фанатов, подумайте о детях, для которых ваши книги — это счастье. Да вы хоть знаете, сколько экземпляров «Зайца — Сливовый Нос» ежемесячно

расходится в магазинах? Вы по-прежнему самый главный детский писатель в стране. Французская, так сказать, Астрид Линдгрен, — тут Монсиньяк засмеялся, — с тем неоспоримым преимуществом, что вам еще только исполнится семьдесят и вы можете написать новые книжки. — Он принялся вслух мечтать: — Новая книжка, которую мы выпустим к вашему юбилею. Et voila!^[9] Попадание в яблочко! Говорю вам, это станет бестселлером! Я уже вижу: вся пресса будет о нем гудеть! Двадцать лицензий, проданных за границу! И тут мы вслед за новой книжкой двинем переиздания старого. Просто праздник!

Макс Марше прямо слышал, как старик Монсиньяк потирает руки. «Старик Монсиньяк»! Макс невольно заулыбался, слушая, как пророчествует впавший в эйфорию издатель.

На самом деле Монсиньяк был еще не так уж и стар. Ему было около шестидесяти пяти, то есть меньше, чем Максу. Но рано поседевший Монсиньяк с его массивной фигурой, с круглым брюшком, на котором, когда на него напал очередной устрашающий приступ ярости, казалось, вот-вот треснет по швам до отказа натянувшаяся белоснежная рубашка, в восприятии Макса всегда представлялся старшим по возрасту.

С издателем «Опаля» они были знакомы вот уже почти тридцать лет. И Макс ценил этого энергичного, нетерпеливого, вспыльчивого, настойчивого, зачастую несправедливого, но доброго в душе человека, который столько лет ведал его издательскими делами. Монсиньяк заключил с ним договор на первую книгу, когда Макс Марше являл собой еще чистый лист. Для оформления книги начинающего автора он даже нанял лучшего иллюстратора, притом что его рукопись была отклонена несколькими издательствами.

Издательский риск, на который пошел Монсиньяк, более чем оправдал себя. «Приключения Зайца — Сливовый Нос» стали бестселлером и были проданы во многие страны. Все последующие книги Макса Марше также выходили в издательстве «Опаль-Жёнесс», некоторые из них теперь уже стали признанной классикой детской литературы.

Когда умерла Маргарита, Монсиньяк, махнув рукой на книжную ярмарку, приехал на похороны, чтобы поддержать Макса.

— Крепитесь, Марше! — шепнул он Максу на ухо, крепко пожимая его руку. — Крепитесь! — А затем дружески обнял его за плечи.

Макс Марше этого не забывал.

— Скажите, Марше, — тут в голосе издателя послышались подозрительные нотки, — вы же не собираетесь нам изменить, а? Неужели тут замешан какой-то другой издатель? Может быть, в этом загвоздка? Не

хотелось бы думать, что вы так поступили после всего, что мы для вас сделали, а? — выпалил он возмущенно.

— Ну знаете ли, Монсиньяк! За кого вы меня принимаете?

— А в таком случае я не вижу причины, почему бы нам не приступить к нашему новому проекту, — облегченно вздохнул Монсиньяк.

— Какому проекту? — всполошился Макс. — Я не знаю никакого нового проекта.

— Да ладно, Марше! Не заставляйте себя упрашивать! Что-то уже есть на подходе! Я это чую. Подумаешь, какая-то маленькая история! Для вас же это пустяк, легкая разминка!

— Послушайте, Монсиньяк! Отстаньте от меня, наконец, с вашими уговорами. Я — угрюмый старик, куда мне еще какая-то разминка!

— Ишь как сказано-то! Bravo! Знаете что, Марше? Я к вам хорошо отношусь, но так себя жалеть, как вы, — это же просто невыносимо слушать! Пора вам выбраться из норы, в которую вы забились. Выбирайтесь, мой друг! Начинайте писать! Впустите в свою жизнь что-то новое, чтобы в ней стало посветлее. Вы и так уж слишком засиделись, спрятавшись за самшитовой изгородью!

— За изгородью, сложенной из камня! — поправил его Макс, продолжая глядеть на кусты гортензии, разросшиеся вдоль ограды.

Вот уже второй раз за эту неделю он получил выговор. Похоже на сговор между издателем и экономкой.

— Я уже и не помню, когда последний раз брался за детскую книгу, — немного помолчав, попробовал увильнуть Макс.

— Уж поверьте мне, это как ездить на велосипеде: однажды научившись, никогда не разучишься. Еще какие-нибудь причины?

Монсиньяк, как всегда, верен себе. Он не принимает отказов. Макс вздохнул:

— Причина в том, что у меня нет ни одной новой мысли.

Издатель громко расхохотался.

— Надо же такое сказать! — произнес он, нахохотавшись.

— Правда, Монсиньяк, у меня нет в запасе ни одной новой истории.

— Ну так поищите, Марше, поищите! Я совершенно уверен, что в конце концов вы отыщете замечательную историю.

Он сказал это так, будто надо было просто открыть шкаф, порыться и достать оттуда историю, как пару старых носков.

— Итак, договорились: в следующую пятницу в час встречаемся в «Издателях», и никаких возражений!

В этот маленький ресторанчик, расположенный за станцией метро «Одеон», редко забредали туристы. Здесь встречались издатели со своими авторами, представители отдела лицензирования вели переговоры с иностранными редакторами, приехавшими на книжную ярмарку. Посетители сидели в окружении книг в удобных кожаных креслах под громадными вокзальными часами, лакомились изысканными кушаньями, которые предлагало меню, или ограничивались чашечкой кофе и свежавыжатым апельсиновым соком.

Мсье Монсиньяк, которому плохо сиделось на жестких кожаных стульях других кафе, так что он очень скоро начинал на них беспокойно ерзать, чрезвычайно ценил комфорт мягких кресел. Для него это было одной из главных причин, чтобы назначать деловые встречи именно в этом ресторане.

Он мешал ложечкой в чашке с кофе эспрессо и с благоговением взирал на гладко причесанного седовласого собеседника, который два часа назад явился на встречу в строгом синем костюме. Недавно тот, якобы из-за больной спины, обзавелся прогулочной тростью — элегантной палкой с серебряным набалдашником в виде львиной головы, но Монсиньяк не мог избавиться от ощущения, что писатель просто любит пококотничать своим возрастом и, о чем бы ни зашла речь, нарочно делает так, чтобы его уговаривали.

Между тем он по-прежнему видный мужчина, подумал Монсиньяк. Живой взгляд светлых глаз выдавал в нем духовную бодрость, хотя после смерти жены он стал немногословен.

Во всяком случае, Монсиньяк с первого взгляда понял, что услышит хорошие новости, для этого достаточно было видеть смущенную улыбку, с которой Марше опустился в кресло напротив.

— Так и быть, считайте, что вы меня уломали, — сказал он без долгих предисловий. — Нашлась у меня еще одна история.

— Интересно, почему меня это не удивляет? — ответил Монсиньяк с довольным смешком.

Монсиньяк несколько не удивился и тогда, когда всего через две недели получил по электронной почте готовую историю, то есть, можно сказать, прежде, чем высохли чернила на договоре. Некоторым писателям требуется, чтобы их немного растормошили, и тогда дело идет как по маслу.

— Чудесная история, просто замечательная! — радостно восклицал он по телефону. Прочитав рукопись, он тотчас же позвонил автору, который на этот раз сразу снял трубку, как будто только и ждал звонка. — Вы

превзошли самого себя, мой друг!

Затем, правда, Монсиньяку потребовалось все его красноречие, чтобы убедить автора в необходимости сменить иллюстратора для новой книжки.

— Это почему еще? — уперся Макс. — Почему нельзя опять поручить это Эдуарду? Я очень ценю его, и работать с ним всегда было одно удовольствие.

Монсиньяк мысленно вздохнул. Тяжеловесные рисунки Эдуарда Гризо, которому шел уже восьмой десяток и который теперь не признавал ничего, кроме ксилографии, совершенно не отвечали современным требованиям оформления детских книжек. Надо идти в ногу со временем. Такова жизнь.

— Нет-нет, Марше, здесь надо что-нибудь повоздушнее. Я тут наметил одну молодую художницу, у нее совершенно неповторимый почерк, мне он понравился. Она еще не пользуется большой известностью, но зато у нее полно свежих идей. Незатасканная манера. Оригинальность. Жадность к работе. Как раз то, что нужно для вашей истории о синем тигре. Она рисует открытки.

— *Открытки?* — недоверчиво протянул Марше. — Гризо — профессиональный художник, а вы хотите поручить работу дилетантке?

— Не будьте таким предвзятым, Марше! Надо сохранять открытость чему-то новому. Ее зовут Розали Лоран, и она держит лавочку с открытками на улице дю-Драгон. Вы бы как-нибудь просто заглянули к ней туда, а потом скажете мне, какое у вас впечатление.

И так случилось, что несколько дней спустя Макс Марше остановился перед лавочкой Розали и нетерпеливо постучал палкой в запертую дверь, окаймленную голубой рамкой.

Розали не сразу услышала стук. Она рисовала за столом, непричесанная, в джинсах и пуловере, слушая песню Владимира Высоцкого про Одессу. Розали понимала только два слова: «Одесса» и «принцесса». В такт музыке она покачивала ногой.

Понедельник был единственным днем недели, когда «Луна-Луна», как и многие другие магазины Парижа, была закрыта.

К сожалению, день начался неудачно. Попытка отговорить мсье Пикара от нового повышения арендной платы закончилась громкими пререканиями. Розали просто не удержалась и обругала хозяина капиталистом и кровопийцей.

— Вы слишком много себе позволяете, мадемуазель Лоран, слишком много себе позволяете! — закричал мсье Пикар, сверкая глазками-пуговками. — Такова цена аренды в Сен-Жермене. Пожалуйста, съезжайте, если она вас не устраивает. Я могу хоть сегодня сдать эту лавочку «Оранжу». Если хотите знать, они заплатят и вдвое больше.

— «Оранжу»? Это еще кто такие? А, так вы говорите о конторе по предоставлению услуг мобильной связи? И вы хотите вместо моего хорошенького магазинчика пустить сюда мобильщиков? Вы готовы дойти до такой низости? — повысила голос Розали и с нестерпимо бьющимся сердцем бегом спустилась по выщербленной каменной лестнице (мсье Пикар жил на четвертом этаже) и так хлопнула дверью, что грохот прошел по всему подъезду.

Тут она дрожащими руками зажгла сигарету. Стоя у окна, она пускала дым в утреннее парижское небо. Дело было серьезнее, чем она думала. Судя по всему, ей придется-таки бросить заработанные с таким трудом денежки в ненасытную пасть мсье Пикара. Розали только и оставалось надеяться, что в дальнейшем она тоже сможет наскрести столько, чтобы расплатиться за аренду. Как обидно, что она не владелица помещения! Надо хорошенько пораскинуть мозгами. Авось что-нибудь придумается.

Розали сварила себе кофе и вернулась за чертежный стол. Слушая музыку и работая над рисунками, она успокоилась. «Еще посмотрим, мсье Пикар, кто кого! — подумала она, делая размашистыми буквами надпись под готовым рисунком. — Так легко вы от меня не отделаетесь!» Тут внизу постучали, но она не услышала и с удовольствием оглядела свое творение.

«И весна порой исполняет обещания, которых не сдержала зима».

— Будем надеяться, что да! — произнесла она как бы про себя.

Внизу снова раздался громкий и настойчивый стук. На этот раз Розали его услышала. Она удивилась и отложила карандаш. Розали никого не ждала. Лавка была закрыта, почта уже приходила, а Рене весь день был занят со своими клиентками.

— Слышу! Сейчас открою! — крикнула она и, на ходу подбирая волосы заколкой, спустилась по узкой деревянной лестнице.

Уильям Моррис, спавший внизу в своей корзинке, приподнял было мордочку и снова опустил ее на белые лапки. За дверью стоял пожилой господин в синем дождевом плаще с шарфом в тон и нетерпеливо стучал по стеклу набалдашником палки.

Она повернула оставленный в замке ключ и отворила дверь.

— Эй, что это вы, мсье! Так и стекло выбить недолго, — сердито встретила Розали посетителя. — Вы что, читать не умеете? Сегодня у нас закрыто, — добавила она, кивнув на вывешенную на двери табличку.

Старик не счел нужным извиниться. Вопросительно приподняв седые кустистые брови, он окинул ее внимательным взглядом.

— Вы — Розали Лоран? — спросил он.

— Не сегодня, — бросила она раздраженно, убирая за ухо выбившуюся прядь.

Что это он вздумал? Учинять ей допрос?

— Простите? — переспросил он.

— Не важно, забудьте!

Господин в синем плаще смотрел на нее с недовольным выражением. Вероятно, плохо слышит.

— Вам лучше прийти завтра, мсье, — повторила она уже громче. — Здесь сегодня *закрыто*.

— Да не кричите вы так, — обиделся посетитель. — Я пока что еще не оглох.

— Рада за вас, — не осталась она в долгу. — Итак, au revoir^[10], до завтра!

Она закрыла дверь и собралась уходить, но тут он снова принялся стучать в стекло. Она тяжело вздохнула и повернулась к нему.

— Да? — вопросительно произнесла она, снова открыв дверь.

Он опять бросил на нее испытующий взгляд.

— Так Розали Лоран — это все-таки вы или нет? — спросил он.

— Да, я, — ответила Розали.

Ей уже самой стало интересно, что ему нужно.

— О, это хорошо, — произнес он. — Значит, это та самая лавка.

Можно мне войти?

Он шагнул через порог.

Розали растерянно отступила, пропуская его.

— Вообще-то, мы сегодня закрыты, — повторила она.

— Да-да. Это я уже слышал. Но видите ли, — продолжал он, делая следующий шаг и оглядываясь в лавке, — я специально приехал в Париж, чтобы посмотреть, действительно ли ваши рисунки подходят.

Он прошел вглубь лавки и нечаянно споткнулся о стоявший посередине деревянный столик, керамический стаканчик с карандашами резко пошатнулся.

— Какая же тут у вас теснота, — сказал он укоризненно.

Розали придержала стаканчик. А он уже протянул свою большую руку, чтобы взять открытку с цветами, которая лежала на столике.

— Это ваш рисунок? — спросил он строго.

— Нет, — помотала головой удивленная Розали.

Он прищурился:

— Слава богу! — И положил открытку на место. — Уж это бы никак не подошло.

— А-а?

Розали ни слова не поняла. Очевидно, у этого хорошо одетого господина не все в порядке с головой.

— Мои открытки выставлены на стойке там, у дверей. Вы, наверное, хотели заказать открытку с пожеланиями? — попыталась она достучаться до его сознания.

— *Открытку с пожеланием?* Это что еще такое? Разве у нас Рождество?

Розали обиженно промолчала. Скрестив руки на груди, она молча смотрела, как он подошел к стойке с открытками и стал вынимать их одну за другой, близко подносил каждую к глазам, нахмурясь, рассматривал и не спеша ставил на место.

— Очень даже неплохо, — рассеянно бормотал он себе под нос. — Гм... Да, это бы, пожалуй, и правда подошло...

Розали нетерпеливо кашлянула.

— Мсье, — окликнула она посетителя. — Мне некогда стоять тут весь день. Если хотите купить открытку, то выбирайте скорей. Или приходите в другой раз.

— Но, мадемуазель, я к вам вовсе не за открыткой. — Он удивленно вскинул голову, сдвинул за спину висевшую через плечо коричневую сумку и сделал шаг назад. — Я хотел вам сказать...

Договорить фразу ему не удалось. Отступая назад, он сам не заметил, как угодил палкой в корзинку Уильяма Морриса. А точнее говоря, не заметил и Уильяма Морриса. Собачка, которая только что мирно спала, свернувшись пушистым калачиком, вдруг взвизгнула от боли и начала лаять как безумная, а это роковым образом повлекло за собой цепную реакцию.

Уильям Моррис залаял, пожилой господин испугался, пошатнулся, наткнулся на стойку с открытками, выронил палку, а дальше события завертелись с бешеной скоростью, так что Розали уже не успела подскочить, прежде чем все начало рушиться; со страшным грохотом вещи стали валиться по принципу домино, а в довершение беды пожилой господин в синем плаще во весь рост растянулся на каменном полу. Причем в поисках опоры он схватился рукой за стойку, с которой уже попадали все открытки, и в придачу повалил вторую, так что открытки взлетели с нее одним махом, а затем медленно и плавно осели на полу.

Наступила мгновенная тишина. Даже Уильям Моррис от страха перестал лаять.

— Ой, господи! — Розали прижала руку к губам.

В следующую секунду она уже опустилась на колени рядом с лежащим господином, на лбу у него красовалась упавшая голубая поздравительная открытка.

«Каждый поцелуй — это маленькое землетрясение», — было написано на открытке.

— Вы целы? — Розали осторожно сняла с его головы открытку и сейчас вглядывалась в искаженное болью лицо незнакомца.

Он со стоном открыл глаза.

— А-а-ах! Черт! Спина! — выговорил он и попытался встать. — Что случилось?

Он сердито посмотрел на погнутую проволочную стойку для открыток, оказавшуюся у него на груди, и на валявшиеся вокруг открытки.

Розали озабоченно взглянула на него и освободила из-под пустой стойки:

— Неужели вы ничего не помните?

Господи, только бы у старика не было сотрясения мозга!

— Моя собака залаяла, и вы опрокинули стойку с открытками.

— Да... Верно... — Незнакомец, казалось, задумался. — Собака! Откуда она вдруг взялась? Подумать только! Эта псина меня, наверное, испугала.

— А вы испугали ее — вы же поставили свою палку прямо ей на лапу.

— Да что вы? — Он, кряхтя, поднялся в сидячее положение и потер затылок.

Розали кивнула:

— Давайте я вам помогу! Вы можете встать?

Она подхватила его под локоть, и он кое-как поднялся на ноги.

— Ох! Вот чертово невезение! — Он схватился за поясницу. — Подайте мне палку! Проклятая спина!

— Возьмите!

Он неуверенно сделал несколько шагов, и Розали отвела его к креслу, которое стояло в углу рядом с кассовым столиком.

— Присядьте и отдохните! Принести вам стакан воды?

Незнакомец осторожно сел, вытянул свои длинные ноги и, принимая из ее рук стакан с водой, попытался выдавить из себя улыбку.

— Надо же, какая незадача! — произнес он, качая головой. — Но Монсиньяк был действительно прав. Вы — то, что надо для «Синего тигра».

— А-а-а... Как вы сказали? — Розали широко раскрыла глаза и смотрела на него, закусив губу.

По-видимому, дело обстоит хуже, чем она думала. Бедняга, похоже, сильно пострадал. Только этого не хватало! Она почувствовала нарастающую панику.

У нее не было на собаку страховки в случае гражданской ответственности. Что, если этому человеку нанесен вред?

Розали была чемпионкой по части предугадывания всяческих несчастий. Стоило чему-то случиться, как она мгновенно представляла себе все, что еще *может произойти*, не исключая самого худшего. Все это прокручивалось у нее в голове как кинофильм, только быстрее.

Мысленно она уже видела перед глазами явившуюся в лавку толпу возмущенных родственников, которые обличающе показывали пальцем на собачью корзину с сидящим в ней Уильямом Моррисом, а тот виновато прятал глаза. Она так и слышала гнусавый голос мсье Пикара: «А что я вам говорил! Собакам не место в лавке». Но ведь Уильям Моррис был смирный как овечка.

Он же не делал ничего плохого. Он сидел, испуганно забившись под прилавок, и смотрел на нее оттуда круглыми глазами.

— Странно, но вы мне кого-то напоминаете, — сказал незнакомец в синем плаще. — А вы как — любите детские книги?

Он наклонился вперед и тихонько застонал.

Розали проглотила комок в горле. У бедняги все мысли в голове перепутались, это же сразу видно.

— Послушайте, мсье, вы уж посидите спокойно, хорошо? Не двигайтесь! По-моему, нам нужно вызвать врача.

— Нет-нет, как-нибудь обойдется! — отмахнулся незнакомец. — Не надо мне никакого врача. — Он ослабил на шее шарф и глубоко вздохнул.

Она внимательно посмотрела на него. Сейчас он производил впечатление совершенно нормального человека. Но впечатление могло быть обманчивым.

— Хотите... Хотите, я кому-нибудь позвоню, чтобы за вами приехали?

Он снова помотал головой:

— Не нужно. Вот приму сейчас эту дурацкую таблетку, и все пройдет.

Она на секунду задумалась. *Дурацкую таблетку?* Это как понимать? Может быть, он сидит на психотропных лекарствах? Может быть, все-таки лучше позвать кого-то на помощь?

— Вы живете где-нибудь поблизости?

— Нет, нет. Когда-то я жил в Париже. Но это было давно. Я приехал на поезде.

Розали сделалось не по себе. Этот человек с самого начала вел себя как-то странно. Она с сомнением посмотрела в его сторону. Ведь постоянно приходится слышать про недееспособных стариков, которые пропадают из дому, потому что ушли и заблудились.

— Скажите, мсье... А как вас зовут? Я хочу сказать, вы можете вспомнить свое имя? — осторожно спросила Розали.

Он удивленно вскинул голову. Затем громко расхохотался.

— Послушайте, мадемуазель, — с головой у меня все в порядке, не в порядке спина, — заявил он с широкой улыбкой, и Розали почувствовала, как краснеет. — Извините, что я забыл представиться. — Он протянул ей руку, и она нерешительно ее пожала. — Макс Марше.

Розали остолбенела от неожиданности и покраснела еще больше.

— Не может быть! — запинаясь, сказала она. — Вы — Макс Марше? То есть *тот самый* Макс Марше? Детский писатель? Тот, кто написал «Зайца — Сливовый Нос» и «Маленькую ледяную фею»?

— Он самый, — подтвердил Макс, улыбаясь. — Не хотели бы вы, мадемуазель Лоран, сделать иллюстрации к моей новой книжке?

Макс Марше был героем ее детства. Розали с восторгом прочла все его книги. Она любила историю «Маленькой ледяной феи», а приключения зайца Сливовый Нос запомнила чуть ли не наизусть. По книжкам, которые

она летом брала с собой на дачу и читала на ночь в кровати, было заметно, что они не стояли без дела на полке: они были сильно захватаны, в них было много загнутых уголков, а кое-где страницы даже заляпаны шоколадными пятнами. Эти книги до сих пор стояли дома в шкафу в бывшей детской. Розали даже во сне не могло присниться, что она когда-нибудь познакомится с самим Максом Марше. А уж что она однажды станет иллюстратором его книги — это... Это и вообще походило на чудо.

Несмотря на то что первое знакомство со знаменитым детским писателем произошло довольно сумбурно, если не сказать — ошеломительно, остальное в тот день складывалось удачно.

Макс Марше рассказал Розали о своем издателе Монсиньяке, который, как оказалось, первым обратил на нее внимание, когда его жена Габриэль после продолжительной прогулки по сен-жерменским магазинам вернулась с покупками, среди которых была не только хорошенькая сумочка, купленная в «Секвойе» на улице дю-Вьё-Коломбье, и туфельки от «Скарпы» на улице дю-Драгон, но и несколько поздравительных открыток, которые нарисовала Розали.

В отличие от Макса, мадам Монсиньяк, побывав в лавке, не учинила там никакого разгрома.

Оправившись от испуга и выяснив все недоразумения, Розали весело собрала с пола разлетевшиеся открытки и навела в лавке порядок.

Нежданный гость, хоть и рад был бы ей помочь, при всем желании не мог этого сделать. Макс Марше все это время просидел в кресле, не вставая. Дело кончилось тем, что Розали, отказавшись от мысли вызвать врача, на всякий случай позвонила Рене.

— Прострел, — определил Рене, оглядев Макса взглядом профессионала, и сразу же созвонился со своим приятелем, костоправом Венсаном Мора, который вел прием неподалеку от «Луны-Луны».

И вскоре пациент был уже у него и лежал на кожаном массажном столе.

Под крепким нажатием уверенной руки Венсана Мора в крестцово-подвздошном суставе что-то несколько раз громко хрустнуло, и уже вскоре Марше покинул приемную костоправа, поняв, к своему изумлению, что совершенно избавился от боли.

Он чувствовал себя помолодевшим на десять лет и, помахивая тростью, бодрой походкой вернулся в лавочку на улице дю-Драгон, чтобы пригласить ее владелицу вместе с Рене в ресторан. После всего случившегося Макс хоть как-то решил их отблагодарить и, к собственному

удивлению, понял, что делает это с искренним удовольствием.

Во-первых, что-то подсказывало ему, что из Розали Лоран получится хороший иллюстратор. А кроме того, у него впервые за долгое время не болела спина.

Так что, можно сказать, он убил сразу двух зайцев.

Розали в этот вечер от волнения никак не могла уснуть. Рядом блаженно похрапывал Рене, которого сразу сморило после изобильного ужина с двумя бутылками красного вина, от такого угощения, состоявшего из превосходного цыпленка в винном соусе и непривычного для него высококалорийного десерта в виде крем-брюле, он уснул как убитый. В кухне за закрытой дверью отсыпался, дергая во сне лапками, утомленный переживаниями Уильям Моррис, который после всего случившегося целый день, не вылезая, просидел под прилавком, недоверчиво поглядывая на стойку с открытками.

Розали улыбалась, устремив взор в потолок.

Прежде чем и ее сморил сон, она достала из-под кровати голубую записную книжечку и сделала очередную запись:

Самое худшее в этот день:

Хотя лавка была закрыта, явился вдруг какой-то сердитый человек и опрокинул стойку с моими открытками.

Самое лучшее в этот день:

Сердитый человек, оказывается, был МАКС МАРШЕ, и я, Розали Лоран, буду иллюстрировать его книгу!

И вот вскоре, в один весенний апрельский денек, в жизнь Розали вошла история про синего тигра, навсегда изменив ее течение. В конце концов, в жизни каждого человека бывает своя история, которая становится поворотным пунктом, хотя далеко не все люди это осознают.

Когда утром Розали вышла открывать лавку и, как всегда, посмотрела вверх, она увидела над головой фарфоровое небо такой нежной и прозрачной голубизны, какая бывает только после прошедшего над Парижем проливного дождя в апреле. Мостовая еще не просохла, на тротуаре две птички ссорились из-за кусочка хлеба, в лавке напротив поднимали жалюзи над витриной, и у Розали впервые появилось чувство, что сегодня наступил особенный день, когда начнется что-то новое.

После памятного посещения Макса Марше она каждый день ожидала обещанного письма. Ей все еще трудно было поверить, что это ей предстоит иллюстрировать его новую книжку. Она надеялась, что не разочарует знаменитого писателя и его издателя. Во всяком случае, она постарается вложить в рисунки все, на что только способна. Это был ее великий шанс. «Иллюстрации Розали Лоран». Она заранее чувствовала прилив необыкновенной гордости. То-то ее мать удивится! А уж тетушка Полетта тем более! Бедная тетя Полетта! Как жаль, что она не видит!

Пока еще никто не знал, что она получила этот заказ. Разумеется, кроме Рене. «Круто! — сказал Рене. — Ты станешь настоящей знаменитостью». Вот за это она и любила Рене. Он всегда радовался ее удачам и никогда не завидовал. Он был не из тех, кто все время сравнивает себя с другими, и в этом, наверное, заключалась тайна его ровного характера, хотя сам он об этом вряд ли задумывался.

Выйдя в вестибюль, она почувствовала, как у нее радостно подпрыгнуло сердце. Еще издали она заметила белый конверт, наполовину высунувшийся из почтового ящика, и сразу же поняла, что это рукопись, присланная ей из издательства.

Иногда выпадают такие дни, когда все складывается удачно, и даже в почтовом ящике может оказаться только что-то хорошее.

С сильно забившимся сердцем Розали прижала конверт к груди. Ей не терпелось поскорее прочитать эту историю, и она быстрым шагом вернулась в лавку. Но хорошая погода с утра выманила на улицу много народа, и не успела Розали вскрыть конверт, как в лавку уже зашла молодая

женщина, чтобы купить авторучку для своего крестника. Она долго советовалась с Розали, какую ей выбрать, и в конце концов остановилась на темно-зеленой ручке «Ватерман» с мраморным рисунком.

Весь день в лавке не прерывался поток покупателей. То и дело кто-нибудь заходил, чтобы купить открытку или подарочную бумагу, закладку, музыкальную игрушку или шоколадку с цитатами знаменитых поэтов. Некоторые делали заказ на открытку с пожеланием. Колокольчик над дверью не умолкал, и Розали пришлось потерпеть до вечера, пока наконец не ушел последний покупатель — десятилетний рыжий мальчишка с веснушками, который пришел купить своей маме на день рождения пресс-папье и никак не мог решить, которое выбрать.

— Что мне взять? Сердечко из роз? Листок клевера? Или парусник? — переспрашивал мальчик, устремив жадный взгляд на трехмачтовый корабль. — Как по-вашему, маме понравится парусник? Такой корабль — это же очень здорово, правда?

Розали невольно улыбнулась, когда он в последний момент все-таки решил взять сердечко из роз.

— Хороший выбор, — сказала она. — Сердечки и розы — это то, чем ты всегда угодишь женщине.

Наконец в зале настала тишина. Розали заперла дверь, опустила решетку и сняла кассу. Затем она взялась за белый конверт, который так и пролежал весь день на столике из мягкого дерева, и поднялась в свою квартиру. На кухне она поставила чайник и взяла свою любимую чашку — изделие из серии «L'oiseau bleu»^[11] мануфактуры Жьен, которую она откопала на блошином рынке.

Розали села на свою французскую кровать, накрытую бело-голубым покрывалом и украшенную нарядными подушечками, которая днем служила ей вместо дивана, включила торшер и отпила из чашки чая с лимоном. Рядом зазывно белел утренний конверт. Розали бережно вскрыла его и вынула манускрипт, к которому скрепкой была пришпилена визитная карточка, на ней от руки было написано несколько строк:

Дорогая мадемуазель Розали!

Было очень приятно с Вами познакомиться. Вот Вам «Синий тигр». С нетерпением жду Вашего отзыва — что Вам придумалось и какие у Вас будут по этому поводу предложения.

Искренне Ваш,

Макс Марше.

*Р. С. Передайте мой привет Уильяму Моррису.
Надеюсь, он оправился от испуга.*

Розали улыбнулась. Очень мило с его стороны вспомнить собачку. И это обращение — «мадемуазель Розали»! Такое старомодное — почтительное и в то же время личное, по ее ощущению.

Она поудобнее пристроила две подушки и прислонилась, положив рукопись себе на колени.

И вот она принялась читать.

Макс Марше

Синий тигр

Когда Элоизе исполнилось восемь лет, с ней произошел совершенно невероятный случай, нечто такое, во что трудно было поверить, а между тем все именно так и было.

Элоиза была веселой девочкой с белокурыми волосами и зелеными глазами, забавным веснушчатым носиком и немного великоватым ртом. Как у большинства девочек, у нее была богатая фантазия, и она умела выдумывать самые удивительные истории.

Она твердо верила в то, что ее мягкие игрушки по ночам между собой разговаривают, а в колокольчиках, которые растут в саду, живут эльфы, такие крошечные, что человеческому глазу их не разглядеть. Она была почти уверена, что на коврах можно летать, если только знать волшебное слово, а купаясь в ванне, надо вынимать затычку только после того, как из нее выйдешь, чтобы тебя нечаянно не утянул в сливное отверстие водяной.

Элоиза жила с родителями и собачкой Бабу на хорошенькой белой вилле на окраине Парижа, совсем рядом с Булонским лесом. Булонский лес — это такой огромный-преогромный парк, но он действительно больше похож на лес.

Элоиза часто ходила сюда по воскресеньям с родителями на пикник или чтобы покататься на лодке, но самым любимым местом в Булонском лесу у нее был маленький парк Багатель — зачарованный уголок с прекрасным розовым садом. Как же там чудесно пахло! Попав туда, Элоиза

старалась дышать как можно глубже.

В парке Багатель был свой маленький дворец со стенами розового цвета, такого нежного, какой только возможно себе вообразить. И папа Элоизы рассказывал, что дворец этот давным-давно построил один молодой граф для королевы всего за шестьдесят четыре дня.

Элоиза и сама мечтала быть принцессой, и ей очень это понравилось.

«Когда я буду большая, то выйду замуж только за того, кто тоже построит мне дворец за шестьдесят четыре дня», — воскликнула она, а папа засмеялся и сказал, что тогда ей лучше всего выходить замуж за архитектора.

Среди знакомых Элоизы не было ни одного архитектора, зато был мальчик Морис, живший с мамой в конце той же улицы. У них был маленький домик, со всех сторон окруженный яблонями.

Как-то раз Морис стоял у забора, когда мимо вприпрыжку пробегала Элоиза.

— Хочешь яблоко? — спросил он ее и с застенчивой улыбкой протянул через забор большое румяное яблоко.

Элоиза взяла яблоко и откусила немножко, а потом протянула его вихрастому, светловолосому мальчику, чтобы он тоже откусил.

С этого дня они подружились, но это еще не все — мальчик под честное слово обещал Элоизе, что, когда вырастет, построит ей маленький дворец, такой же, как дворец Багатель в парке Багатель: подумаешь, мол, велика трудность!

Он даже тайком припас немного кирпичей, утащив их со стройки, и спрятал в углу сада, потому что, как вы уже догадались, Морис не на шутку влюбился в веселую золотоволосую девочку — хохотушку, умевшую рассказывать удивительные истории. Если бы Элоиза пожелала луну с неба, чтобы поставить ее у себя в спальне вместо светильника, Морис бы непременно пошел в астронавты, чтобы исполнить ее желание.

И вот в тот день, когда Элоизе исполнялось восемь лет, у них в школе как раз была классная экскурсия в Булонский лес. И ей, как имениннице, предложили решать, какое место Булонского леса выбрать для экскурсии. Конечно же, она выбрала парк Багатель! Солнышко пригревало, и мадам Беланже сказала детям, чтобы они взяли с собой альбомы для рисования и краски, потому что сегодня все будут рисовать на природе. Мадам Беланже расположилась с учебником биологии под раскидистым деревом, а дети, подстелив одеяла, расселись на траве и старательно рисовали птиц, розовые кусты, маленький розовый дворец или какого-нибудь роскошного павлина из тех, которые, кивая головками, расхаживали по лужайке с таким

гордым видом, словно они хозяева этого парка.

Элоиза сначала никак не могла выбрать, что бы нарисовать. Другие дети уже давно с усердием водили кисточкой по бумаге, а она все лежала на одеяле, глядя в голубое небо, по которому неторопливо проплывало толстое облако. Элоизе показалось, что оно похоже на доброго тигра, который разгуливает в вышине. Она привстала, достала из сумки с рисовальными принадлежностями краски и окунула в стаканчик кисточку.

Через два часа мадам Беланже захлопала в ладоши, и все дети стали показывать свои картинки. Когда дошла очередь до Элоизы, девочка с гордостью показала нарисованного синей краской тигра с серебряными полосками и небесно-голубыми глазами. Элоиза очень старалась и сейчас думала, что эта картинка получилась у нее как никогда хорошо.

Некоторые дети стали толкать друг дружку в бок и смеяться.

— Ха-ха-ха! Ай да Элоиза! Глядите-ка, что она нарисовала! — закричали дети. — Тигры же не бывают синими!

Элоиза покраснела как помидор:

— А мой тигр бывает!

— Но тигры всегда желтые в черную полоску, это знают даже малые дети! — сказала Матильда. А она была первой ученицей в классе, так что наверняка знала про тигров.

— А мой тигр — облачный, и они всегда бывают синими с серебряными полосками, так уж они устроены, — отвечала Элоиза, и губы у нее уже начали дрожать. Ну как же она могла забыть, что тигры желтые?!

Мадам Беланже улыбнулась и удивленно подняла брови.

— Ну знаете ли! — сказала она. — Медведи бывают белые и бурые, бывают пестрые дятлы и чернобурые лисы, бывают снежные барсы. Но про синих облачных тигров я что-то еще никогда не слыхала.

— Но ведь где-то же, — смущенно возразила Элоиза, — наверное, есть синие тигры...

Другие дети так и повалились от хохота на траву.

— Ага! И розовые слоны, и зеленые зебры! Сходила бы ты в зоопарк, Элоиза! — кричали дети.

— Всё, дети, довольно! — остановила их учительница, подняв руку. — Хотя синих тигров и не бывает, картинка у тебя, Элоиза, получилась, по моему, очень красивая!

После экскурсии дома праздновали день рождения Элоизы. На столе красовались большой шоколадный торт, малиновое мороженое и лимонад. В саду дети играли в разные игры: в прятки и в мячик, бегали в мешках

наперегонки, и только после ужина, когда родители пожелали Элоизе спокойной ночи, она, уйдя к себе в комнату, заметила, что забыла в парке сумку с рисовальными принадлежностями и картинку с синим тигром. Надо же, какая неприятность! И мама, наверное, будет браниться, потому что коробка с акварельными красками двадцати четырех цветов была совсем новенькая.

Подумав немного, Элоиза вылезла в окно и крадучись вышла из сада, пока родители в гостиной смотрели телевизор.

Солнце уже садилось, когда она, запыхавшись, добежала до парка Багатель. Элоиза решительно толкнула калитку, которая, к счастью, оказалась незапертой и, скрипнув, отворилась. Бегом миновав розовый дворец, розовый сад и маленькие водопадики, которые журчали, падая со скалистых уступов, она скоро оказалась на лужайке, где утром рисовали дети. Она поискала на земле и вдруг смотрит — нашла! Под старым деревом, где утром сидела учительница, лежала ее красная сумка с рисовальными принадлежностями, а ее альбом кто-то поставил, прислонив к дереву.

А картинки с синим тигром нигде не было видно.

Неужели кто-то ее забрал?

Или унес ветер?

Элоиза прищурилась, чтобы лучше видеть, и прошла несколько шагов в сторону белой беседки, которая возвышалась на пригорке, легкая, словно большой птичий вольер.

Внезапно до нее донесся какой-то вздох, ей показалось, что он послышался из каменного грота у подножия беседки. Его еще называли грот Четырех Ветров. Никто не знал, почему он так называется, но Элоиза туда как-то залезла во время игры в прятки и была совершенно уверена, что это место волшебное.

Если встать посередине каменной пещерки с видом на водопад, который изливался в находившийся сзади пруд с водяными лилиями, и загадать шепотом какое-нибудь желание, ветры его подхватят и разнесут на все четыре стороны света, и тогда оно непременно когда-нибудь исполнится. Элоиза была в этом совершенно уверена.

Вздох повторился, и на этот раз он показался ей похожим на тихое рычание. Она осторожно подкралась к самому входу в грот, озаренному золотыми лучами заходящего солнца.

— Ау! — позвала она. — Есть там кто-нибудь?

Рядом зашуршало. Кто-то, мягко ступая, прошел сквозь кусты.

Синий тигр с серебряными полосками! Он был в точности похож на

тигра с ее картинки.

Элоиза так и вытаращила глаза.

— Ой, боже мой! — пробормотала она, потому что сама немного удивилась.

— Ты что на меня так уставилась? — заворчал синий тигр.

С перепугу Элоиза не сразу даже обратила внимание, что тигр, оказывается, еще и говорит человеческим голосом.

— Неужели ты синий тигр? — решила она наконец спросить.

— А ты что, не видишь? — ответил тигр. — Я — облачный тигр, — сказал он, сверкнув на нее ярко-голубыми глазами.

— Ой! Как же я сама сразу не сообразила! — воскликнула Элоиза и с сомнением посмотрела на тигра. — А облачные тигры — опасные? — спросила она наконец.

— Нисколько, — ответил синий тигр и расплылся в веселой улыбке. — Тем более для детей.

Элоиза с облегчением кивнула.

— А можно тебя погладить? — спросила она. — У меня сегодня день рождения, чтобы ты знал.

— Если так, то даже можешь покататься на мне верхом, — сказал синий тигр. — Но сначала помоги мне, пожалуйста, потому что я, пробираясь сквозь розовые кусты, занозил себе лапу шипом.

Он подошел поближе, и Элоиза увидела, что он прихрамывает на правую лапу.

— Ах, бедняжка! — посочувствовала Элоиза, которая по себе знала, каково это — занозить себе ногу. — Со мной тоже такое случалось, и это больно. Нука, тигр, дай сюда свою лапу!

При последних лучах солнца тигр протянул ей свою лапу, и Элоиза, у которой глаза были очень зоркие, разглядела шип и одним движением выдернула его.

Синий тигр взревел от боли, и Элоиза испуганно отшатнулась.

— Прости меня! — сказал тигр и сталлизывать ранку.

— Надо бы завязать лапу, — сказала Элоиза. — Давай-ка вот этим!

Она достала белую тряпочку, идеально чистую, за исключением нескольких пятнышек краски, и перевязала раненую лапу тигра.

— Уж извини, что тут есть пятнышки, — сказала она. — Это все-таки лучше, чем ничего.

— Пятнышки мне как раз больше всего нравятся, — сказал синий тигр. — Там, где я живу, цветные мазки считаются самым хорошим из всего, что только бывает. — Тут он с удовольствием поглядел на

измазанную в красках тряпочку, которой была обмотана его лапа. — А еще, конечно, небесно-голубые, обточенные водой гладкие камешки — те, что встречаются только в голубом озере за голубыми горами. Они к тому же очень ценные, потому что такие камешки не каждый год падают с неба. Небесные камешки приносят счастье, говорят у нас. А у тебя такой есть?

Элоиза удивленно помотала головой. Небесно-голубых гладких камешков она еще никогда не видела. Тем более таких, которые упали с неба.

— А где ты живешь?

— В голубой стране.

— А она далеко?

— О да! Очень далеко. Так далеко, что туда надо лететь.

— На самолете? — Элоиза еще ни разу никуда не летала.

Тигр поворачивал глазами:

— Ну что ты! Какие там самолеты! Самолеты слишком шумят и слишком медленно летают. К тому же у нас там нет аэродромов. Нет-нет, в голубую страну можно долететь только мечтой.

— А-а! — удивленно протянула Элоиза.

Солнце тем временем зашло, и в темнеющей синеве небес уже показалась полная круглая луна.

— Как ты — хочешь полетать? — спросил синий тигр. Повернув вбок голову, он кивнул на свою серебряно-синюю полосатую спину. — Залезай, Элоиза!

Элоиза несколько не удивилась, что синий тигр знает ее имя. Не удивило ее и то, что он умеет летать. Он же был облачный тигр! Она взобралась ему на спину, обняла руками за шею и крепко прижалась личиком к мягкой шерстке, которая в лунном свете засверкала серебром. И вот они полетели.

Очень скоро грот Четырех Ветров, белая беседка, маленький розовый дворец, журчащий водопад и душистые розовые клумбы остались далеко позади. Они пролетели над темной чащей Булонского леса и увидели вдалеке город, светившийся тысячами огней, Триумфальную арку, величественно возвышающуюся над площадью Звезды, и стройную, устремленную вверх Эйфелеву башню, которая, как страж, высилась над Парижем.

Элоиза еще никогда не видела Париж сверху. Она и не знала, как красив этот город.

— Как великолепно! — воскликнула она. — Правда же, тигр, сверху

все становится другим?

— Иногда полезно окинуть картину общим взглядом, — сказал тигр. — Для этого лучше всего посмотреть на нее сверху. Или со стороны. Только увидев все целиком, начинаешь понимать, как хорошо согласуются между собой отдельные части.

Элоиза покрепче прижалась к пушистой спине тигра, когда они, очертив широкую дугу, полетели назад к Булонскому лесу. Воздух вокруг был полетному теплым, и ветер развеивал золотистые волосы Элоизы. Внизу извилистой черной лентой пересекала город Сена, по ней плавали прогулочные пароходики, украшенные разноцветными лампочками, и если бы кто-то с палубы догадался взглянуть вверх, он увидел бы проплывающее по небу продолговатое облако цвета индиго с трепещущей золотистой каемкой и, наверное, удивился бы, что облако напоминает летящего тигра. Но может быть, человек внизу принял бы его за светящийся след промелькнувшего метеора и тогда, глядя на него, мысленно загадал бы желание.

— Как я рада, что ты взаправду существуешь! — крикнула Элоиза тигру, когда они, снижаясь, летели над парком Багатель и снизу повеяло душистым запахом роз. — А то в школе все надо мной смеялись.

— И я рад, что ты, Элоиза, существуешь на свете, — ответил синий тигр. — Потому что ты — совершенно особенная, ни на кого не похожая девочка!

— Никто не поверит мне, что это было, — сказала Элоиза, когда синий тигр мягко опустился на землю всеми четырьмя лапами в саду ее дома.

— Ну и что? — сказал тигр. — Разве это все равно не прекрасно?

— Неповторимо прекрасно, — сказала Элоиза, чуть печально покачав головой. — Но люди мне не поверят. Никто не поверит, что я встретила синего тигра.

— Ну и пускай! — сказал синий тигр. — Главное, что ты сама веришь, что это было. Кстати, это вообще всегда самое главное.

Упругим прыжком он скакнул к дому и остановился под открытым окном, из которого вылезла Элоиза, чтобы сходить за забытыми рисовальными принадлежностями и картинкой с тигром.

Ей казалось, что с тех пор миновала целая вечность, однако, судя по всему, прошло совсем немного времени, потому что, заглянув в окно гостиной, она увидела, что родители все так же сидят перед телевизором. Никто не заметил, что Элоиза уходила из дома. Кроме разве что Бабу, который, встав передними лапами на подоконник, вилял ей из комнаты хвостом и взволнованно лаял.

— Встань мне на спину, тогда тебе легче будет забраться в комнату, — сказал синий тигр.

Элоиза помедлила:

— Я еще увижусь с тобой?

— Наверное, нет, — сказал тигр. — С облачным тигром можно встретиться только раз в жизни.

— О! — охнула Элоиза.

— Не грусти из-за этого, — сказал тигр. — Если захочешь увидеть меня, ляг на траву и жди, когда по небу проплывет облачный тигр, — это буду я. А теперь ступай!

Элоиза в последний раз обняла тигра.

— Смотри не забывай меня! — сказала она.

— Как я могу тебя забыть, у меня же осталась твоя цветная тряпочка!

Элоиза еще немного постояла у окна, глядя вслед тигру, который в несколько прыжков оказался у ограды. Перескочив через зеленую изгородь, он взлетел над деревьями, которые негромко шелохнули листвой, и, на мгновение заслонив собою месяц, полетел по небу и скрылся из виду.

— И я тоже тебя не забуду, тигр! — тихонько произнесла Элоиза. — Никогда!

Утром, когда Элоиза проснулась, комнату заливал солнечный свет, окно было настежь открыто, а на полу валялись ее вещи и сумка с рисовальными принадлежностями.

— С добрым утром, Элоиза, — сказала мама, которая чуть не упала, споткнувшись об эту сумку. — Что же ты опять все раскидала по полу! Разве так можно!

— Извини, мама, — сказала Элоиза. — Но сегодня все такое особенное. — Она взволнованно поднялась с подушки. — Вчера вечером я ходила в парк, потому что забыла там сумку. Сумка нашлась, а моя картинка исчезла. А потом я встретила в гроте Четырех Ветров синего тигра, совсем как на моей картинке — синего с серебряными полосами, и он даже умел говорить. Это был облачный тигр, и он поранился о розовые кусты, и я перевязала ему лапу, и тогда он сказал, чтобы я садилась ему на спину, и мы летали над Парижем, и... — Тут Элоизе не хватило воздуха и пришлось остановиться, чтобы передохнуть.

— Подумать только! — улыбнулась мама и погладила дочку по голове. — Ну и сон тебе приснился — целое приключение! Наверное, это оттого, что ты переела шоколадного торта.

— Да нет же, мамочка! Это был не сон! — сказала Элоиза, соскакивая с кровати. — Синий тигр приходил в наш сад, вот здесь, под моим окном он стоял, перед тем как улететь.

Она подбежала к окну и высунулась наружу. В саду было тихо и спокойно, и все как всегда.

— Это был облачный тигр, — упрямо повторила девочка.

— Облачный тигр, значит? Ну-ну... — повторила мама с улыбкой. — Остается только порадоваться, что он тебя не съел. А теперь давай-ка одевайся, папа уже собрался и подвезет тебя в школу.

Элоиза открыла было рот, чтобы сказать, что облачные тигры для детей не опасны, но тут мама вышла из комнаты.

— Знаешь, Бернар, у девочки и впрямь совершенно неукротимая фантазия! — донесся до Элоизы голос мамы, которая уже спускалась по лестнице.

Элоиза нахмурила лоб, стараясь понять, неужели все это ей только приснилось? Погруженная в размышления, она натянула платье, и тут ее взгляд упал на сумку с рисовальными принадлежностями, которая все еще валялась на полу у кровати. Она подняла ее и заглянула внутрь.

Там лежали коробка с акварельными красками, несколько кисточек, альбом для рисования с чистыми страницами. Начатая пачка печенья. Не было белой тряпочки с разноцветными пятнами. И тут Элоиза заметила, что на дне сумки что-то блестит.

Это был плоский, круглый небесно-голубой гладкий камешек.

— Элоиза, ты идешь? — крикнула снизу мама.

— Иду, мамочка!

Крепко зажав в руке гладкий голубой камешек, Элоиза улыбнулась. Да что эти взрослые понимают!

После занятий она пойдет к своему другу Морису и расскажет ему историю про синего тигра. Элоиза твердо знала, что уж он-то ей поверит.

* * *

Дочитав до конца, Розали еще долго сидела, стараясь хорошенько прочувствовать впечатление от прочитанной сказки. Во время чтения образы вставали перед ее внутренним взором как живые, и сейчас она с удивлением обводила глазами свою комнату. Маленькая Элоиза с золотистыми волосами. Протянутое через ограду яблоко, парк со старыми

деревьями и маленький дворец в парке Багатель самого нежного розового цвета, какой только можно себе представить. Облачный тигр в гроте Четырех Ветров. Голубая страна, в которую можно перенестись только на крыльях мечты. Ночной полет над Парижем. Развевающиеся на ветру волосы девочки. Обещание не забывать. Голубой гладкий камешек. Тряпочка с цветными пятнышками.

В голове у нее складывались картинки, переливались оттенки красок — золотая и синяя, серебряная и розовая. Ей так и хотелось прямо сейчас взяться за кисточки и карандаши и рисовать.

Небо за окном незаметно потемнело до ночной синевы. Розали еще долго сидела, устремив взгляд в темноту. Она ощущала глубинную правду в основе этой истории и, невзирая на все смешные моменты, которые в ней встречались, чувствовала тихую грусть, даже тоску, которая глубоко трогала ее душу. Она невольно вспомнила отца и все, чему он ее научил.

— Да, — сказала она. — Мазки краски — это самое главное. Мечта, которую нельзя утрачивать. И вера в свою мечту.

Париж встретил его проливным дождем.

Почти как тогда, когда он приезжал сюда в первый раз. Ему в то время только что исполнилось двенадцать — долговязый белокурый подросток с волосами едва не до плеч, длинные ноги — как же иначе — обтянуты джинсами. Поездка в Париж была подарком от мамы ко дню рождения.

— Как ты смотришь, Роберт, на то, чтобы нам с тобой на недельку съездить в Париж? Замечательно, правда? Вот увидишь, тебе понравится.

Это случилось через полгода после того, как умер его отец — адвокат Поль Шерман, возглавлявший знаменитую нью-йоркскую контору «Шерман и сыновья», и Роберту тогда ничего не казалось *замечательным*. Однако, подлетая к Парижу, Роберт почувствовал, что его охватило непривычное волнение. Его семья жила тогда в сонном городке Маунт-Киско, расположенном в часе езды к северу от Нью-Йорка. Но его мама, сама дочка француженки, иногда рассказывала ему о Париже, где однажды в молодости благодаря родителям провела целое лето. Поэтому она очень хорошо говорила по-французски и позаботилась о том, чтобы сын тоже выучил этот язык.

По дороге в такси через ночной Париж Роберт невольно заразился маминой радостью. Под шум барабанившего по крыше дождя он чуть не свернул себе шею, стараясь разглядеть через мутное от дождя стекло светящуюся огнями Эйфелеву башню, Лувр, шарообразные светильники на каком-то роскошном мосту, название которого тотчас же выскочило у него из головы, и широкие бульвары с рядами темных деревьев. На голых корявых ветках, устремленных к небу, были развешаны маленькие лампочки.

Огни города отражались от темной мостовой, и контуры высоких домов с выступающими вперед чугунными балконами, бесчисленные кафе и рестораны с ярко освещенными окнами тонули в лучах света. На какое-то мгновение у Роберта возникло ощущение, что он плавно едет по городу, сделанному из чистого золота.

Чем дальше, тем уже становились улочки, мостовая — ухабистее. Наконец такси остановилось перед маленькой гостиницей, и, выходя из машины, он по самую щиколотку угодил ногой в большую лужу, насквозь промочив кроссовки.

Странно, что иногда тебе запоминаются какие-то совершенно

незначительные детали и сохраняются где-то в глубинах памяти, а через годы или десятилетия они вдруг всплывают как живые.

Должно быть, это было начало ноября. На улицах Парижа и в парках гулял ледяной ветер, и Роберту запомнилось тогда, что все время шел дождь. Им не раз случилось промокнуть насквозь, и, спасаясь от дождя, они часто заходили в какое-нибудь маленькое кафе с веселенькими маркизами, чтобы согреться чашкой кофе с молоком.

Тогда он впервые попробовал настоящий кофе и почувствовал себя не мальчиком, а почти взрослым мужчиной.

Запомнилась ему и темнокожая женщина с широченной улыбкой во весь рот, в ярком головном платке с попугаями, которая по утрам приносила им завтрак в постель, потому что во французском отеле завтрак в постели считался чем-то совершенно нормальным. Запомнилось и блюдо с сырным ассорти — «assiette de fromage», которое он заказал в «Кафе де Флор» («Кафе поэтов», — объяснила ему мама). На этом блюде были выложены кружком отдельные ломтики сыра неизвестных ему сортов, начиная с мягких и кончая самыми острыми. Вечером они пошли в «Джаз-бар», где царило сумеречное освещение. И там он впервые в жизни попробовал крем-брюле, сверху покрытое сахарной корочкой, которая ломалась на языке с тихим хрустом. В Лувре он запомнил Мону Лизу, перед ней толпились люди прямо в пальто, от которых пахло дождем; запомнилось ему и катание по Сене на речном трамвайчике, который привез их к собору Нотр-Дам, тоже под проливным дождем, а также зажигалка «Зиппо» с надписью «Париж», которую он купил себе на Эйфелевой башне, куда они поднялись по лестнице.

— Надо будет еще раз съездить сюда при хорошей погоде, — сказала мама, когда они вышли на площадку и очутились на пронизывающем ветру. — Вот кончишь университет, и мы снова приедем в Париж и чокнемся с тобой бокалами шампанского, — смеясь, пообещала она. — Правда, мне, пожалуй, будет уже не подняться сюда пешком, но, слава богу, есть лифт.

Почему-то тогда они забыли о своих планах еще раз побывать на Эйфелевой башне, как часто забываются такие проекты, рожденные по мгновенному наитию, а потом вдруг оказывается, что братья за них уже поздно.

Днем они гуляли в одном из больших городских парков, он уже не помнил, был ли это Люксембургский сад или сад Тюильри, в памяти Роберта остался большой каменный куб, на который он тогда взобрался. На нем золотыми буквами была сделана надпись: «Поль Сезанн». При виде

этого памятника Роберт вдруг вспомнил отца и надпись на его надгробии на кладбище в Маунт-Киско, и у него появилось ощущение, что папа был с ними рядом. Сделанная тогда мамой фотография смеющегося белокурого мальчика в шапке и шарфе, стоящего с зажигалкой «Зиппо» в руке на большом белом каменном кубе, висела потом у нее на кухне до самой смерти. Когда Роберту пришлось расстаться с домом, он со слезами снял эту фотографию со стены.

Он помнил также во всех подробностях, как они с мамой покупали в булочной огромные розовые пирожные безе, которые там назывались меренгами, по вкусу это был сахар, воздух и миндаль, после этих пирожных у них все пальто оказались спереди засыпаны розовой пудрой, мама тогда хохотала, а ее глаза впервые за долгое время лучились весельем. Но потом, непонятно почему, ее радостное возбуждение снова сменилось грустью, которую она старалась не показывать, но он это все же почувствовал.

В последний день они сходили в музей Оранжери и, взявшись за руки, постояли перед большими полотнами Моне с водяными лилиями, и, когда он тревожно спросил маму, не плохо ли ей, она только кивнула и улыбнулась, но ее рука невольно крепче сжала его ладонь.

Все это вспомнилось Роберту в это утро, когда он прибыл в Париж. С тех пор как он тут побывал, прошло уже двадцать шесть лет. Зажигалка «Зиппо» сохранилась у него до сих пор. Но на этот раз он приехал в Париж один, и приехал, чтобы найти ответ на один вопрос.

Месяц назад его мать умерла. Его подруга выставила ему ультиматум: она требовала, чтобы он кардинально перевел стрелки на своем жизненном пути, а он не был уверен, какой путь его устраивает. Нужно было принимать важное решение. И он вдруг почувствовал, что ему будет легче, если он окажется как можно дальше от Нью-Йорка, и уехал в Париж, чтобы спокойно все обдумать.

Рейчел выходила из себя от возмущения. Она тряхнула своими рыжими кудрями, встала перед ним, скрестив на груди руки, и все ее хрупкое тело выражало один сплошной упрек.

— Не понимаю тебя, Роберт! — сказала она, и ее остренький носик при этом, казалось, еще больше заострился. — Я действительно не понимаю тебя! Тебе представляется неповторимый шанс занять одно из руководящих мест в конторе «Шерман и сыновья», а ты вместо этого готов выбрать жалкую временную работенку на низкооплачиваемой должности университетского преподавателя. Причем — подумать только! —

преподавателя литературы.

На самом деле «жалкая работенка» означала как-никак должность профессора, но в то же время и ее досаду можно было понять.

Ему, сыну Поля Шермана, юриста до мозга костей (какими, впрочем, были и его дед, и прадед), казалось бы, от рождения было предназначено выбрать карьеру юриста. Но если быть честным, то у него уже в студенческие годы, когда он ехал в Манхэттен, закрадывалось нехорошее чувство, что он сел не в тот вагон и не в тот поезд. Поэтому он, к удивлению всех родных, настоял на том, чтобы получить второе образование, и стал обладателем диплома бакалавра искусств.

— Ну что ж, если твоя душа этого требует! — сказала его мать, которая хоть и не разделяла в полной мере его страсть к книгам, все же обладала достаточно развитым воображением, чтобы понять, что значит безграничное увлечение.

Сама она обожала музеи. Еще когда Роберт был маленьким, его мама так же регулярно ходила в музеи, как другие люди на прогулку, и делала это по тем же причинам. Когда у нее было хорошее настроение, она говорила сыну:

— Сегодня такой чудный день! Давай пойдем в музей?

А когда бывала печальна и задумчива или когда случались какие-нибудь неприятности, она брала его за руку, садилась на поезд в Нью-Йорк и таскала сынишку по музеям — в музей Гуггенхайма, Музей современного искусства, в Метрополитен или в «Коллекцию Фрика».

Роберту вспомнилось, что, когда умер отец, мать с горя проводила нескончаемые часы в Музее современного искусства.

Роберт смолоду чувствовал, что в груди у него действительно живут пресловутые две души. С одной стороны, он не хотел огорчать отца, который желал, чтобы его единственный сын и наследник когда-нибудь продолжил дело адвокатской фирмы «Шерман и сыновья», став хорошим адвокатом. С другой стороны, он все отчетливее ощущал, что его тянет к чему-то совсем другому.

Когда он наконец решил уйти из адвокатской фирмы и поступить на работу в университет в качестве преподавателя английской литературы, все подумали, что это просто временное увлечение.

Дядюшка Джонатан (разумеется, тоже адвокат), который после смерти отца в одиночку вел дела фирмы, огорченно похлопал Роберта по плечу:

— Жаль, дорогой, очень жаль! Ведь юриспруденция у тебя, можно сказать, заложена в крови. Все Шерманы были адвокатами. Ничего не поделаешь! Но я все-таки надеюсь, что, попробовав жизнь в мире мечты,

ты снова вернешься к семейному бизнесу!

Однако надежды дядюшки не оправдались. Роберт сразу прижился в университете и чувствовал себя там прекрасно, несмотря на то что зарабатывать стал гораздо меньше. Он посвятил себя изучению театра елизаветинских времен, написал эссе о «Сне в летнюю ночь» и несколько статей о сонетах Шекспира, а его лекции вызвали интерес далеко за пределами Нью-Йорка.

На скамейке в Центральном парке под бронзовым памятником Хансу Кристиану Андерсену он однажды познакомился с Рейчел — честолюбивой экономисткой с необыкновенными зелеными глазами. Симпатичный молодой человек, умевший так интересно рассказывать и знавший наизусть столько стихов, произвел на нее большое впечатление, особенно когда она узнала, что он принадлежит к семейству Шерман. Они очень быстро сошлись и стали жить вместе в Сохо, в крошечной и страшно дорогой квартирке. «Тебе лучше было остаться в адвокатской конторе», — сразу сказала Рейчел. Тогда это воспринималось как шутка.

А затем, несколько лет спустя — дело было в начале марта, и в этот день все вокруг выглядело обманчиво лучезарным, — в жизни молодого профессора с небесно-голубыми глазами разразилась катастрофа. Он тогда был занят своим любимым занятием — рылся на полках книжного магазина «Мак-Налли» и как раз собирался пойти в кафе при магазине и полистать только что приобретенные книжки за чашечкой капучино (дело в том, что этот магазин так же славился своим кофе, как и книгами), как вдруг зазвонил его мобильный телефон.

Звонила мама. По голосу слышно было, что она нервничает.

— Дорогой мой, я сейчас в «МоМа»^[12], — объявила она дрожащим голосом, и Роберт сразу почувствовал недоброе.

— Что случилось, мама? — спросил он.

Прежде чем ответить, она набрала в грудь воздуха и тяжело выдохнула над трубкой:

— Я должна тебе кое-что сказать, мой мальчик, но обещаю, что не будешь расстраиваться!

— Я умру. Очень скоро, — высказала она всю правду, уместив ее в четыре слова. Каждое из них обрушилось на него, как стенобитный шар.

У мамы был рак поджелудочной железы, и в последней стадии. Казалось бы, ничто этого не предвещало. И уже ничего нельзя было поделать. «Может быть, это и к лучшему», — сказала тогда мама. Без операций, без химии. Без этой медленной пытки, которая ни от чего не

спасает, а только затягивает мучения.

Регулярные, правильно рассчитанные дозы морфия и толковый лечащий врач облегчили ей последние дни. Все произошло очень быстро. Невероятно быстро.

Через три месяца мама умерла. Всю жизнь страшно боявшаяся смерти, она перед кончиной держалась удивительно мужественно, сохраняя почти невозмутимое спокойствие. Перед лицом такой стойкости Роберту было стыдно от своей несдержанности.

— Милый мой мальчик! — сказала она. Она взяла его за руку и напоследок крепко пожала. — Все хорошо. Не надо так горевать. Я уйду отсюда в далекую страну, она так далеко, что до нее не долетишь никаким самолетом. — Тут она слегка подмигнула Роберту, и у него встал в горле комок. — Но ты же знаешь, я всегда буду тут рядом с тобой. Я очень люблю тебя, сыночек.

— И я тебя тоже, мама, — сказал он, как бывало в детстве, когда она, почитав ему на ночь сказку, целовала его на сон грядущий. По его щекам струились слезы.

— Вот только на Эйфелеву башню мы с тобой так и успели еще раз подняться, — произнесла она вдруг еле слышно, и ее улыбка вспорхнула у него перед глазами, словно взмах голубиного крыла. — Помнишь, мы договаривались побывать в Париже.

— Ах, мама! — выговорил он и неожиданно все-таки улыбнулся, хотя горло ему стиснуло так, что, кажется, было не продохнуть. — Да черт с ним, с Парижем!

Она едва заметно качнула головой:

— Нет-нет, сынок! Поверь мне, съездить в Париж — всегда хорошая идея.

В день похорон светило солнце. Пришло много народу. Его мама была обаятельным человеком, и многие ее любили. Но самым лучшим ее свойством было, наверное, то, что она всю жизнь сохраняла способность по-детски радоваться и увлекаться. Так он сказал и в своей надгробной речи. Роберт действительно не знал никого, кто умел бы так радоваться, как его мать.

Она умерла в шестьдесят три года. Слишком рано ушла, как говорили те, кто пришел ее проводить, когда сочувственно пожимали ему руку или заключали в объятия. «Но если ты любишь кого-то, то смерть его всегда кажется преждевременной», — подумал Роберт.

После того как нотариус выдал ему толстый конверт, в котором содержались последние распоряжения, важные бумаги, несколько личных писем и все остальное, чему его мать придавала особенное значение, Роберт еще раз прошелся по опустевшим комнатам белого деревянного дома с большой верандой, где прошло его детство.

Он надолго задержался перед акварельной картиной с подсолнухами, которую так любила его мать. Он прошел в сад и постоял, приложив ладонь к корявому стволу клена, на котором все еще висел скворечник, сделанный его отцом. Вот и в этом году клен, как всегда, запыляет осенью яркими красками. Мысль об этом казалась странной и в то же время утешительной. Что-то останется навсегда.

Еще раз Роберт взгляделся в раскидистую крону, сквозь которую проглядывала синева весеннего неба. Он посмотрел вверх и подумал о родителях.

На этом он окончательно распрощался с прошлым. С Маунт-Киско и со своим детством.

В связи с неожиданной смертью матери дал о себе знать дядюшка Джонатан, озабоченный дальнейшей судьбой адвокатской конторы «Шерман и сыновья». В свои семьдесят три он, мол, и сам давно уже не молод, жизнь так скоротечна, не успеешь оглянуться — и все!

Давая Роберту время опомниться после скорбного события и уладить необходимые дела, он выждал несколько недель, но затем, когда шел уже август, пригласил его вместе пообедать, предупредив, что у них будет серьезный разговор. Неприятной для Роберта неожиданностью стало присутствие Рейчел.

— Пора бы тебе вернуться в контору, Роберт, — сказал дядюшка Джонатан. — Ты хороший адвокат, и тебе следовало бы помнить, что ты представляешь целую династию. Я не знаю, сколько еще смогу вести контору, хотелось бы передать ее тебе. Ты нужен нам в фирме «Шерман и сыновья». Нужен более, чем когда-либо.

Рейчел согласно кивала. Судя по выражению ее лица, она считала доводы дядюшки совершенно убедительными.

Роберт смущенно ерзал на стуле, затем нерешительно извлек из кармана конверт.

— Знаете, что это такое? — сказал он, чтобы с чего-то начать.

Как это зачастую бывает в жизни, все события случаются одновременно, и это письмо он вынул из почтового ящика сегодня утром. В нем оказалось предложение из Сорбонны.

— Хотя речь идет всего лишь о должности приглашенного профессора сроком на один год, но это то, о чем я давно мечтал. Мне предлагают начать лекции уже в январе. — Не дождавшись ни звука в ответ, он смущенно улыбнулся. В комнате воцарилось неприятное молчание. — Что бы ты ни говорил, дядюшка Джонатан, я все-таки не прирожденный юрист, как папа. Я — человек книжный...

— Да кто же тебе, дорогой, мешает заниматься твоими обожаемыми книжками! Прекрасное хобби! Отчего же вечером не почитать хорошую книжку. И твой отец читал. *После* работы, — сказал дядюшка Джонатан в ответ на высказанные Робертом сомнения, недоуменно покачав головой.

Но это были еще мелочи по сравнению с теми горькими упреками, которые вечером высказала ему дома Рейчел.

— Ты думаешь только о себе! — яростно бросила она ему в лицо. — А как же я? Что будет с нами обоими? Когда ты, Роберт, наконец повзрослеешь? Почему тебе непременно надо все разрушить из-за каких-то там стишков!

— Но ведь это же... это моя профессия! — попытался он возразить.

— Подумаешь — профессия! Разве это профессия? Ведь всем известно, что быть профессором — это совсем не значит хорошо устроиться. Чего доброго, ты еще надумаешь романы писать!

Она все больше входила в раж, а он поймал себя на мысли, что совсем неплохо было бы действительно написать книгу. Всякий, кто прикоснулся к литературе или попал под ее обаяние, когда-нибудь непременно начинает об этом подумывать. Однако не все поддаются этому искушению, и это, наверное, к лучшему. Как-нибудь, в более спокойную минуту, он тоже об этом подумает.

— Ну правда, Роберт! Иногда я начинаю сомневаться, где же у тебя здравый смысл! Насчет Парижа, надеюсь, ты все-таки не всерьез? Зачем тебе понадобилась эта страна, где люди до сих пор лопают *лягушек*? — Тут она скроила такую гримасу, точно только что увидела живого каннибала.

— Лягушачьи окорочка, Рейчел, а не лягушек.

— Хрен редьки не слаще! Полагаю, что в этой неполиткорректной стране никто понятия не имеет о защите животных.

— Рейчел, речь идет всего об одном годе, — сказал он, не вдаваясь в обсуждение ее нелепого аргумента.

— Нет, — замотала она головой. — Речь идет о более серьезном, и ты сам это прекрасно знаешь.

Она отошла к окну и повернулась к нему спиной.

— Роберт, — сделала она новую попытку, на этот раз уже спокойным тоном. — Посмотри на улицу. Взгляни на этот город. Ты живешь в Нью-Йорке, мой милый, и это центр мира. На что тебе Париж? Ты же его совсем не знаешь.

Он подумал о неделе, проведенной в Париже с матерью.

— А ты — еще менее, чем я, — возразил он ей.

— С меня хватит и того, что я слышала.

— И что же ты слышала?

Рейчел поморщилась:

— Ну, это же всякому известно. Французские мужчины считают себя величайшими обольстителями всех времен и народов. А женщины — капризные стервы, питаются, как козы, листьями салата, и понять их совершенно невозможно. Они для всего используют пластиковые пакеты и мучают гусей и певчих птиц. Все они до полудня валяются в постели, и это у них называется *savoir vivre*^[13].

Роберт не удержался от смеха:

— Не многовато ли предрассудков, *darling*?^[14]

— Не смей называть меня *darling*! — прошипела она. — Ты сделаешь колоссальную ошибку, если откажешься от предложения твоего дядюшки. Он тебе на блюдечке преподнес будущую карьеру. Он хочет, чтобы ты взял на себя руководство конторой. Ты хоть понимаешь, что это значит? Ты получаешь все, о чем только можно мечтать! Нам никогда не пришлось бы думать о том, где взять деньги.

— Так, значит, дело в деньгах, — зацепился он за это признание.

Возможно, это был не самый честный ход, но Рейчел сразу клюнула на наживку:

— Да, в частности и в деньгах. Деньги, дурачок, очень важная вещь в жизни! Не у всех было такое беззаботное детство, как у тебя!

Рейчел, которая сама зарабатывала деньги на свою учебу, возмущенно заходила из угла в угол, потом принялась громко рыдать, а он, сидя на диване, со стоном схватился за голову.

Наконец она подошла к дивану и остановилась перед ним.

— А теперь слушай внимательно! — объявила она. — Если ты поедешь в Париж, между нами все кончено. — Ее зеленые глаза сверкали решимостью.

Он поднял голову и растерянно посмотрел на нее.

— Ладно, Рейчел, — произнес он наконец. — Я должен спокойно все обдумать. Четыре недели. Дай мне только четыре недели.

Через несколько дней он уже летел на самолете в Париж. В ручной клади у него лежали путеводитель по Парижу и старая зажигалка «Зиппо». Прощание с Рейчел прошло очень холодно. Однако она согласилась, что ему нужно дать время подумать. А там будет видно.

Когда такси остановилось перед маленьким отелем на улице Жакоб, опять шел дождь, как тогда, когда они приезжали сюда с мамой. Только на этот раз стоял сентябрь и было раннее утро.

От проливного дождя сточные канавы моментально переполнились водой. Выходя из такси, Роберт угодил ногой в глубокую лужу. Выругавшись, он в промокших башмаках (на этот раз не в кроссовках, а в замшевых мокасынах) двинулся к дверям, волоча по ухабистой мостовой чемодан, и вошел в гостиницу, выбранную по Интернету под рубрикой «Маленькие, но уютные». Она называлась «Hotel des Marronniers», что, если он не ошибался, означало «Каштановая гостиница» — довольно странное название для отеля, но ему с первого взгляда понравились картинки и описание:

Расположенный в самом сердце района Сен-Жермен маленький оазис, полный тишины и спокойствия, с розовым садом во внутреннем дворе и красиво обставленными номерами. Мебель старинная.

Совет: непременно спрашивайте номер с окнами во двор!

«Всегда хорошая идея», — говорила его мама о поездке в Париж. Причем независимо от того, счастлив ты или несчастен, влюблен или нет. Если ты несчастен и не влюблен, то лучше поездки в Париж все равно ничего не придумаешь!

Эти слова невольно вспомнились Роберту Шерману, когда он со вздохом принялся оттирать скомканной газетой ботинок, которым только что вляпался в собачью кучку.

Остановился он на улице дю-Драгон в нескольких шагах от лавочки, торгующей открытками, мысленно ругая себя последними словами за приступ сентиментального настроения, из-за которого очутился в Париже.

Номер с окнами во двор оказался сплошным разочарованием. Когда он, движимый неудержимым любопытством, распахнул створки окна своего крошечного, как ящик, номера на пятом этаже в надежде увидеть хотя бы краешек очаровательного внутреннего дворика, где среди роз и статуй заманчиво белело несколько чугунных столиков и стульев с гнутыми ножками, его взгляд наткнулся на каменную стену, — чтобы увидеть обещанную прелесть, нужно было, рискуя жизнью, высунуться по пояс за подоконник.

Войдя в кабинку крошечного лифта, он медленно поехал вниз, чтобы пожаловаться на неудобство, и всю дорогу лифт устрасшающе скрипел. Юное создание с темными волосами за стойкой регистрации с удивлением посмотрело на него, когда он, отдав ключ, потребовал себе другой номер.

— Мсье, я не понимаю — этот номер *выходит* окном во двор! — очень любезно сказала девушка.

— Может быть, и так, но мне его *не видно*, — не слишком любезно ответил Роберт.

Девушка сначала полистала толстый журнал, вероятно, чтобы дать ему время успокоиться.

— Je suis desotée^[15], — произнесла она затем с сожалением, — у нас все номера заняты.

После короткой безрезультатной дискуссии Роберт с досадой взял свой чемодан, оставленный возле стойки в ожидании, что кто-то отнесет его к нему в номер (чего не случилось). Он нетерпеливо нажал на кнопку, но крохотный лифт, по-видимому, окончательно вышел из строя, и брюнетка, дежурившая за стойкой, с сочувствием пожимая плечами, повесила на

дверце табличку с надписью «Hors service» — «Не работает».

Пришлось Роберту тащить чемодан на пятый этаж по узенькой лестнице, как оказалось, мало приспособленной для переноски более или менее крупногабаритного багажа. Затем, уныло посидев некоторое время на кровати со старомодным покрывалом и наглядевшись на каменную стену за окном, он надумал принять ванну.

Ванная — беломраморная мечта, обрамленная голубым кафелем, — судя по размерам, предназначалась для карликов. Поджав коленки, Роберт кое-как уместился в ней; сидя под душем, он усомнился, так ли уж хороша была его идея поехать в Париж.

Вероятно, в его воображении возникли чересчур романтические представления, и ностальгические воспоминания о прошлой поездке окружили их золотым сиянием.

Он — человек, приехавший в чужой город, американец в Париже, но пока что все складывалось не так чудесно и весело, как в фильмах с Джином Келли или Одри Хепбёрн, которые так любила его мама.

Когда он отправился в ознакомительную прогулку по Сен-Жермену, дождь уже прекратился. Недовольный официант в кафе по соседству с гостиницей сначала упорно не замечал его присутствия, потом все-таки подал кофе и багет с ветчиной. Роберт с тоской вспоминал приветливость, с которой тебя встречают в нью-йоркских кафе. Ему не хватало такого привычного «Hi, how are you today?»^[16] или «I like your sweater, looks really great!»^[17].

Потом, когда он шел по улице Бонапарта, на него наехал и чуть не сбил с ног велосипедист и даже не извинился. Затем на бульваре Сен-Жермен он купил газету, а вскоре на улице дю-Драгон рядом с магазинчиком открыток вляпался в собачью кучку. Похоже, сегодня не приходится ожидать ничего хорошего.

Но вот тут-то Роберт Шерман как раз и ошибся. Всего несколько шагов отделяло его от самого замечательного приключения, уготованного для него жизнью. А поскольку главные приключения — это всегда приключения сердца, то можно сказать, что американский профессор литературы остановился в нескольких шагах от любви.

Но разумеется, Роберт Шерман этого не знал, когда его взгляд задержался на красивой витрине писчебумажного магазинчика.

И тут он от неожиданности застыл на месте.

Вот уже две недели Розали чувствовала себя на седьмом небе.

Когда она утром, мурлыча себе под нос какую-то мелодию, расставляла на стойке новые открытки, то невольно поглядывала на замечательный плакат, который висел на стене за кассой.

На плакате был изображен большой синий тигр — иллюстрация на титуле вышедшей две недели назад книги «Синий тигр». А внизу на плакате были помещены два портрета и под ними два имени: Макс Марше и Розали Лоран.

Она с гордостью улыбнулась, вспоминая публичное чтение, которое три дня назад состоялось в «Луне-Луне». В маленькой лавочке собралось столько народу, что яблоку негде упасть, когда Макс Марше представлял свою новую книжку.

А так как сам писатель не любил выступать, Розали же, напротив, очень любила читать вслух, он с удовольствием предоставил ей возможность выполнять за себя эту обязанность, а после чтения раздавал автографы и отвечал на вопросы.

Все были в восторге. Даже ее матушка с довольным выражением на лице присутствовала при чтении и по окончании подошла к дочери и со счастливым вздохом заключила ее в объятия.

— Я так горжусь тобой, дитя мое! — сказала она. — Жаль, твой отец не дожил до этого дня.

Устроить публичное чтение в лавке придумал весельчак-издатель. Монсиньяк решил, что будет неплохой идеей провести после блестящей презентации в издательстве и нескольких выездных мероприятий в крупнейших книжных магазинах нечто похожее и там, где были созданы иллюстрации.

В своей остроумной вступительной речи он, разумеется, не преминул упомянуть, что не кто иной, как он сам, Жан-Поль Монсиньяк, благодаря своему безошибочному чутью на талантливых людей («Хороший издатель с одного взгляда распознает настоящий талант!») свел друг с другом этих двух симпатичных *нелюдимых чудаков* (именно так он сказал, и Розали с Максом при этих словах удивленно переглянулись, а затем расплылись в понимающей улыбке).

У директора издательства «Опаль-Жёнесс» были все основания радоваться. С тех пор как в августе состоялся приуроченный к

семидесятилетию Макса Марше выход этой книжки с яркими иллюстрациями, было распродано сорок тысяч экземпляров. Оказалось, что глубоко ошибались те, кто считал, будто бы читатели давно забыли добровольного отшельника Марше. Осыпанная похвалами рецензентов, восторженно принятая маленькими и большими читателями, его новая книжка даже попала в список произведений, выдвинутых на премию детской и юношеской литературы.

— Ну, mon vieil ami^[18], — похлопал старинного соратника по плечу сияющий от удовольствия Монсиньяк, — вот это поздравление так поздравление! Что скажешь! Некоторых людей надо силком толкать навстречу удаче! — сказал он и громко захохотал.

Старый друг сделал вид, что не расслышал намека, и только улыбнулся, зато Розали так и сияла от радости, с трудом веря своему счастью. После выхода этой книги другие издательства тоже обратили внимание на молодую художницу, и ей уже поступило предложение на набор из десяти открыток с различными мотивами. Прибавилось также заказов на индивидуальные поздравительные открытки. Многие люди стали приходить в лавочку Розали, потому что прочитали о ней в газетах. Если так пойдет и дальше, то можно больше не волноваться о том, где взять денег на арендную плату, мысленно радовалась Розали. Скорее уж придется беспокоиться о другом — как ей управиться, когда у нее столько работы.

— Тебе надо бы подумать о том, чтобы нанять в лавку помощницу, которая подменяла бы тебя за прилавком, — сказал ей на днях Рене, глядя, как она который уже вечер подряд допоздна сидит за рисунками. — А то ты работаешь уже сутки напролет. Между тем всем известно, что самый полезный сон — это сон до полуночи.

После этого он с озабоченным и укоризненным выражением лица прочел ей очередную лекцию о человеческом организме, объясняя, что полезно, а что вредно.

Бедный, славный Рене! В последние недели и месяцы она не больно-то много уделяла ему внимание, тратя весь пыл на работу над иллюстрациями к «Тигру». Представленные ею наброски и пробные рисунки, к счастью, все, кроме одного, были одобрены как издателем, так и автором. Она три раза съездила в Ле-Везине к Максиму Марше, чтобы обсудить с ним предложенные картинки. И она искренне полюбила старика, который при первой встрече показался ей таким угрюмым и неприветливым. Она ценила его прямоту и чувство юмора, хотя их мнения относительно того, какие сценки нужно включить в иллюстрации, не всегда совпадали. Под конец разговора они перешли на просторную террасу с видом на заросли голубых

гортензий и там, под сенью широкого белого зонта, угощались великолепной charlotte aux framboises^[19], приготовленной его экономкой мадам Бонье. Незаметно для себя они начали рассказывать друг другу о вещах, уже не имевших отношения к его сказке и к иллюстрациям. Оба, как влюбленные, без устали вспоминали в разговоре обстоятельства своей первой встречи, и Розали под конец призналась Макс, что сначала приняла ввалившегося к ней в лавку в выходной день неприветливого покупателя за заблудившегося сумасшедшего старика, который несет какую-то околесицу.

Макс признался ей, что поначалу был не в восторге от предложения, чтобы его книжку иллюстрировала «дилетантка», а на улицу дю-Драгон явился только для того, чтобы потом с чистой совестью сказать, что, на его взгляд, рисунки девушки, торгующей открытками, просто ужасные.

Оба очень смеялись, а Розали поведала Макс, что синий цвет был ее любимым и что у нее, по словам ее матери, насчет синего цвета всегда был пунктик, а затем, глядя Макс, прямо в глаза, спросила:

— А вы верите в случайности, мсье Макс?

(Несмотря на то что они подружились, они по-прежнему оставались на «вы».)

Макс Марше, посмеиваясь, поудобнее откинулся на спинку плетеного кресла и поймал вилкой ягоду малины.

— Случайностей не бывает, — сказал он и, подмигнув, добавил: — Это не мои слова. — Он положил ягоду в рот и проглотил. — Это сказал человек позначительнее, чем я. Во всяком случае, мне впервые в жизни довелось своротить стойку с открытками, для того чтобы познакомиться с хорошенькой женщиной.

— Мсье Макс! — смеясь, воскликнула Розали. — Вы, кажется, со мной флиртуете?

— Возможно, — ответил он. — Но боюсь, что я с этим чересчур запоздал. Такая трагедия! — Покачав головой, он громко вздохнул: — К тому же у вас ведь, кажется, уже есть друг. Этот... как его... Рене Жубер. Что ж! Неплохой мальчик...

Ей не понравилось выражение лица, с каким он это сказал.

— Неплохой, но?.. — спросила она.

— Ну что тут скажешь, Розали: славный парень, но не подходит для вас.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Жизненный опыт? — бросил он вопросительно и засмеялся. — Но может быть, во мне просто говорит ревность. Я старый и больной человек, мадемуазель Розали. От этого я иногда становлюсь ворчуном. Но я не был

таким от рождения, знаете ли. Будь я помоложе, я бы все сделал для того, чтобы отбить у этого Рене его хорошенькую подружку. И готов спорить на бутылку «Боллинже», что мне бы это удалось.

— Как жаль, что вы не можете проиграть это пари, — дерзко ответила Розали. — С удовольствием выпила бы «Боллинже»!

— Это благородное вино, мадемуазель Розали. Его просто так не пьют. Говорят, что кто не пробовал этого шампанского, тот прожил жизнь напрасно.

— Вы подогреваете мое любопытство.

— Ну, может быть, когда-нибудь и представится повод, — ответил ей Марше.

И вот, несколько недель спустя, в разгар августовской жары, когда Розали и думать забыла про тот разговор насчет «Боллинже», ей вдруг с утра позвонил Макс Марше и спросил, не найдется ли у нее времени сегодня вечером, повод есть.

— Какой повод? — спросила она в недоумении.

— Для «Боллинже», — коротко ответил он. — Есть что обмыть.

— Но ведь ваш день рождения еще впереди, — удивилась Розали, на всякий случай бросив взгляд на календарь. День рождения Макса приходился на последний день августа, и до него оставалось еще две недели.

— Да ну его — день рождения! — буркнул он ворчливым тоном, к которому Розали уже привыкла. — Эта ерунда для детей. Так как же? Найдется у вас время?

— Но тогда что же...

— Пусть это для вас просто будет сюрпризом, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — И оденьтесь понаряднее, мы идем в шикарный ресторан. Я заеду за вами на такси.

Он пригласил ее в «Жюль Верн». Это же надо такое — не куда-нибудь, а в «Жюль Верн»! Розали была настолько поражена, что не смогла отреагировать так, как это того заслуживало.

— Надеюсь, вам это не покажется безнадежно старомодным, — извиняющимся тоном сказал ей Макс, когда она под руку с ним, в платье цвета сливы, вошла в ресторан. — Я же не знаю, что сейчас модно в Париже.

— Старомодно? Да вы с ума сошли! Я же всю жизнь мечтала побывать тут наверху!

С сияющими глазами Розали подошла к заранее заказанному, накрытому белой скатертью столику возле окна и посмотрела на открывающийся сверху вид на Париж.

За спиной у нее послышалось тихое позвякивание, и официант в белом смокинге поднес к столику серебряное ведерко, в котором, окруженная кусочками колотого льда, покоилась темно-зеленая бутылка «Боллинже» с золотой этикеткой. Официант умелой рукой стал ее открывать, и пробка, издав легкий хлопок, выскочила из горлышка. Они сели, официант налил им шампанское в хрустальные бокалы, и тогда Макс достал из кармана что-то в бумажном пакетике, подозрительно похожее на книгу.

Он положил пакетик на стол, и Розали почувствовала, как у нее взволнованно забилось сердце.

— Не может быть! — воскликнула она. — Неужели это уже... уже...

Макс кивнул:

— Книжка, — сказал он. — Я еще вчера получил сигнальный экземпляр, Розали, и подумал, что вот он — повод распить с вами согласно вашему желанию бутылку «Боллинже». Извините, что я сначала темнил, но я счел правильным отметить такое событие вдвоем с вами.

Они подняли бокалы и чокнулись. Звон бокалов на секунду перекрыл гомон голосов из-за соседних столиков. Макс Марше посмотрел на нее с улыбкой:

— За «Синего тигра»! И за то, что он послужил причиной замечательного знакомства с вами!

Затем Розали бережно развернула книгу, погладила рукой гладкий переплет, на котором красовался улыбающийся кошачьей улыбкой синий тигр с серебряными полосами, и стала переворачивать страницу за страницей. «Получилось замечательно красиво», — подумала Розали. Ее первая книжка! Вот она какая, оказывается, на ощупь! Розали готова была запеть от радости.

— Вы довольны?

— Еще как! — радостно откликнулась она.

Она пролистала книжку обратно, от конца к началу.

— Мне хочется, чтобы вы мне что-нибудь в ней написали, — сказала она и только тут увидела в книге надпись: «Посвящается Р.».

— Ой, надо же! — воскликнула она, покраснев от неожиданности. — Вы необыкновенно добры! Спасибо! Просто не знаю, что и сказать...

— Просто не говорите ничего.

Розали действительно так обрадовалась оказанному ей знаку внимания, что не заметила, как мсье Марше при этих словах улыбнулся

странной улыбкой.

Они еще долго пробыли в ресторане, наслаждаясь изысканными блюдами, а когда бутылка шампанского была допита, она, к собственному удивлению, вдруг сказала:

— Знаете, я ведь каждый год прихожу сюда в свой день рождения.

У Макса удивленно приподнялись брови:

— Да что вы? Сюда? В «Жюль Верн»?

— Не *сюда*, конечно, а на Эйфелеву башню. Я только недавно зареклась было это делать, а тут вдруг — хлоп! — появились вы! — Розали негромко засмеялась, голова у нее кружилась от хмеля, она смахнула свесившиеся на глаза волосы и, понизив голос, сказала: — Макс, я хочу открыть вам один секрет, только обещайте, что никому не расскажете. И пожалуйста, не смейтесь надо мной, если вам это покажется ужасным ребячеством!

— Буду молчать как могила, — сказал он. — И я никогда над вами не смеюсь, только улыбаюсь вам. Вы же знаете, что я пишу детские книги.

И так случилось, что Макс Марше, создатель синего облачного тигра, летающего по ночному небу и верящего в магию сокровенных желаний, сделался первым человеком, с которым Розали поделилась секретом Эйфелевой башни. А вместе с ним, разумеется, и теми тайными желаниями, которые она пускала лететь с Эйфелевой башни, три из которых нежданно-негаданно вдруг исполнились за последние три месяца. Ее открыли в качестве иллюстратора. Впервые в жизни ее мама высказала ей свое одобрение. И ее пригласили в «Жюль Верн», хотя сделал это и не мужчина ее мечты.

— Вот так-то! — весело заключила она. — Надеюсь, что вы не поймете меня неправильно, дорогой Макс. Вообще-то, я должна была бы оказаться здесь со своим другом, но и так тоже очень здорово.

— Думаю, я приму это как комплимент, — сказал, посмеиваясь, Макс.

А потом, когда они прощались на авеню Гюстава Эйфеля, он сказал:

— Итак, если я правильно понял, то не хватает только домика на берегу моря и человека, который любил бы поэзию и подарил вам нелепый замочек для решетки на мосту. Правильно? — Тут он ей подмигнул. — Боюсь, с таким заказом будет посложнее. Но не теряйте надежду!

Взглянув на витрину, на которой было выложено несколько экземпляров «Синего тигра», Розали невольно улыбнулась, вспоминая вечер с Максом, после которого прошло уже три с лишним недели. Такого

замочка она, наверное, не получит никогда в жизни, но это не имело значения. Сегодня, кажется, был один из тех дней, когда все на свете шло как надо.

На улице она увидела человека, который, чертыхаясь, оттирал газетой ботинок. В настоящий момент он, видимо, смотрит на мир очень критически.

Он был высокого роста, со светло-каштановыми волосами, одет в темноголубой пуловер и бежевую замшевую куртку и, как видно, прогуливался никуда не спеша. Поравнявшись с ее лавкой, он мельком взглянул на витрину, остановился и, вернувшись назад, постоял немного перед ней, напряженно вглядываясь в выставленные вещи.

У него были голубые глаза необычайно красивого оттенка, такой сияющей лазурной голубизны Розали ни у кого еще никогда в жизни не встречала, и она разглядывала его так же зачарованно, как он — разложенные в витрине книжки.

«Недурен», — мелькнуло у нее в голове, и она поймала себя на очень приятной позитивной вибрации, за которой последовала очень приятная мысль.

Человек у витрины нахмурился, и на лбу у него появилась глубокая вертикальная складка. Он смотрел на витрину с недовольным, почти возмущенным выражением, и Розали мысленно задала себе вопрос, не лежит ли там что-нибудь неуместное для писчебумажной лавки, например паук-птицеед или дохлая мышь.

Тут Уильям Моррис громко всхрипнул, и Розали посмотрела в сторону собачьей корзинки, где спал ее песик.

Когда она снова подняла глаза, красивого прохожего уже не было перед витриной. Улица за окном была пуста, и Розали почувствовала легкое разочарование, совершенно в данном случае неуместное.

Скажи ей сейчас кто-нибудь, что через какие-то пятнадцать минут она вступит с этим симпатичным на первый взгляд мужчиной в яростную перебранку, она бы не поверила.

Серебряный колокольчик над дверью «Луны-Луны» исправно прослужил много лет. Была ли то случайность, что он упал в тот самый момент, когда вошел незнакомец с лазурно-голубыми глазами, на которого Розали только что глядела через витринное стекло?

Дверь резко открылась, маленький колокольчик громко звякнул и полетел на пол, попутно угодив по затылку незнакомцу, который испуганно пригнулся и, инстинктивно подняв руки, попытался уклониться. При этом он наступил ногой на корзинку возле двери. Уильям Моррис взвыл от ужаса, незнакомец вскрикнул, пошатнулся и прямехонько налетел на стойку с открытками.

Розали растерянно смотрела, как стойка зашаталась, и испытывала отчетливое ощущение дежавю, но на этот раз она оказалась расторопнее. В два шага она подскочила к стойке и удержала ее, а мужчина, взмахнув руками, сохранил равновесие и не упал.

— С вами все в порядке? — обратилась к нему Розали.

— For heaven's sake!^[20] Что это было? — воскликнул мужчина, потирая затылок.

У него был заметный американский акцент, на лице появилось укоризненное выражение.

— На меня кто-то напал!

Розали прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Вид у него и впрямь был очень смешной после пережитого нападения каких-то потусторонних сил. Она кашлянула и приняла достойный вид:

— Это был дверной колокольчик, мсье. Я очень сожалею, но он, кажется, упал.

Наклонившись, она быстро подобрала закатившийся под стол увесистый колокольчик:

— Видите? Вот она — пуля киллера. Порвалась веревочка.

— А-а! — произнес он.

Ее насмешливый тон явно не ускользнул от его внимания.

— И что в этом смешного?

— О, ничего, — сказала она. — Извините, пожалуйста! Надеюсь, вы не пострадали.

— Все в порядке. — Он выпрямился в полный рост и кинул на нее подозрительный взгляд. — А откуда шел этот inferнальный вой?

— Это мой песик, — сказала она, чувствуя, как на нее вот-вот опять нападет смех. Она отвернулась и показала рукой на корзинку Уильяма Морриса. Песик лежал в ней, словно спящая красавица. — Вообще-то он очень смирный. Вы его напугали.

— Ну знаете ли! Это уж скорее он меня напугал, — возразил американец, но, по крайней мере, снизошел до того, чтобы слегка улыбнуться, прежде чем снова насупился. — Разве это вообще дозволено, держать в магазине собаку? По-моему, это опасно.

Розали с утра решила, что сегодня выдался исключительно хороший день и она чувствует себя особенно красивой. На ней было любимое платье с рисунком мильфлёр, все в маленьких голубеньких цветочках, с круглым вырезом и маленькими, обтянутыми тканью пуговками. На ногах у нее были небесно-голубые балетки, а в качестве единственного украшения она надела бирюзовые сережки, которые весело покачивались туда-сюда при каждом движении. Она никому не позволит портить себе настроение, тем более какому-то туристу с кинофобией. Она встала перед посетителем в замшевой куртке, заложив руки за спину, и одарила его любезнейшей улыбкой, наслаждаться которой следовало с осторожностью. Сверкнув глазами, она спросила:

— Ведь вы, мсье, кажется, нездешний?

— Да, я из Нью-Йорка, — ответил он.

— А-а-а! — протянула она, изогнув брови. — Так вы американец! В Париже, знаете ли, мсье, держать в лавке собаку — это совершенно нормально. *C'est tout à fait normal.*^[21] Мы смотрим на это свободнее. Если подумать, то я, пожалуй, не могу вспомнить ни одной лавки, где не лежала бы в корзиночке собака, — соврала Розали.

— Да что вы? Действительно? — сказал приезжий из Нью-Йорка. — Тогда понятно, отчего у вас улицы в таком скверном состоянии. Надеюсь, это не ваша миленькая собачка положила ту миленькую кучку, в которую я угодил у ваших дверей.

Розали взглянула на его коричневые замшевые ботинки, и ей вдруг померещился запах собачьего дерьма.

— Действительно, оно до сих пор пованивает, — сказала она, улыбаясь еще шире. — Но могу вас заверить, что моя собака к этому не имеет никакого отношения. Она уже давно справила свои делишки в парке.

— Вы меня успокоили! Тогда уж я сегодня откажусь от прогулки в парке.

— Как вам угодно. Хотя у нас говорят, что наступить в собачью кучку — это к счастью.

— Кому надо столько счастья! — возразил он, насмешливо кривя рот. — Anyway...^[22]

Тут он огляделся вокруг, точно ища что-то глазами, и Розали решила переменить тему:

— Чем могу быть вам полезна, мсье?

— У вас там, в витрине, лежала одна книга, — сказал он, механически взяв с прилавка и как бы взвешивая на руке одно из пресс-папье. — «Синий тигр». Я бы хотел на нее посмотреть.

— С удовольствием, мсье, — нежно пропела Розали, отошла к кассовому столику и взяла из стопки один экземпляр. — Вот, прошу вас!

Передав ему книгу, она приглашающим жестом показала на единственное кресло в уголке за кассовым столом:

— Присядьте, если угодно.

Он взял книжку, сел в кресло и скрестил ноги. Розали заметила, как его взгляд на секунду задержался на плакате над кассой.

Он перевел взгляд на Розали, удивленно приподняв брови:

— Так это *ваша* книга?

Она с гордостью кивнула:

— Можно сказать и так. Я работала над ней вместе с Максом Марше. Он очень известный во Франции детский писатель, а я иллюстратор. — Тут она вспомнила, что надо бы представиться. — Розали Лоран, — сказала она.

Он коротко кивнул в ее сторону и счел, по-видимому, необходимым назвать и свое имя.

— Роберт Шерман, — бросил он коротко и открыл книжку.

— Тут в лавке у нас третьего дня было публичное чтение. А вы знаете Макса Марше? — поинтересовалась Розали.

Американец отрицательно мотнул головой и углубился в чтение.

Небрежно прислонившись к столику, Розали стала незаметно за ним наблюдать. Роберт Шерман с каким-то растерянным и в то же время напряженным выражением провел рукой по голове, взъерошив каштановые волосы. У него были красивые, изящные руки с длинными, сильными пальцами. Она видела, как блестят его глаза, а взгляд летает по страницам, заметила вертикальную морщину между бровей, прямой, несколько крупноватый нос, сосредоточенную складку рта и ямочку на подбородке. То, как он читал и как переворачивал страницы, подсказало ей, что он, должно быть, часто имеет дело с книгами. Может быть, работает в университете. Или в каком-нибудь издательстве, неожиданно подумалось ей. Может быть, он издатель, как этот Монсиньяк, и подыскивает хорошую

детскую книжку? Подумав немного, она отбросила эту мысль. Вряд ли. Скорее всего, он просто американский турист, решивший съездить во время отпуска в Париж, а теперь подыскивает какой-нибудь подарок для своего ребенка.

— Вам нужен подарок для ребенка? — невольно вырвалось у нее, и она тут же поспешно добавила: — Эта книжка прекрасно подходит для детей от пяти лет. К тому же из нее можно кое-что узнать о Париже, — она старалась поставить себя на место туриста, — про Эйфелеву башню, Булонский лес...

— Нет-нет. У меня нет детей, — раздраженно прервал ее речь американец. Он снова замотал головой, и она увидела, как его лицо все больше мрачнеет.

Может быть, ему не понравилась книга? Но тогда почему он листает ее так, как будто не может от нее оторваться? Странно. Чутье подсказывало ей, что тут что-то не так. Этот мсье Шерман из Нью-Йорка, похоже, человек со странностями, подумала она, но тут снова отворилась дверь и зашла новая покупательница. Это была мадам де Ружмон, пожилая дама из Седьмого округа, крашеная платиновая блондинка с тщательно уложенными локонами, никогда не выходившая из дома без перчаток. Если бы Грейс Келли не погибла так рано, она тоже, наверное, выглядела бы в старости как мадам де Ружмон. Почтенная дама почти каждую неделю навещала улицу дю-Драгон и всегда что-нибудь покупала в «Луне-Луне». Розали приветливо с ней поздоровалась.

— А ваш колокольчик что-то перестал работать, — сказала мадам де Ружмон и посмотрела вверх, где болтался оборванный конец бечевки.

— Да, — подтвердила Розали, бросив смущенный взгляд на сидевшего в углу посетителя. — Сегодня утром колокольчик окончательно испустил дух и отправился, так сказать, в свободный полет. — (Человек в кресле никак не отозвался на эти слова.) — Чем могу быть вам полезна, мадам де Ружмон?

Посетительница улыбнулась и, расправив обтянутые ажурными кожаными перчатками пальцы, сказала:

— Ах, моя дорогая, я хочу сначала посмотреть, что тут есть. Мне нужен подарок для одной приятельницы и парочка карточных колод. У вас столько красивых вещей, что глаза разбегаются.

Подойдя к столу с писчебумажными товарами, открытками и аксессуарами, она с любопытством посматривала на мужчину в замшевой куртке, который так сосредоточенно продолжал читать «Синего тигра», что не обратил на ее приход никакого внимания.

— Публичное чтение, которое происходило тут в среду, было совершенно прелестным, — громко сказала она. — Чудесная книжка! Какая-то даже... *магическая*, не правда ли? Я сразу подарила такую книжку моей маленькой племяннице. Она у нас такая же фантазерка, как Элоиза из вашей истории.

Мадам де Ружмон направилась к стойке с открытками и рассеянно стала вынимать их одну за другой, а Розали, устроившись за кассой, выжидательно смотрела оттуда на второго посетителя, который все еще продолжал читать. Внезапно он громко захлопнул книжку и резко вскочил с кресла.

— Ну как? Вам понравилась эта история? — спросила Розали.

Почему-то ей очень хотелось, чтобы молчаливому американцу понравилась сказка, а главное — ее картинки.

Роберт Шерман обернулся к ней, и Розали даже испугалась — с такой еле сдерживаемой злостью он сверкнул на нее глазами.

— Как сказать, мадемуазель... Лоран, — медленно проговорил он. — Сказка мне очень понравилась, даже *чрезвычайно* понравилась. Потому что я, видите ли, *люблюэту* сказку про синего тигра. Для меня эта сказка — по причинам, в которые я сейчас не намерен вдаваться подробно, — имеет совершенно особенное значение. Но беда в том, что мне она уже знакома.

— То есть как... как это следует понимать? — спросила Розали, совершенно не догадываясь, что он этим хочет сказать.

— Именно так, как я сейчас сказал. Мне уже много лет знакома эта сказка.

С пятилетнего возраста, если быть точным. Это, если хотите знать, *моя* сказка.

— Тут он так хлопнул книжку на столик, что Розали за кассой даже подпрыгнула. — И я спрашиваю себя: какая же это нужна наглость, чтобы слово в слово переписать сказку и затем выдать ее за *свою*!

— Но, мсье Шерман! Этого просто не может быть! Что вы такое говорите! — растерянно возразила Розали. — Эту историю написал Макс Марше, и книжка только что вышла. Так что такого просто не может быть, чтобы вы ее уже знали. Я уверена, что вы что-то путаете.

— Это я путаю? — возмущенно повторил он за ней, бледнея от ярости. — Нечего тут выкручиваться! Знаете, как это называется? Это кража интеллектуального имущества, мадемуазель Лоран!

Розали слезла с вертящегося стула и встала, опираясь обеими руками на кассовый столик.

— Attends!^[23] Остановитесь, пока не поздно, мсье! Что это вообще

значит — вы влетели сюда и заявляете, что Макс Марше — вор! Да кто вы такой? Неужели вы будете утверждать, что один из известнейших детских писателей Франции нуждается в том, чтобы воровать чьи-то идеи? Да зачем ему это нужно?

— Ну, примеров можно найти сколько угодно, не в первый раз такое случается! Может быть, у этого мсье кончились идеи!

Розали почувствовала, как к щекам прилила кровь. Она не допустит, чтобы этот нахальный американец поносил уважаемого писателя!

— Довольно, мсье Шерман! Остановитесь! Я знакома с Максом Марше лично и могу заверить вас, что он абсолютно честный и порядочный человек. Ваше обвинение взято с потолка.

— Ах вот что? Так, по-вашему? Тогда, значит, вы с ним оба в сговоре.

— Ну это вообще уже — дальше некуда! — Розали даже задохнулась от возмущения. — Знаете что, мсье Шерман? У вас, по-видимому, мания преследования, — бросила она ему в сердцах. — Американцы же вообще, как известно, склонны верить в самые безумные теории заговора!

— Пожалуйста, без предубеждений, мадемуазель! Лучше спросите почтеннейшего мсье Марше, откуда у него эта сказка, — язвительно предложил Роберт Шерман.

Розали посмотрела на него с таким отвращением, точно он у нее на глазах превратился из доктора Джекила в мистера Хайда. Как могла она хотя бы на секунду принять этого наглеца за симпатичного парня?

— Так и сделаю, мсье, можете не беспокоиться! И я заранее знаю, что он ответит. — Розали сердито перекинула свою длинную косу с плеча на плечо.

— Посмотрим, не ждет ли вас при этом неприятная неожиданность. Потому что я могу *доказать*, что эта сказка принадлежит мне.

Розали возвела глаза к небу и схватилась ладонью за лоб. Перед ней был один из этих ужасных людей, которые всегда считают себя правыми, это же ясно как день.

— Ладно, все понятно, — сказала она иронически. — Хорошо, вы это можете доказать. Могу еще чем-нибудь быть вам полезной или на этом все?

— Нет уж, боюсь, что это далеко не все. Так легко вы от меня не отделаетесь. Я подам на вас в суд. Я из адвокатской конторы «Шерман и сыновья», и вы еще услышите обо мне.

— Жду не дождусь!

Господи, так, значит, он — чокнутый *адвокатишка*, заикленный на сутяжничестве! Как она сразу этого не поняла? С холодной улыбкой она смотрела, как он нервно вытащил из кармана бумажник, достал из него

банкноту в пятьдесят евро, бросил ее на стол и схватил книжку.

— Без сдачи! — буркнул он.

— Эй! Это еще что такое! Неужели у вас там не учат приличным манерам? Тут вам не бургерами торгуют, мсье. Оставьте при себе ваши дурацкие деньги и бросьте эти империалистские замашки! Я вам эту книгу дарю! — выкрикнула Розали и кинула ему вслед деньги. Он словно не заметил купюру, и она плавно опустилась на плиточный пол.

Рядом что-то с негромким стуком бухнулось на пол. Мадам де Ружмон с перепугу выронила из рук коробочку с открытками.

— Ничего не случилось, — сказала оцепеневшая от страха пожилая дама, увидев разъяренные взгляды, обращенные на нее с двух сторон. — Ничего не случилось. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания.

Роберт Шерман еще раз напоследок обернулся к кассе.

— Империалистские? Так-так. Не знаю, как вы, мадемуазель, а я, по крайней мере, привык платить за вещи, которые мне не принадлежат, — съязвил он.

Окинув ее убийственным взглядом, он добавил:

— Может быть, вы что-то слышали про такую вещь, как авторское право? Или у вас во Франции к этому тоже относятся *легче*?

— Да вы совсем спятили! Вон отсюда, да побыстрее! — выкрикнула Розали звенящим голосом.

Спавшему в корзиночке Уильяму Моррису стало не по себе. Уж больно тут расшумелись. Он выскочил и возбужденно залаял, услышав пронзительные нотки в голосе своей хозяйки.

Возможно, Роберт Шерман, принял слова «да побыстрее» слишком буквально. Возможно, споткнулся о выскочившую ему под ноги, истерически залаявшую собачку, которая кружила вокруг него, как индейцы вокруг фургонов, в которых ехали на Запад ковбои, но только в попытке выскочить из магазина, не наступив на рассвирепевшего Уильяма Морриса, американец нечаянно задел одну из стоек с открытками, и та с грохотом обрушилась у него за спиной.

— Проклятая собачонка! — выругался Шерман, распахивая дверь и выскакивая на улицу.

— Это же надо так! — сказала Розали. — Прямо что твой боевик!

Она кинулась к двери.

— Идиот! — крикнула она вслед человеку в замшевой куртке, который быстрым шагом удалялся от лавки.

Роберт Шерман даже не мог вспомнить другого случая, когда бы он так разозлился. В крови бушевал адреналин.

Большими шагами он, кипя от ярости, устремился по улице дю-Драгон в сторону бульвара Сен-Жермен, глядя себе под ноги не только из опасения наступить на другую собачью кучку. Возможно, Рейчел не так уж ошибалась в своих представлениях о французских женщинах. Как дерзко и нахально вела себя эта маленькая продавщица! «Тут вам не бургерами торгуют! Неужели у вас там не учат приличным манерам?» Можно подумать, что он какой-то неотесанный дубина со Среднего Запада!

Он покачал головой. Она глядела на него своими темными глазами и беззастенчиво над ним смеялась. «Мы смотрим на это *свободнее*, мсье!» — возмущенно бормотал он себе под нос. Эта маленькая француженка задела его честь. Такое высокомерие! Как будто он скудоумный мелкий буржуа, а она, будучи француженкой, заведомо представляет свободомыслие! *Libeга* *toujours*^[24], да? Собачьи кучки и плагиат — нет уж! Спасибо за такое свободомыслие!

— У-у, дура, стерва французская! — выпалил он злобно и чуть было не столкнулся с идущей навстречу женщиной, которая шла, нагруженная покупками, волоча за собой мальчонку.

Женщина посмотрела на него неодобрительно, и он услышал слова мальчика:

— Что это с дядей, *тапан*?

Да, что это с ним? Роберт крепче прижал к груди книгу и пошел дальше.

Эта Розали Лоран даже не сочла нужным перед ним извиниться. Не извинилась, когда ему на голову упал колокольчик и когда на него набросилась ее собачонка. *Два раза* набрасывалась. Это же только представить себе! Хорошо хоть не покусала, как тогда в детстве, когда соседский фокстерьер напал на него и укусил за губу и он в первый раз в жизни потерял сознание. С той поры он не доверял маленьким собачонкам. Эти шавки особенно коварны. Хорошо, что он успел увернуться, а то пришлось бы делать укол от столбняка! Мысленно он так и видел перед глазами медицинскую сестру, почему-то удивительно похожую на владелицу лавочки, как она, насмешливо изогнув брови, щелкает пальцем по шприцу с вакциной сомнительного качества. «Мы на это смотрим

свободнее, мсье!»

Отчего эта фраза особенно его раздражает? Может быть, из-за той безответственности и пренебрежительного отношения ко всем доводам разума, которые в ней слышатся? А что касается книжки, то это и вовсе переходит все границы!

Он совершенно случайно заметил ее в витрине, и его сердце забилось от смешанного чувства любопытства и досады. Зайдя в лавку, он, по известному стечению обстоятельств, чуть не упал, и то же самое повторилось, когда он поспешно ее покидал. Он мог получить серьезную травму. Не говоря уже обо всем остальном.

Но хозяйку писчебумажной лавчонки, которая не видит ничего плохого в том, чтобы щеголять в чужих перьях, это, кажется, нисколько не трогало.

Вместо извинений она крикнула ему в спину: «Идиот!» Он это прекрасно расслышал.

Правила безопасности в этом городе оставляют желать лучшего, подумал Роберт. И правила вежливости — тоже.

Он свернул на бульвар Сен-Жермен и автоматически зашагал дальше в сторону Сорбонны. Вообще-то, он собирался побывать там и ознакомиться с ее местоположением. На один из ближайших дней он договорится о встрече с деканом. Однако в настоящий момент Сорбонна почему-то не вызывала у него большого интереса. Неожиданно попавшаяся ему на глаза книга взволновала его не меньше, чем возмутительное поведение лавочницы.

Моцион пошел ему на пользу. Постепенно его шаг сам собой замедлился и сердцебиение успокоилось. Свернув с бульвара, он углубился в путаницу улочек Латинского квартала.

Приехав в Париж, он ожидал чего угодно. Он хотел взять тайм-аут, чтобы спокойно и без постороннего вмешательства обдумать все, что его сейчас волновало. Хотел осмотреться в этом городе, который для него был не более чем детским воспоминанием. Хотел, в память о матери, еще раз подняться на Эйфелеву башню. Хотел, конечно, зайти в книжный магазин «Шекспир и компания», чтобы всласть порыться там в книгах и подышать воздухом прошлых времен, когда литература еще была центром мироздания.

После тягостного расставания с Маунт-Киско и всех домашних неприятностей он надеялся провести здесь несколько дней в атмосфере летней безмятежности, может быть даже с мимолетным невинным флиртом. Да, и об этом он тоже подумывал! Он надеялся в городе на Сене снова ощутить ту легкость бытия, которая каким-то образом совершенно

исчезла из его жизни. Он надеялся найти ответы на свои вопросы, обрести ясность, принять правильное решение. И все это под девизом, заключенным в словах его матери: «Париж — всегда хорошая идея!»

Отправляясь на такси из аэропорта Орли в Париж, он ожидал чего угодно, рассеянно подумал Роберт Шерман, усевшись на колченогом стуле в маленьком уличном кафе, которое вряд ли было отмечено в путеводителях по городу. Но никак не рассчитывал, что встретит в витрине писчебумажного магазинчика в районе Сен-Жермен синего тигра.

Сказка про синего тигра была для него с детства такой же родной и знакомой, как плюшевый медвежонок Вилли. Когда он был маленьким, мама каждый вечер рассказывала ему эту историю на сон грядущий. Он очень любил ее и готов был слушать снова и снова, заранее зная, что скажет каждый персонаж. Если мама спешила с папой вечером в гости и пыталась сократить рассказ, Роберт тотчас же замечал обман. «Мама, ты забыла сказать, что они встретились в гроте Четырех Ветров», — напоминал он ей. Или: «Мама, сумка с рисовальными принадлежностями была не зеленая, а красная». Он не позволял упустить ни одной детали, следил за каждой мелочью. Многие годы сказка про синего тигра прочно входила в ритуал засыпания, и даже когда на его книжной полке появились другие книги, она оставалась у него самой любимой. Дойдя до того места, где Элоиза верхом на тигре летела над Парижем и ее развевающиеся на ветру золотистые волосы промелькнули в небе, как метеор, мама всегда делала небольшую паузу и обменивалась с ним многозначительным взглядом. «При виде летящего метеора можно загадать желание, — говорила она. — Так что давай загадаем!» И они, взявшись за руки, молча загадывали какое-нибудь желание.

Удивительно, как сильно детские впечатления потом, годы спустя, продолжают влиять на наше сознание, подумал Роберт. До сих пор он, взрослый мужчина почти сорока лет, высматривает летом на небе падающие звезды. На Манхэттене их, конечно, трудно заметить, потому что небо там залито отражением городских огней и подернуто дымкой от выхлопных газов, так что звездных ночей почти не бывает.

Роберт пригубил толстую белую чашку, которую поставила перед ним на круглом столике вместе со стаканом водопроводной воды приветливо улыбающаяся хорошенькая девушка с прической «конский хвост», и автоматически улыбнулся ей в ответ.

Не все француженки стервы, мысленно поправил он себя, откидываясь на спинку стула и подставляя лицо солнечным лучам.

Взглянув на книгу, он вдруг вспомнил, как в детстве спросил однажды,

есть ли книжка про синего тигра. Но мама отрицательно покачала головой и сказала, что эта сказка принадлежит только им двоим и она ему подарит эту сказку. А много лет спустя она исполнила это обещание.

У Роберта сжало горло при воспоминании о том, как в толстом коричневом конверте, который после смерти мамы вручил ему нотариус, он обнаружил среди разных бумаг, документов и старых фотографий рукопись в голубом переплете.

На переплете было написано: «Синий тигр», а под названием — «Посвящается Р.». К рукописи мама прикрепила скрепкой записку, на которой ее округлым почерком было написано: «Моему дорогому Роберту на память о многих вечерах, которые мы провели за „Синим тигром“. Они мне бесконечно дороги».

Он давно уже перестал быть маленьким мальчиком, но при виде рукописи, которая была последним приветом от его матери, у него на глазах выступили слезы.

В конце концов он перерос тот возраст, когда детям рассказывают на ночь сказки. Тогда, вероятно, она записала для него эту историю слово в слово так, как рассказывала. Он растроганно листал страницы, напечатанные на старомодной пишущей машинке, и после долгого перерыва снова прочитал эту сказку. Это было радостно и печально. Как всегда бывает радостно и печально возвращение к давно любимым местам, где ты вдруг понимаешь, что ничто не остается неизменным.

Он невольно вспомнил тогда, что его мать в свой последний час сказала: «Я ухожу в такую далекую страну, куда не долетишь даже на самолете». Но только получив в руки напечатанную сказку, он понял, что эти слова имеют отношение к одному месту из сказки.

И вот теперь, всего несколько часов назад, он очутился перед витриной писчебумажного магазина, в чужом городе на другом континенте, и вдруг видит — там лежит эта книга! Книга, которой вообще-то просто не может быть, потому что эту историю знали только два человека, а ее единственная рукопись находится за шесть тысяч километров отсюда, в коричневом конверте.

Он прямо обомлел от неожиданности.

В растерянности он сделал еще несколько шагов, затем вернулся, чтобы выяснить, в чем тут дело.

Попросив посмотреть книжку детского писателя — в лавке висел большой плакат, приглашавший на публичное чтение, с портретом пожилого господина с бородкой и седыми, зачесанными назад волосами, — он еще думал, что речь идет о какой-то другой сказке, которая случайно

носит то же название. Но затем он начал читать и с первых же строк понял, что это та самая история, которую ему завещала мама.

Он почувствовал себя ограбленным — да, ограбленным, это было самое подходящее слово! — как человек, который, вернувшись домой, видит, что в квартире побывали воры. Его охватила бессильная ярость.

Кто-то завладел его драгоценными воспоминаниями и выставил их на продажу, чтобы извлечь из них доход в свою пользу! Роберт не находил объяснения, как это могло произойти, но он это выяснит. Он будет защищать свои права. Даже не обладая никакими особыми познаниями в области авторского права, тут невооруженным глазом можно было увидеть, что имеешь дело с мошенничеством!

Он еще раз взял в руки книгу и полистал страницы. Яркие картинки этой молодой женщины с косой, которая его так ругала, ему даже понравились, но это не меняло сути дела. Каким бы образом сказка про синего тигра ни попала в руки этого якобы очень заслуженного французского писателя, он взял и беззастенчиво ее переписал. Такие уж нынче времена. Люди утратили всякое уважение к чужой собственности. Слава богу, хотя бы в университетах еще учат студентов тому, что полагается всегда указывать источники. Хотя большинство студенческих работ — это сплошное скачивание и копирование, и многие, кажется, считают такое в порядке вещей. Но этот случай из ряда вон! «Нельзя все оставлять безнаказанным», — часто говорил его отец. И он был прав.

Впервые в жизни Роберт Шерман порадовался тому, что он вырос в семье юристов. По крайней мере, он знал, что делать. Посидев еще некоторое время на солнышке, он почувствовал, как его начинает одолевать усталость и тело наливается тяжестью. Его охватила такая вялость, что, казалось, еще немного — и он заснет, сидя на стуле. Разница во времени и пережитые за день волнения брали свое.

Он допил остатки остывшего кофе со сливками, нащупал в кармане несколько монеток, оставил их на столе и решил вернуться в отель. По дороге он где-нибудь поужинает.

Была половина шестого, в Париже еще рановато для ужина, но от всех переживаний Роберт сильно проголодался. В самый раз пообедать хорошим стейком с бокалом красного вина. Он пораньше ляжет спать и пошлет Рейчел краткое сообщение, что все в порядке и он благополучно прибыл в Париж. А завтра он займется личностью этого Марше. От мадемуазель Лоран в этом деле не приходилось ожидать помощи.

Неспешно шагая по улице Сен-Бенуа, выходящей на улицу Жакоб, где располагался его отель, он заметил компанию весело

переговаривающихся людей перед дверью одного ресторана, из которого доносился заманчивый запах жареного мяса. Недолго думая, Роберт присоединился к очереди.

Ресторанчик оказался классическим заведением, специализирующимся на стейках. Точнее сказать, там не было ничего, кроме жареных стейков, но они были великолепны. Отдававший лимоном соус сначала показался Роберту слишком непривычным, а затем очень даже понравился, гарнир состоял из хрустящей жареной картошки с золотисто-коричневой корочкой, мясо было ароматным и нежным. Первая часть вечера, если не учитывать того, что слишком проворный официант буквально выхватил у Роберта из-под носа тарелку, как только услышал, что Роберт не собирается заказывать десерт, прошла, можно сказать, более чем удачно. Он выпил два бокала красного вина с насыщенным бархатистым вкусом, сытно и с удовольствием поел и заранее радовался при мысли, что скоро ляжет в постель. Но тут началась вторая часть. Представленный счет оказался вполне в рамках допустимого, но Роберту было не расплатиться. Как прикажете расплачиваться, если у вас пропал бумажник!

Все больше нервничая, Роберт проверил все пиджачные и брючные карманы, в то время как официант стоял возле его столика с неопишуемым выражением нетерпеливой скуки, а рядом уже ждали своей очереди за столиком новые посетители.

Не может быть! Роберта обдало жаром при мысли, что в бумажнике остались не только деньги, но и все его карточки. После досадного недоразумения с гостиничным номером, а следом за ним неприятностей с лифтом — неужели это было сегодня утром? — он совершенно забыл спрятать часть своих денег и ценных вещей в сейф. Ну куда запропастился проклятый бумажник?

Обыкновенно он лежал во внутреннем кармане пиджака, но сейчас там было пусто! Вся вялость с него вдруг слетела, ее как рукой сняло! Сегодня был явно день приливов адреналина. Он попытался объяснить недовольному официанту, что не собирался его надуть и поесть задарма, что он добропорядочный американский турист, для которого первый же день в Париже обернулся нежданной неудачей.

— Пропал мой бумажник! — заявил он с отчаянием во взгляде.

Официант не проявил никакого сочувствия.

— *Alors, monsieur!*^[25] — произнес он только и, пожав плечами, продолжал, кажется, ждать, когда мсье наконец, точно фокусник из шляпы,

извлечет свой бумажник.

Роберту с трудом удалось найти десять евро одной купюрой и в придачу несколько монет, которые завалились по карманам. Всего набралось девятнадцать евро и пятьдесят центов.

— C'est tout!^[26] — объявил он. — Больше у меня ничего!

Официант даже ухом не повел. Роберт уже готов был предложить ему свои часы — как-никак это был старинный «Таг Хоер», — и тут внезапно его осенило, где он оставил свой бумажник.

Он вскочил, схватил висевшую на спинке стула куртку и крикнул ошарашенному официанту:

— Подождите! Я сейчас вернусь. Je reviens!^[27]

Совершенно запыхавшийся, он прибежал к маленькой лавке с открытками на улицу дю-Драгон. Была четверть восьмого. Железные решетки на дверях и витрине магазина были уже спущены, но в лавке еще горел свет.

Роберт увидел склонившуюся над кассой стройную фигурку в летнем платье с цветочками и на секунду со вздохом облегчения прислонился лбом к закрытой решетке.

Слава богу, она еще не ушла! Как безумный он заколотил в дверь.

— Мадемуазель Лоран! Мадемуазель Лоран! Отворите! Я забыл у вас одну вещь!

Она подняла голову, прислушалась и подошла к двери. Он ощутил что-то похожее на счастье, когда увидел, как она приближается и удивленно смотрит на него через стеклянную дверь.

Узнав его, она, как кошка, прищурила глаза и энергично замотала головой.

— Эй, мадемуазель! Вы должны впустить меня, это важно!

Она высоко подняла брови. Затем с торжествующей улыбкой повернула к нему висевшую на дверях табличку.

На ней было написано: «Ferme» — «Закрыто». Она выразительно приподняла плечи, как в пантомиме, и указала пальцем на табличку.

Прилив адреналина!

— Черт побери! Я и сам вижу, что закрыто, я же не слепой! — крикнул он и потряс решетку.

Эта дуреха и впрямь, холодно улыбнувшись, оставит его за закрытой дверью. Он увидел, как она преспокойно возвращается за кассу.

— Эй! Откройте сейчас же! Черт знает что! Мой бумажник остался у

вас в лавке. Немедленно верните мне бумажник! Вы слышите?

Розали Лоран совершенно очевидно не желала его слушать. Она еще раз обернулась и, показав Роберту Шерману со злорадной улыбкой средний палец, погасила свет и пошла по винтовой лестнице наверх.

В эту ночь Роберт Шерман спал как убитый. Вернувшись несолоно хлебавши в «Каштановую гостиницу» и дотащившись по лестнице до своего номера на пятом этаже (лифт по-прежнему не работал, в утешение ему был обещан наутро бесплатный завтрак), он еле набрался сил, чтобы послать Рейчел сообщение: «Привет, Рейчел! Благополучно прибыл на место. Париж полон неожиданностей, загадок и наглцов. Потерял бумажник и познакомился с настоящей стервой-француженкой. Подробности завтра. Жутко устал. Твой Роберт».

В комнате было душно. Роберт распахнул окно и погасил свет. В темноте перед ним серела в двух метрах от окна противоположная стена, похожая на гигантский киноэкран.

Вечером Розали еще долго сидела на крыше у себя под окном, вспоминая события этого странного дня. Ночь была теплой, бледную луну закрыло тонкое темно-серое облачко.

Рене, не дождавшись ее, уже лег спать.

— Не забивай себе голову! Этот ненормальный американец попсихует и успокоится. Чокнутый какой-то. А если это никак не дает тебе покоя, так возьми и позвони Марше, спроси его. — Он потрепал ее по волосам. — Давай уж ложись тоже, *cherie!*^[28]

Розали покивала и прислонилась головой к стенке. Сейчас бы в самый раз выкурить сигаретку, но под благотворным влиянием Рене она бросила курить. Или по крайней мере, пыталась бросить, так что у нее редко когда были в доме сигареты.

Она вздохнула и подняла взгляд к ночному небу. Удивительно, какой оборот принял этот день, начавшийся так хорошо. На смену утреннему подъему пришло ощущение растерянности.

В восьмом часу этот ужасный американец вдруг снова заявился в лавку, поднял крик и долго скандалил под дверью. Она не поняла почти ни слова из того, что он кричал, только видела, что он во что бы то ни стало хочет, чтобы его впустили в лавку. Причем явно не для того, чтобы извиниться. Может, он уже принес с собой и заявление в суд.

Она довольно посмеялась, вспомнив, какой дурацкий вид был у американца, когда он понял, что она и не собирается отпирать лавку.

После того как Шерман перестал сотрясать решетку и, изрыгая ругательства, которые, к счастью, едва доносились к ней наверх, отправился восвояси, ей стало ясно, что она имеет дело с холериком, не умеющим сдерживать свои эмоции. Но уж это не ее проблема!

— Жаль, меня при этом не было! — сказал ей Рене, когда она за ужином рассказала ему про бешеного американца — психопата, который дважды за один день срывал на ней свою злость. Сначала он обвинил ее в плагиате, а затем в приступе ярости своротил стойку с открытками. — Уж я бы проучил его с превеликим удовольствием!

«Да, жаль», — подумала Розали, пригубливая вино. Схватка между крепким, хорошо тренированным Рене и долговязым, но хилым, по сравнению с ним, противником, который совершенно не похож был на члена легендарной нью-йоркской команды «Ред Сокс», быстро бы

успокоила нахала. И все-таки в этом было что-то странное. Либо у этого типа действительно не все дома, либо... То, что стояло за этим «либо», пробудило у нее смутное беспокойство. Ведь каким бы маловероятным это ни казалось, но то, что вызвало у незнакомца приступ такой ярости, могло быть выражением глубокого возмущения, праведного, так сказать, гнева. На первый взгляд он отнюдь не производил впечатления сумасшедшего психопата, призналась себя Розали. Скорее у него был тогда удивленный вид.

Но как бы там ни было, а его обвинение звучало чудовищно. А уж о тоне, в каком оно было высказано, и говорить нечего!

Розали при всем желании не могла себе даже представить, чтобы Макс Марше занимался плагиатом. Она хорошо помнила тот вечер в «Жюль Верне», когда он подарил ей первый экземпляр «Синего тигра», и какую гордость в ней вызвала трогательная надпись «Посвящается Р.». И как он был смущен, когда она стала благодарить его за оказанную ей честь.

Она покачала головой. Никто не может так притворяться! Она увидела перед собой глаза старого писателя, которые вдруг загорелись необыкновенным светом. Так не может выглядеть нечестный человек.

Затем она привстала, ей пришла в голову неожиданная мысль. Шерман ведь, кажется, говорил, что знает эту сказку уже много лет, «с пяти лет, если быть точным»? На ее взгляд, сейчас ему было под сорок. Между тем Макс Марше прислал ей современную компьютерную распечатку, а это означало, что историю про синего тигра взрослый человек не мог знать с пятилетнего возраста. И как вообще понимать слова, что это, дескать, *его* история? Не мог же заносчивый адвокат написать ее, когда ему было пять лет? Все это было очень непонятно.

Розали наклонилась и обхватила колени руками. Разве что только... разве что только тут был один общий источник, к которому и тот и другой имели доступ. Вполне возможно, что существует старая сказка про синего тигра. Она задумчиво кивнула и нахмурила лоб. Но и тогда все равно не может быть так, чтобы эта история, как утверждал возмущенный нью-йоркский адвокат, совпадала с ней слово в слово.

Розали почувствовала, что мысли у нее путаются. Наверное, она все-таки зря ломает над этим голову. Прав Рене. Завтра же она прямо с утра позвонит Макс Марше и выяснит, в чем тут дело. Однако приступать к расспросам нужно с большой осторожностью — не хочет же она огорчить старого писателя!

Вряд ли можно было ожидать, что этот сумасшедший снова к ней явится. Однако кто знает! Розали допила вино и залезла через окно обратно

к себе в квартиру.

Когда она наконец закрыла глаза, в ее блокноте уже появилась следующая запись:

Самое худшее в этот день:

Пугающе участилось появление в моей жизни незнакомых мужчин, опрокидывающих стойку с открытками. Сегодня в лавке побывал кошмарный американец, который меня обругал и грозился подать на меня в суд за то, что сказка про синего тигра якобы краденая.

Самое лучшее в этот день:

Звонил мсье Монсиньяк и спросил, не хочу ли я сделать для издательства иллюстрации к сборнику сказок. Настоящий большой заказ! Дала согласие.

С самого утра в доме шумно хозяйничала Мари-Элен. Она так усиленно хлопотала по причине общего нервного возбуждения, а оно в свою очередь объяснялось тем, что она собралась уехать на две недели. Они с мужем должны были отправиться в свою родную деревню План-д'Оргон, расположенную в окрестностях Ле-Бо, где жили остальные родственники, а главное, их дочка, которая только что родила ребенка.

— Представляете себе, мсье Марше, — я стану бабушкой!

Макс давно сбился со счета, сколько раз за последние месяцы ему довелось уже слышать эти слова, сопровождаемые отчетом о том, как чувствуют себя мать и дитя. Три дня назад дочь наконец разродилась, и на свет появилась малютка Клэр. («Она весит всего три пятьсот, мсье, и уже улыбается!») Мари-Элен Бонье не помнила себя от восторга и объявила Максу, что в выходные уезжает в План-д'Оргон, а ему предстоит две недели обходиться без ее помощи.

— Ведь вы как-нибудь управитесь, мсье Марше? — беспокойно добавила она, вытирая руки о передник.

За прошедшие годы у мадам Бонье развилось безумное убеждение, что он пропадет и погибнет, если она не будет трижды в неделю покупать ему продукты, прибираться в квартире и готовить для него еду.

— Конечно же справлюсь, Мари-Элен, я, кажется, еще не беспомощный дряхлый старик!

— Так-то оно так, мсье Марше, но вы все-таки *мужчина*, а когда мужчина один в доме — это нехорошо. Он начинает неправильно питаться, скапливаются залежи неразобранных газет, в мойке — горы немытой посуды, и начинается полный развал.

— Вы, как всегда, преувеличиваете, Мари-Элен, — сказал Макс и снова углубился в газету. — Заверяю вас, за две недели дом не развалится.

Тем не менее экономка не успокоилась и перед отъездом пришла лишний раз в пятницу, чтобы напоследок хорошенько прибраться в комнатах, погладить белье и приготовить еще несколько порций еды, которые ему останется только вынуть из морозилки и подогреть. На кухонном столе стояло штук пятнадцать пластиковых коробочек, которые она наполнила, чтобы он за две недели не умер с голоду.

Макс покорно кивал головой. Он понимал, что бесполезно вступать с экономкой в споры, доказывая ей, что он вполне способен сам поджарить

себе яичницу или сходить в город и зайти на рынке в ресторанчик, чтобы там перекусить. Такой поход можно было очень практично совместить с посещением аптеки, чтобы купить новый тюбик геля от болей в суставах.

Сегодня он проснулся рано и почувствовал неприятную боль в плече. Очевидно, как-то не так повернулся в постели. Да, с этим ничего не поделаешь! По утрам ты просыпаешься все раньше оттого, что где-то что-то болит.

Макс Марше с наслаждением потянулся в ванне и прислушался к тому, как воюет с пылью Мари-Элен, сейчас она расправлялась с коврами. Чтобы найти от нее укрытие, оставалось только заползти в ванну.

Через несколько минут мадам Бонье принялась за дело под дверью ванной.

— Сколько вы там еще пробудете, мсье Марше? — не утерпела она наконец.

Он со вздохом вылез из зеленоватой воды, в которую, как всегда, высыпал две лопаточки своей любимой ароматической соли «Арамис», и поскорее оделся.

Потом она выжила его из кухни, потом из библиотеки. Все гремело и дребезжало, на пол шлепались мешки для мусора, один раз что-то звонко грохнулось. По всему дому разносился апельсиновый запах чистящего средства, смешиваясь с ароматом свежее испеченного пирога. Казалось, что Мари-Элен владеет искусством находиться во всех местах сразу: куда бы он ни подался, через минуту там возникала Мари-Элен, вооруженная пылесосом, ведром с водой или метелкой для смахивания пыли.

Наконец, когда она принялась мыть окна в его кабинете, Макс сбежал от нее в сад и устроился в тенечке с книжкой, которую накануне, взобравшись на старую библиотечную лесенку, достал с одной из верхних полок. Солнышко пригревало, в воздухе было тепло, и он погрузился в «Мысли» Блеза Паскаля, чьи афоризмы и размышления о жизни не раз перечитывал с большим удовольствием. Именно Блез Паскаль сказал, что все несчастья в жизни происходят оттого, что человек не может оставаться наедине с собой в своей комнате.

«Мудрая мысль, тем более справедливая, когда человеку *не дают* побыть наедине с собой в своей комнате», — подумал Макс, как вдруг завывание пылесоса неожиданно смолкло, а через несколько секунд на террасе показалась экономка и, окинув взглядом сад, стала громко звать:

— Мсье Марше!

Он раздраженно поднял голову и увидел, что она что-то держит в руке.

— Вас к телефону!

Звонила Розали Лоран. Ее голос показался ему немного странным. Это был голос человека, который старается не выказывать беспокойства.

— Bonjour^[29], Макс! Как вы себя чувствуете? Надеюсь, я вам не помешала.

— Нисколько, — ответил он. — Моя экономка с семи утра устроила в доме такой содом, что не осталось ни одного уголка, где бы от него можно было укрыться, поэтому я ретировался в сад. — Он услышал, как она засмеялась. — А как ваши дела, мадемуазель Розали? Все в порядке?

— У меня-то да, все хорошо. — Немного помедлив, она продолжила: — Вчера позвонил Монсиньяк. Он хочет, чтобы я иллюстрировала для издательства большой сборник сказок.

— Поздравляю вас! Это же замечательно!

«Может быть, она хочет о чем-то спросить?» — подумал Макс.

— Все это благодаря вам. Ну и конечно, благодаря «Синему тигру».

— Не скромничайте, мадемуазель Розали. Просто ваши рисунки очень хороши.

Он отложил в сторону Паскаля и поудобнее уселся в плетеном кресле; пока она говорила о новом проекте, он невольно немного отвлекся, думая о своем.

От разговоров с Розали Лоран, которая благодаря своей живости делала его как бы участником мелких событий обыденной жизни, пробуждая своими вопросами интерес к происходящему, он чувствовал прилив новой энергии. С тех пор как началась их общая работа над книгой, они стали регулярно встречаться — то Розали приезжала в Ле-Везине, то он отправлялся в Париж, они шли в кафе попить кофе или прогуливались с ее собачкой.

После смерти Маргариты его жизнь была одинокой, долгое время он этого даже не замечал, а когда заметил, не придавал этому большого значения. Он отгородился от всего мира своими книгами и мыслями глухой стеной вроде той, что окружала его сад. Но с тех пор как у него завязалась дружба с этой молодой женщиной, он почувствовал в душе что-то новое, и это новое постепенно отодвинуло от него минувшую жизнь, превратив ее в прошлое. В старой стене появились трещины, и сквозь них начал проникать свет. Все было как в замечательной старой песне Леонарда Коэна^[30]: «There is a crack in everything, that's how the light gets in»^[31].

Розали внесла в его жизнь свет, и Макс Марше, к своему великому удивлению, заметил, что снова начинает смотреть вперед и строить планы.

Из дома доносилось завывание пылесоса, оно медленно удалялось, и глаза Макса остановились на розах в саду, которые все еще цвели на клумбах.

— Я каждое утро радуюсь, взглянув на эту книжку в витрине, — услышал он вдруг голос Розали, которая снова перешла на разговор о «Синем тигре». — А как получилось, что вы придумали эту историю? — спросила она и тут же торопливо поправилась: — Как вообще людям приходят в голову такие истории?

Макс вернулся от своего мысленного экскурса в прошлое к настоящему и, немного подумав, сказал:

— М-да... Так же, как вообще придумываются такие истории. Где-то что-то увидишь или услышишь, идея носится в воздухе, ты гуляешь в Булонском лесу и вдруг начинаешь сочинять историю. Всегда должен быть определенный момент, который дает толчок твоей мысли, а дальше она развивается сама собой. — Он еще раз задумался. — Это может быть что-то высказывание или разговор...

Он умолк.

— А что дало толчок *вашей* истории?

— Ну, что дало... — На секунду он было подумал, не сказать ли ей правду, но тотчас же отбросил эту мысль. — Я бы сказал, это был добрый старый Монсиньяк, — бросил он, не вдаваясь в лишние подробности. — Без его настойчивых требований книжка точно бы не состоялась.

Она засмеялась, как ему показалось, несколько смущенно:

— Нет-нет, я не в том смысле... Я задаюсь вопросом, это... это... Нет ли, может быть, другой сказки, которая легла в основу сказки про «Синего тигра»?

Макса этот вопрос поставил в тупик.

— Ни о чем таком никогда не слышал, — сказал он. — А если и была, то я ее не знаю.

— А-а.

Повисла небольшая пауза.

У Макса появилось неприятное ощущение. В чем причина этого странного звонка? Он кашлянул, прочищая горло.

— А ну-ка, Розали, давайте начистоту, что там вас мучает? — прервал он наконец затянувшееся молчание. — Вы же, наверное, не без причины задаете мне такие вопросы?

И тут она призналась и, смущаясь, осторожно рассказала ему о неприятном случае с незнакомцем, который, явившись к ней в лавку, стал утверждать, будто бы сказка про синего тигра украдена.

— Какая возмутительная мерзость! — воскликнул Макс. — Надеюсь, вы не поверили этому сумасшедшему? — Он даже засмеялся и замотал головой — такой дикой чушью казалось ему услышанное. — Так что, дорогая моя Розали, немедленно забудьте эту ерунду. Могу вас заверить, что я — автор этой истории. Так и скажите тому господину из Нью-Йорка, если он снова к вам явится. Эту историю я целиком придумал сам, каждое слово в ней — мое.

Он услышал, как она облегченно вздохнула.

— Я в этом никогда и не сомневалась, Макс. Я только потому, что этот человек утверждает, будто он может доказать, что это его история. Он страшно вышел из себя и даже грозился подать на нас в суд.

Макс возмущенно фыркнул:

— Чудовищно!

— Его имя — Роберт Шерман. Вы его, случайно, не знаете?

— Не знаю никакого Шермана, — сердито отрезал Макс. — И у меня нет никакого желания знакомиться с этим господином, который, судя по всему, настоящий безумец.

На этом он закрыл тему.

По крайней мере, так он тогда думал.

В комнату падал косой солнечный луч. В окно задувал летний ветерок, шевеля занавески. Роберт Шерман открыл глаза и прислушался к тихому позвякиванию посуды, которое доносилось откуда-то издалека, не нарушая царившего вокруг покоя. Умиротворенная атмосфера этого утра напомнила ему тихие воскресные дни детства в Маунт-Киско.

Он потянулся, вспоминая только что приснившийся сон, который быстро бледнел и улетучивался. Сон был приятный, и он проснулся после него с хорошим чувством. В нем была какая-то женщина, с которой он сидел на скамейке на какой-то площади.

Он попытался припомнить точнее, но мимолетные образы было не хватить. Не важно! Он повернулся на бок, повыше натянул одеяло и еще немного подремал. Несколько счастливых мгновений все в мире Роберта Шермана было в полном порядке.

Затем резкий звук работающей дрели прорезал тишину. Роберт поднялся с подушки, сел на кровати и отпил воды из стакана. Кинув взгляд на мобильный телефон, он увидел, что пришло сообщение: «Вот как, дорогой! Звучит довольно волнующе. Надеюсь, тебя это навело на размышления. Я же говорила тебе, что это только с пьяных глаз можно было придумать поехать в Париж. Прислать тебе денег? Привет. Рейчел».

И тут он все вспомнил. Эту ведьму из писчебумажного магазина, книгу, ресторан со стейками, пропавший бумажник. Весь сон с него сразу как рукой сняло, и блаженного состояния, с которым он проснулся, как не бывало. Он взглянул на часы. Половина одиннадцатого! Он проспал почти двенадцать часов.

Сегодня пятница, он остался без бумажника, а проклятая лавка открывается в одиннадцать.

Наскоро позавтракав чашечкой крепкого кофе с круассаном (с хрустящей корочкой, как он заметил, несмотря на всю спешку), Роберт бегом спустился по лестнице, протиснулся в тесном вестибюле между двумя рабочими, которые о чем-то рассуждали, разложив на полу чемодан с инструментами, выскочил на улицу Бонапарта и тут вдруг вспомнил наставительный тон сообщения, которое прислала Рейчел. Пускай поездка в Париж была не очень удачной идеей, но совсем не обязательно так подчеркнута на это указывать!

В начале двенадцатого он уже отворил дверь «Луны-Луны» и осторожно вошел в лавку. На этот раз ему не свалился на голову колокольчик, и только собачонка в корзинке дала о себе знать негромким рычанием. Роберт из осторожности обошел ее стороной.

В магазине еще не было покупателей. Розали Лоран, поправлявшая что-то на полках у стены, обернулась.

— Надо же! Опять вы тут, — сказала она, возводя глаза к потолку.

— Да, опять я, и опять здесь! — огрызнулся он. — Вчера вечером вы, к сожалению, меня не впустили.

При мысли о том, как она оставила его стоять перед запертой дверью, а он как дурак разорался на всю улицу, он почувствовал, как в нем поднимается холодная злость.

— Мне кажется, мы с вами еще не рассчитались, — сказал он.

— Да что вы? — ответила она с вызывающей улыбкой. — И что же вас привело сюда сегодня? Вы уже подали иск или просто хотите опрокинуть еще одну стойку с открытками? — продолжала она, приподняв красиво изогнутые брови.

Он набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул. Вступать в перебранку с этой открыточной куклой бесполезно, и ни к чему хорошему это не приведет.

До этого нельзя опускаться, надо быть выше. Он же профессор литературы и хорошо знает Шекспира: first things first^[32].

— Ни то ни другое, — сказал он как можно спокойнее. — Я только хочу забрать свой бумажник.

Она посмотрела на него искоса:

— Ага! Очень интересно. А я-то, позвольте спросить, какое имею к этому отношение?

Понятно! Она не собирается идти ему навстречу.

— Только то, — сказал он, стараясь смотреть не на нее, а на столик с кассой и рекламными брошюрами, — что я, как мне кажется, его здесь забыл.

— Так вы поэтому вчера вечером чуть не расколошматили мне стекло в двери? — осведомилась она с язвительной улыбкой.

— А вас это удивляет? Вы у меня перед носом запираете дверь и показываете мне средний палец. Если это и есть изысканная французская вежливость, то...

— Магазин был уже закрыт, мсье. — Она приблизилась на шаг и смерила его сверху вниз взглядом своих темных глаз. — Знаете, в чем ваша проблема? Вы, очевидно, не умеете спокойно принимать, когда вам говорят

«нет».

— Нет, это не так, — решительно заявил он. — То есть, как правило, не так. Но вчера я попал в чрезвычайную ситуацию. Могу вас заверить, что нет ничего веселого, когда вы в ресторане вдруг обнаруживаете, что потеряли все деньги вместе с кредитными карточками.

— Ах, так я еще и в этом, оказывается, виновата?

Снова вздернутые брови. Вот уж что у нее действительно хорошо получается!

— Мне кажется, нет ничего удивительного в том, что среди вчерашнего столпотворения я его здесь забыл.

— Столпотворение. Вы сами это сказали. Мне вчера потребовался почти целый час, чтобы устранить следы того разгрома, который вы тут учинили. — Она бросила на него укоризненный взгляд. — Вам, конечно же, и в голову не пришло помочь мне навести порядок в этом хаосе.

— При чем тут я, если вы держите в своей лавке злобную тварь, которая бросается на посетителей?

— Это же просто смешно! Слышали бы вы себя со стороны! По-вашему, это мой маленький, ласковый Уильям Моррис во всем виноват? — Розали громко захохотала.

Уильям Моррис, услышав свое имя, приподнял голову и, тихо пискнув, радостно завилял хвостиком.

— Вот, вы же видите сами! Это ласковая, добрая, маленькая собачка. Сдается мне, что вы страдаете манией преследования, мсье... мсье... как там вас... Шерман... из Нью-Йорка! Причем не только в том, что касается собак.

Роберт Шерман схватился за голову. И зачем только он опять сюда пришел? Ах да! Бумажник! Нельзя отвлекаться на замечания, уводящие в сторону от главного. Эта женщина — заядлая спорщица. Главное сейчас — это бумажник.

— Отдайте мне мой бумажник, и я тотчас же уйду, — сказал он без обиняков.

— Отдала бы с превеликим удовольствием, — ответила она насмешливо. — Только вашего бумажника здесь нет.

Он недоверчиво посмотрел на нее. На секунду он засомневался, неужели это строптивное большеглазое создание способно из чистой вредности не отдать ему бумажник, только чтобы причинить ему неприятности?

Словно прочитав его мысли, она покачала головой:

— Нет, я говорю это не для того, чтобы вас позлить, хотя, признаться,

эта мысль очень заманчива.

— От вас всего можно ожидать, — сказал он сердито.

Возможно, она просто лжет. Он был на сто процентов уверен, что выронил бумажник в этом магазине.

— Мсье! — заговорила она, встав перед ним в позе руки в боки. — Прекратите наконец ваши инсинуации! В конце концов, я вчера убрала всю лавку, *после того* как вы выскочили будто ошпаренный, опрокинув стойку с открытками... Но никакого бумажника не обнаружила. Наверное, вы потеряли его где-то еще. Или у вас его вытащили.

— Нет-нет, это невозможно... Он *должен* быть здесь, — настойчиво повторил Роберт. — В последний раз я вынимал его из внутреннего кармана именно здесь, когда расплачивался... за эту книжку.

— Ах да, сказку про тигра. Ее же тоже у вас украли. Вас действительно преследуют неудачи. Париж просто не ваш город. Наверное, вам лучше всего поскорее вернуться в Нью-Йорк. — Она отошла от него и расположилась за кассой. — Но если хотите, пожалуйста, посмотрите сами.

Она взялась за клетчатый блокнот и с обиженным видом демонстративно принялась что-то писать.

Роберт огляделся по сторонам, стараясь восстановить в памяти путь, которым он следовал при своем поспешном бегстве из магазина. Может быть, он оставил коричневый бумажник на столике рядом с кассой? Но там его, конечно, не было. Или он еще держал его в руке, когда собачонка залаяла и он с перепугу споткнулся о стойку для открыток?

Он прошелся по всем закоулкам магазина и заглянул под большой деревянный стол посередине комнаты, поискал на полу перед дверью и даже бросил внимательный взгляд на прилавок. Но бумажника нигде не было.

Розали Лоран, со скучающим видом наблюдавшая за его действиями, свернула свои длинные волосы в узел и закрепила его на затылке шпилькой.

— Ну что? — спросила она, зевая.

— Ничего, — ответил он, пожимая плечами.

— Я могу отдать вам те тридцать евро, которые вы вчера переплатили за книгу, — сказала она.

Он, наверное, даже принял бы это предложение, если бы она тут же не добавила:

— Немного, конечно, но на колу и пару бигмаков хватит.

— Очень ценю ваше великодушное предложение, но нет, не надо, — буркнул он. — Я скорее готов умереть от голода, чем взять у вас деньги.

— Ну что ж! Как угодно! В таком случае, мсье, боюсь, я ничем не могу вам помочь.

— Знаете, вы очень поможете мне, если хотя бы минутку помолчите, — ответил он. — Я просто пытаюсь сосредоточиться и подумать.

— Charmant, charmant!^[33] — продолжала она свое, не обращая внимания на его слова. — Впрочем, я охотно окажу вам эту любезность. У меня, знаете ли, есть дела поважнее, чем вести с вами беседы. — Тут она торжествующе улыбнулась. — Но своего портмоне вы тут не найдете, mal-heu-reuse-ment!^[34]

Роберт изо всех сил напрягал память. Похоже, придется-таки воспользоваться предложением Рейчел. В кармане у него не было больше ни цента. Причем в самом буквальном смысле. Надо было придумать какой-то выход. Пускай Рейчел дома заблокирует его карточки, а он пойдет в консульство и напишет заявление, чтобы ему выдали временный паспорт. То, что с ним случилось, — это кошмарный сон каждого туриста. С той только разницей, что его не обворовывали.

— Странно... Я же был совершенно уверен, — пробормотал Роберт себе под нос, задумчиво кусая костяшки пальцев. Движимый безумной надеждой, он стоял перед витриной, уставя в пол невидящий взгляд.

И тут произошло чудо.

За дверью кто-то шумно поставил велосипед. Рослый парень спортивного сложения в коротких штанах и майке сорвал с головы шлем и распахнул дверь магазина.

До сих пор цепочка событий неизменно складывалась неудачно для Роберта. Но здесь, в парижском магазинчике, в котором он находился не совсем случайно, но и не вполне по своей воле, обстоятельства внезапно стали складываться в его пользу.

Счастливым для него, например, оказалось то обстоятельство, что клиентка некоего Рене Жубера, фитнес-тренера по специальности, вынуждена была в эту пятницу по причине мигрени отменить назначенные с тренером занятия и молодой человек поставил свой велосипед на стоянку возле «Луны-Луны» в тот самый момент, когда Роберт был занят тем, что изучал рисунок кафельного пола. Счастливым было и то обстоятельство, что велосипедист приветствовал свою подружку бодрим: «Alors, ça boum?»^[35] У меня отменилась одна тренировка. Вот я и подумал заглянуть к тебе. У меня шикарная новость!» И еще более счастливым было то

обстоятельство, что, когда Розали вышла из-за кассы, чтобы встретить Рене, собачка в корзинке тоже сочла нужным вылезти оттуда и, виляя хвостиком, подойти, чтобы поприветствовать мускулистого пришельца, вертясь у его ног.

Когда Рене нагнулся, чтобы почесать Уильяма Морриса за ухом, Роберт и Розали почти одновременно посмотрели на пустую собачью корзинку, которая, как вы уже догадались, оказалась *не совсем* пустой.

Они удивленно переглянулись, затем невольно расплылись в улыбке, он — с чувством безграничного облегчения, она — несколько виновато, и, странное дело, оба в один голос сказали:

— Кажется, мне следует попросить у вас прощения.

В тот же вечер Розали Лоран, к великому своему удивлению, уже мирно прогуливалась с Робертом Шерманом в Тюильри. После того как пропавший бумажник необъяснимым образом нашелся в собачьей корзинке, она перед ним извинилась. То же самое сделал и американец. За свое неприличное поведение. Затем наступило тягостное молчание. Рене довольно растерянно переводил взгляд с одной на другого. И тут в его голове по внезапному наитию произошло соединение двух отдельных явлений — и установилась связь между бумажником и иностранным посетителем с американским акцентом.

— Non! — воскликнул он. — C'est pas vrai!^[36] Никак это тот самый психопат?

Розали покраснела как рак.

— Ах, — засмуцалась она, — да, в известном смысле. Это Роберт Шерман.

Бросив взгляд на американца, который, казалось, наслаждался ее смущением, она продолжила:

— Мы... мы тут как раз кое-что должны были выяснить. Познакомьтесь, пожалуйста, — Роберт Шерман, Рене Жубер.

— Очень рад, — не растерялся Роберт.

Рене выпрямился во весь свой немалый рост.

— Не могу разделить твою радость, *connard!*^[37] — рявкнул он громовым голосом и сделал шаг, угрожающе надвигаясь на оцепеневшего от неожиданности Роберта, который явно не понял значения слова *connard*.

Глядя прямо в глаза Роберту, Рене произнес:

— Слушайте меня хорошенько, второй раз повторять я не буду. Если вы еще раз позволите себе хамить моей подруге, я вам переломаю все кости!

Роберт очень быстро опомнился. На его губах заиграла тонкая улыбка.

— Ах, так *вот это* — ваш друг? — спросил он, обращаясь к Розали, которая готова была провалиться сквозь землю. — И кем же он работает? Вышибалой на дискотеке?

Когда Рене замахнулся для удара, Роберт ловко пригнулся за одной из стоек с открытками. Удар попал в пустоту, а обозленный Рене, крутанувшись волчком, крикнул ухмыляющемуся Шерману:

— Выходи, крыса несчастная!

— Рене! Стой!

Розали бросилась между ними, прежде чем в лавке разгорелся бой, в котором наверняка пострадали бы не только несчастные открытки.

Ей стоило некоторого труда объяснить своему возмущенному другу, что она уже не нуждается в защите, а мсье Шерман вернулся только для того, чтобы забрать забытый в лавке бумажник, который, как оказалось, действительно находился в корзинке, где спит собачка.

— Представляешь себе, все это время Уильям Моррис на нем лежал, поэтому мы сначала не могли его найти, — сказала она со смехом, чтобы разрядить ситуацию.

Рене насупился и кинул на американца подозрительный взгляд:

— При чем тут это? Какой бумажник? Я думал, речь идет о книге. Ты же сама мне вчера рассказывала, что этот ненормальный беспрестанно осыпал тебя оскорблениями и угрожал тебе. Он устроил разгром в твоей лавке, а вечером орал на всю улицу. Ты сказала, что уже хотела вызвать полицию.

Шерман многозначительно вздернул брови. Розали не знала, куда девать глаза под пристальными взглядами обоих мужчин. Наверное, она со злости немного все преувеличила, когда рассказывала Рене о случившемся.

— Ну... Конечно, «угрожал» — это слишком сильно сказано, — проговорила она наконец. — Хотя, по моему вчерашнему впечатлению, я не догадалась, что вы приходили с мирными намерениями, мсье Шерман.

— Наверное, я действительно перегнул палку, — согласился Шерман. — Вчера все как-то так сложилось одно к одному — весь день сплошные неприятности. Но что касается авторства этой детской книжки, то тут я на сто процентов прав, и когда вы узнаете всю историю, то сами поймете, почему я так уверенно говорю.

Розали откашлялась:

— С интересом выслушаю ваши объяснения. — Вспомнив о своем телефонном разговоре с Максом, она добавила: — Мне тоже есть что сказать по этому поводу. Нам нужно еще раз спокойно обсудить этот вопрос. Но, наверное, лучше не здесь, в лавке, где в любую минуту может войти какой-нибудь покупатель.

В конце концов договорились встретиться вечером в кафе «Марли».

— Теперь, когда нашелся мой бумажник, — добавил Шерман, которого радость от неожиданной находки привела в щедрое расположение духа, — мы могли бы продолжить наш разговор, ужиная в цивилизованной обстановке. Вашего друга я, разумеется, тоже приглашаю, чтобы он убедился, что вас никто и пальцем не тронет.

В половине девятого они встретились под аркадами кафе «Марли» и сделали заказ, правда без Рене, который в этот вечер договорился о встрече с одним приятелем.

— Если хочешь знать мое мнение, — сказал Рене после того, как Роберт вышел из лавки, — он производит впечатление нормального человека.

То же самое подумала и Розали, незаметно понаблюдав за американцем, который загляделся на Лувр и освещенную стеклянную пирамиду.

— Этого вообще еще не было, когда я в прошлый раз приезжал в Париж, — сказал Роберт. — Впрочем, времени с тех пор прошло уже немало. Мне было тогда двенадцать лет, и все, что мне запомнилось от посещения Лувра, это Мона Лиза с ее странной улыбкой. Вы знаете, что ее глаза все время смотрят на тебя, где бы ты ни стоял? Тогда это произвело на меня сильное впечатление.

Он отрезал кусочек от своего клубного сэндвича, и Розали попыталась представить себе Роберта Шермана мальчиком.

— Откуда вы так хорошо знаете французский? — спросила она. — Я всегда думала, что американцы принципиально не учат иностранные языки, считая, что везде прекрасно обойдутся английским.

— Как ни странно, я то же самое думал о французах, — сказал он в ответ, и в его голосе слышалась неприкрытая насмешка. — Говорят, французы ни за что не желают пользоваться каким-то другим языком, кроме родного французского. Причем делают это чисто из упрямства, а не потому, что их язык является международным, — усмехнулся Роберт.

— Мы ведь, кажется, пришли сюда не для того, чтобы ссориться, не правда ли, мсье Шерман? — Розали взяла вилкой кусочек курятины в красном винном соусе. — Ну, так в чем же там была причина? Или это секрет?

Он засмеялся:

— Нет-нет! В моей жизни нет никаких секретов. Боюсь, что за этим кроется скучное объяснение. Моя мама хотела, чтобы я непременно выучил французский язык, так как ее семья была родом из Франции. И она с детства говорила со мной по-французски. Признаюсь, что сам бы я вряд ли занялся французским. Тогда этот язык казался мне каким-то... недостаточно, что ли, мужественным... неподходящим для настоящего американца.

— Надо же! — вскинула голову Розали. — Вот оно, оказывается, с

каких пор вы питаете эти предрассудки! Но я могу вас заверить, что ни французский язык, ни французские мужчины не страдают недостатком мужественности.

— Очень рад, мадемуазель Лоран, что это так! Полагаю, вы говорите на основании опыта. — Его глаза лукаво блеснули.

— Только без дерзостей, мсье Шерман! Моя личная жизнь вас совершенно не касается. А впрочем, и я за вас рада.

— Почему? Потому что французские мужчины мужественны?

— Нет. Потому что ваша матушка настояла на своем. По-видимому, она умная женщина.

— Ну да. — Он взял бокал с вином и задумчиво на него смотрел, потом сказал: — Умная... Да, конечно. Мама была умная. — Он опустил глаза. — К сожалению, ее больше нет. Вот уже несколько месяцев, как она умерла.

— О! — испугалась Розали. — Мне очень жаль.

— Ничего. — Он покивал, затем отставил бокал. По нему было видно, что эта рана еще не зажила. — Ну, во всяком случае, сейчас я и сам рад, что она настояла на своем, и не только потому, что это так облегчает мне жизнь в вашем прекрасном городе.

Когда он упомянул о том, что ему предложена должность приглашенного профессора, Розали с трудом скрыла свое удивление.

— Специалист по Шекспиру? А мне показалось, что вам очень подходит профессия адвоката, — заявила она.

— Почему? Потому что я собираюсь отстаивать свои права?

— Нет, потому что вы считаете, что всегда и во всем правы, — бросила она ему в лицо и с наслаждением занялась своей курицей.

— А вы такая же спорщица, как шекспировская Кейт.

Она дожевала то, что было у нее во рту. Что это за Кейт, она не знала.

— Ну и что? Это хорошо или плохо? — спросила она.

— А про «The taming of the shrew» вы никогда не слыхали? «Укрощение строптивой», — с улыбкой пояснил он по-французски.

— Конечно слыхала, — заявила она. — Но не знаю подробностей.

— Я как-нибудь дам вам почитать эту пьесу, сами тогда и решите, — сказал он. — Ставлю на то, что Кейт придется вам по душе. — Он улыбнулся так, как будто сказанное было шуткой, затем посмотрел ей в лицо и уже серьезно сказал: — Итак, мадемуазель Лоран, мы хотели выяснить кое-какие вопросы. Кто начнет?

Розали отложила вилку и нож и вытерла салфеткой рот.

— Воп^[38]. Тогда начинаю с главного, — сказала она. — Ваши

странные обвинения не давали мне покоя, и сегодня утром я позвонила Максу Марше...

— И что? — Шерман даже наклонился вперед, как будто ему не терпелось услышать, что она скажет.

«Его рубашка такого же цвета, как его глаза», — мельком отметила Розали. Она отмахнулась от этой мысли и покачала головой:

— Все оказалось так, как я и ожидала. Марше заверил меня, что сам придумал эту историю. Причем, цитирую, «каждое слово». Для верности я еще спросила у него, существует ли какая-нибудь похожая сказка, которая могла послужить источником для его истории, но ничего такого нет. Он страшно разволновался, когда я сказала ему про обвинение в плагиате. И фамилия Шерман ему тоже ничего не говорит. Автор этой сказки — Марше, и я верю ему, что бы вы там ни рассказывали.

— Но этого не может быть, мадемуазель Лоран.

— И что же? Неужели вы всерьез собираетесь меня убеждать, что это вы написали эту сказку? В пятилетнем возрасте?

— Я никогда не утверждал, что автор этой истории — я, — возразил не ожидавший такого вопроса Роберт. — Я только сказал, что она никоим образом не могла быть написана этим Марше.

— И что вам дает такую уверенность? — Поставив локти на стол, Розали оперлась подбородком на сомкнутые пальцы и устремила на Роберта вопросительный взгляд. — Никак тот факт, что вы большой специалист по Шекспиру?

— Ну хорошо, — сказал Шерман, отодвигая от себя тарелку. — Давайте тогда я изложу вам свою версию этой истории.

Рассказ Роберта Шермана был довольно долгим. Он не упустил ни одной мелочи: ни того, что история про синего тигра была в детстве его любимой сказкой, ни того, что, по словам его матери, этой сказки нет ни в одной книжке. А когда он рассказывал о том, как она умерла, и о том, что в свой последний час она повторила слова из этой сказки, чего он тогда не заметил, глаза Розали потемнели и сделались черными как ночь. А когда он затем прерывающимся голосом рассказал, как обнаружил рукопись этой сказки среди бумаг, завещанных матерью, и увидел на ней посвящение и последние обращенные к нему слова, написанные ее рукой, Розали не удержалась от наворачнувшихся на глаза слез.

Пораженная услышанным, она внимала его рассказу. Какая печальная история! И в то же время сколько в ней заложено любви! И только когда Шерман упомянул про посвящение, она вдруг обратила внимание, что его

имя, как и у нее, начинается на «Р». Розали. Роберт. Странное совпадение.

— М-да... А я-то вообразила себе, что эта «Р» относится ко мне, — смущенно призналась она. — Но, принимая во внимание ваш рассказ, это вряд ли возможно.

Шерман бросил на нее удивленный взгляд, прежде чем продолжить рассказ:

— Нет, это исключено. «Р» означает «Роберт». В конце концов, мама ведь прикрепила к рукописи записку, из которой это с очевидностью вытекает.

Розали молча слушала его, стараясь справиться с одолевающим ее смятением. До сих пор она ни секунды не сомневалась, что слова в книжке «Посвящается Р.» относятся к ней, и Макс Марше этого не отрицал. Но почему-то сейчас она перестала считать так с прежней уверенностью.

Она постаралась припомнить в подробностях тот момент, когда она поблагодарила Макса Марше за посвящение. Что именно он тогда сказал? Подумав немного, она вспомнила: «Просто не говорите ничего».

Тогда она истолковала эти слова в том смысле, что это значит нечто вроде «не стоит благодарности», а на самом деле ему, может быть, было неприятно, что она, обнаружив это «Р», приняла его на свой счет. Нескрываемое смущение старика показалось ей тогда трогательным, потому что она вообразила, будто старичок ею немножко увлекся и сам этого стыдится, хотя, казалось бы, разве можно стыдиться любви! Но с тех пор она стала задумываться, не было ли какой-то другой причины.

В задумчивости Розали поигрывала своим бокалом. Если Шерман рассказал правду (а сейчас она уже не видела причин в этом сомневаться), то выходит, что существует старая рукопись, которую его мать оставила ему в наследство. Рукопись сказки, которую она придумала для своего сынишки.

Бедняга Шерман! Неудивительно, что для него стало таким потрясением увидеть эту книжку у нее в витрине. Какая обида и злость охватили его, когда он обнаружил свою историю напечатанной в книге!

К тому времени как Шерман закончил свой рассказ, кафе «Марли» уже заметно опустело. Только за некоторыми столиками еще сидели припозднившиеся посетители и тихо переговаривались. Розали немного помолчала, размышляя о последних словах профессора литературы. Только что услышанное заставило ее устыдиться собственного поведения. Она поверила человеку, которого видела перед собой и которому она теперь сочувствовала всей душой. Но она верила и Максиму Марше, в его искреннее

возмущение. Все это было более чем странно.

А если они оба правы? «Что, если есть две правды?» — подумала она.

— Ну так как? Только не говорите, что потеряли дар речи! — Шерман бросил на нее пристальный взгляд.

Розали задумчиво улыбнулась и подняла глаза:

— А вот и да! Представьте себе, именно это и произошло.

— Но вы все же поможете мне установить истину? — Он невольно схватил ее руку.

Она кивнула:

— Думаю, что ключ к разгадке этой тайны находится в самой рукописи. Как думаете, вы могли бы сделать так, чтобы ее прислали сюда?

Когда они вышли из кафе «Марли», было уже темно. Сияла освещенная изнутри пирамида у Лувра, напоминая приземлившийся в Париже инопланетный корабль.

В начале первого Розали нырнула под одеяло. Рене сквозь сон пробормотал: «Bonne nuit»^[39], она пристроилась рядом с ним и тотчас заснула.

А в синей записной книжке появилась следующая запись:

Самое худшее в этот день:

Рене обругал американца «задницей», и у них чуть не дошло до драки. Слава богу, в лавку не зашел какой-нибудь клиент! Весь день попадала в неудобные положения. Сначала этот Шерман нашел у меня в собачьей корзинке свой бумажник, а я только что говорила ему, что бумажника нет, потом Рене во весь голос спросил, не это ли тот самый психопат!

Самое лучшее в этот день:

Рене пригласили участвовать в семинаре Зака Уитмена в Сан-Диего — того, который работал еще со знаменитым гуру фитнеса Джеком Лаланом. Я-то о нем слыхом не слыхала, но, судя по всему, он очень выдающийся, Рене вообще от него без ума. Семинар продлится четыре недели, Рене подкинул меня, закружил и спросил, не снять ли нам общую квартиру, когда он оттуда вернется. Этого он еще никогда не предлагал!

P. S. Еще один удивительный, прекрасный момент в

кафе «Марли»:

Шерман спросил меня, помогу ли я ему выяснить правду относительно рукописи «Синего тигра», и на миг взял мою руку. Стеклянная пирамида светится, и все какое-то прямо-таки нереальное! Сказала, конечно, «да» и вдруг почувствовала, что он очень хороший человек. Вообще, этот американец вовсе не чокнутый. Хотя от его представления о французах волосы встают дыбом. Его рассказ о матери меня глубоко тронул.

Среди ночи вдруг зазвонил мобильный телефон. Полусонный Роберт Шерман нашарил его на столе и поднес к уху. Почему-то он подумал, что это звонит Розали Лоран, поэтому не сразу узнал раздавшийся в трубке голос, который ему в первое мгновение показался совершенно незнакомым.

— Это я, — произнес голос.

— Простите, кто это говорит?

— Ты что — уже свою подружку не узнаешь? — обидчиво спросила Рейчел.

— Рейчел! — Он схватился за голову и вздохнул. — Sorry!^[40] Это я спросонья. Здесь сейчас... — он бросил взгляд на портативный будильник, — ...четверть второго. Что случилось? Почему ты звонишь среди ночи?

— Я целый день пыталась до тебя дозвониться, голубчик, но ты же не подходил к телефону.

В трубке слышался статический шум. По-видимому, она ждала ответа.

— Прости! Аккумулятор разрядился. Было столько волнений, что я не сразу заметил. Но теперь уже зарядил.

— Ну слава богу! — Ее тон стал чуть добрее. — Я очень беспокоилась, Роберт. Как там у тебя с бумажником? Ты не получил мою эсэмэску? Перевести тебе денег? Я уже связалась с банком.

Рейчел, как всегда, сама деловитость и четкость.

— Ах это... да... конечно...

Он снова лег головой на подушку.

— Нет, сообщение пришло, и я его получил. Спасибо! Но мой бумажник отыскался еще сегодня утром. Представляешь: забыл в одной лавке, я заходил туда вчера вечером, но хозяйка меня непустила.

К своему удивлению, он понял, что сейчас способен над этим смеяться.

— И ты даже не подумал сообщить мне об этом? — Он услышал, как Рейчел при этих словах негодуяще фыркнула.

— Прости, darling, так переволновался, что упустил это из виду, — произнес он виноватым голосом.

— Переволновался? А теперь-то какие у тебя волнения? Твой бумажник, кажется, благополучно нашелся! А с тех пор, как я понимаю, прошел уже целый день.

— Да дело же не только в бумажнике. Ты же ничего не знаешь, что тут делается.

— А что там делается? Половину твоих вчерашних сообщений я, честно говоря, вообще не поняла. Почему это вдруг Париж полон загадок? И какая там еще стерва-француженка?

Роберт со вздохом сел на кровати. Он понимал, что обязан дать Рейчел какие-то разъяснения. Перебрав мысленно события вчерашнего дня, он сам удивился, что провел в Париже всего еще два дня.

— Можешь себе представить, как я был потрясен, когда встретил вдруг историю про синего тигра в писчебумажной лавочке на улице дю-Драгон? — завершил он своей отчет.

— *Потрясен?* — недоверчиво переспросила Рейчел. — По-моему, Роберт, ты немного преувеличиваешь. Это же не вопрос жизни и смерти!

— Легко тебе говорить! Я непременно должен выяснить, что за этим стоит, а Розали Лоран обещала мне в этом помочь. Самое удивительное — она была убеждена, что автор посвятил эту историю *ей*. Потому что она нарисовала к ней иллюстрации. А еще это «Посвящается Р.»! Одна только «Р» и стоит. Но эта «Р», само собой, означает «Роберту», ты же понимаешь! — горячился Роберт.

— Как знать, может быть, оно означает «Рейчел», — сказала Рейчел, не склонная разделять его волнения.

— Ничего смешного в этом не вижу! Если этот Марше просто украл сказку, я подам на него в суд.

Рейчел вздохнула:

— Боже мой, Роберт! Ну и напугал же ты меня! Я уже вообразила, у тебя там невеста что случилось! Нельзя же так переживать из-за какой-то старой сказки! — Она облегченно рассмеялась и с легкой укоризной сказала: — Я-то думала, ты поехал в Париж, чтобы принять там важное решение.

Он немного обиделся, что она так небрежно отнеслась к тому, что он ей рассказал. Словно он малое дитя, у которого отобрали совочек.

— Для меня, знаешь, это дело тоже важное, — ответил он с некоторой обидой в голосе. — Довольно-таки важное, хоть тебе этого и не понять.

— *Some one!*^[41] Нельзя же так: чуть что — и сразу обида! — услышал он в трубке ее голос. — Прости, если что не так, я не нарочно. Все это наверняка скоро выяснится. А если нет... Господи! Вообще, если копаться в старых историях, это никогда не ведет ни к чему хорошему. — Она засмеялась.

А он именно так и поступит, подумал Роберт. Пороется в старых

историях.

— Можешь сделать мне одно одолжение, Рейчел? — спросил он.

— Ну конечно.

— Пришли мне мамину рукопись! Она все так же лежит в конверте от нотариуса. Ты найдешь его в моем письменном столе в нижнем ящике.

Окажешь мне эту услугу? Чем скорее, тем лучше. Хорошо, если завтра с утра экспресс-почтой.

Он еще раз продиктовал ей точный адрес гостиницы и вежливо поблагодарил.

— Не проблема, — сказала Рейчел. — Завтра рукопись будет отправлена.

Она пожелала ему доброй ночи, но, прежде чем завершить разговор, внезапно спросила:

— А что там было насчет французской стервы, с которой ты познакомился?

— Так это та самая Розали Лоран, о которой я только что тебе говорил. Владелица писчебумажного магазина, в котором я нашел книжку и своротил стойку с открытками. Вообще-то, она совсем не такая ужасная, — подумал он вслух.

«Вообще-то, она очень даже славная, — добавил он мысленно перед тем, как у него смежились веки и он провалился в сон. — Несмотря на то, что в Шекспира она никогда не заглядывала».

Женщина, которая никогда не заглядывала в Шекспира, встала против обыкновения рано. Был понедельник, ее свободный день, и Розали захотелось подольше погулять с Уильямом Моррисом и навести порядок в своих мыслях. Она направилась в сторону площади Сен-Сюльпис, обошла церковь справа, продолжила свой путь по улице Бонапарта, мимо еще не открывшихся магазинов, и очутилась наконец в Люксембургском саду.

Сад встретил ее летними запахами цветов и зеленой листвы, к их нежным ароматам примешивался запах дорожной пыли и утренней сырости. Два одиноких бегуна размашисто пробежали мимо по внешней аллее, в уши у них были вставлены наушники, белые провода от которых были заткнуты за ворот майки. Не выбирая дороги, Розали пошла по первой попавшейся широкой аллее. Здесь было еще безлюдно. Сквозь трепещущую листву на утопанную земляную дорожку падал косой солнечный луч, песок приятно поскрипывал под ногами, по бокам стояли под деревьями темно-зеленые скамейки, как будто приглашая на них отдохнуть.

Убедившись, что выбрала правильную сторону сада, где разрешено выгуливать собак, она спустила Уильяма Морриса с поводка, и тот помчался вперед, пока не остановился под одним из деревьев, принюхиваясь к волнующим запахам.

Рене спозаранку уехал к себе домой. Когда он на днях с радостным блеском в глазах сообщил ей о предстоящей поездке на семинар, она не осознала, что он так скоро улетит в Сан-Диего. Но желанное приглашение досталось Рене только потому, что один из его друзей по фитнес-клубу вынужден был отказаться от поездки, и таким образом появилось свободное место. Тут было не до раздумий, надо было сразу соглашаться, чтобы не упустить удачный случай. До начала семинара оставалось всего несколько дней, и у Рене было совсем мало времени на необходимые приготовления.

— Мне выпала большая удача, — сказал он Розали. — Уитмен — *настоящий* гуру в деле фитнеса.

Розали рассеянно кивнула на его слова. Честно говоря, после вечера, проведенного в обществе Роберта Шермана, ее мысли были заняты другим.

— Правда же все это очень странно? Я спрашиваю себя, что за этим стоит, — сказала она на следующее утро, после того как сообщила своему

другу о разговоре с американцем.

— Ну что ты ломаешь голову над такими вещами, которые тебя не касаются? — спросил Рене, когда они завтракали на расположенной на крыше террасе. — Не обижайся, Розали, но ведь ты всего лишь нарисовала к этой книжке картинку. Даже если выяснится, что Марше украл сказку, ты тут будешь совершенно ни при чем. Тебе-то какое дело? Пускай сумасшедший профессор литературы сам разбирается в этом без тебя.

— Во-первых, он не такой сумасшедший, как я думала, и его история звучит довольно убедительно, а во-вторых, это отчасти как бы и моя книжка, — возразила ему Розали. — И потом, я не хочу, чтобы у Макса Марше были неприятности.

— Ну, если там все правильно и честь по чести, то у твоего писателя и не возникнет никаких неприятностей. Почему ты просто не дала этому Шерману телефон Макса Марше? По-моему, чего проще! Они взрослые люди, пускай сами и выясняют между собой, кто на кого будет подавать в суд.

Рене сделал большой глоток морковно-яблочного сока с имбирем и отер губы. Для него тут не было проблем.

— Ну знаешь ли! Не могу же я вот так просто раздавать кому попало телефонный номер писателя, — сказала Розали со смущенным смешком. — Кроме того, насколько я знаю Макса, он сразу положит трубку, как только поймет, кто ему звонит. Во время нашего последнего телефонного разговора он уже так возмущался, услышав про эту историю, что даже видеть не желает этого нахала. — Она пригубила кофе с молоком и задумчиво покачала головой: — Нет, нет! Мне не нравится идея, чтобы эти двое поговорили друг с другом. Кроме того, мне самой стало интересно, в чем же там дело. Хотя у меня это и вызывает некоторое беспокойство.

Мысленно она увидела лазурно-голубые глаза, с вопросительным выражением обращенные на нее, и не стала углубляться в вопрос, что именно ее так беспокоит в этой запутанной истории.

— Я пообещала Шерману, что помогу ему разобраться в этих загадках, — сказала она и вспомнила, как рука американца на секунду прикоснулась к ее руке. — Пожалуй, лучше всего будет, если я еще раз позвоню Максусу. Я и подумать не могу, чтобы он мне лгал, однако у меня такое чувство, что он что-то недоговаривает. Вот только что?

Погруженная в свои мысли, Розали сама не заметила, как подошла к огромному, сверкающему под солнцем пруду, расположенному посреди парка перед дворцом. Она села на один из железных стульев и стала

следить за парусным корабликом, это была радиоуправляемая игрушка, которой с берега командовал мальчик. Он стоял на противоположном берегу пруда со своим папой и радостно вскрикивал, когда кораблик, как сейчас, делал на воде разворот.

Как проста жизнь для ребенка! И как получается, что такая простая жизнь потом обрастает невероятными сложностями? Виноваты ли те полуправды, те недомолвки, скрытые чувства и целые куски действительности, которые ты хранишь про себя, в том, что чудесная ясность детских лет затемняется и запутывается и ты вдруг начинаешь понимать, что правда может быть не одна?

Глядя на открытое личико мальчика, по простодушному выражению которого легко читались все душевные движения, Розали испытала что-то похожее на зависть.

Уильям Моррис подбежал к тому месту, где она сидела, и Розали снова взяла его на поводок. Собачка села на землю и, свесив язык, глядела на нее преданными глазами. Рассеянно поглаживая мягкую шерстку, Розали продолжала следить за корабликом.

Всю ли правду она сказала Рене? Действительно ли она только потому так заинтересовалась этой историей, которая притягивает ее как магнит, что ей выпало стать иллюстратором этой книги и ее заботит репутация Макса Марше? Правду ли рассказал Роберт Шерман? Обнаружат ли они в этой рукописи что-нибудь такое, что доказывало бы правдивость его слов? Возможно ли, будучи честным, сказать неправду?

А как насчет Макса, который так яростно настаивает на своем авторстве? Что, если он все-таки солгал?

Во время ужина в «Марли» Роберт совершенно справедливо обратил внимание на то, что этот автор за последние шестнадцать лет не издал ни одной новой книги. Может быть, у него иссякли идеи? Не мог ли Марше позаимствовать сюжет старой сказки, сочиненной кем-то другим?

И кому на самом деле посвящена эта книга?

Все выходные Розали пыталась дозвониться до Макса, чтобы задать ему этот важный вопрос. Но он не брал трубку. Она так и не дозвонилась до него ни по стационарному, ни по мобильному телефону. На мобильнике она оставила ему сообщение с просьбой перезвонить, подчеркнув даже, что это срочно, но он так и не позвонил.

Наступил понедельник, и она уже несколько раз пыталась связаться с Ле-Везине, каждый раз дожидаясь, пока протяжный сигнал вызова не сменится нервным пиканьем отбоя. Марше даже не включил автоответчик, как делал обыкновенно, уходя из дома.

Писатель словно сквозь землю провалился, и Розали стало не по себе. Ей даже захотелось самой отправиться в Ле-Везине, чтобы узнать, все ли там в порядке. Но как раз сегодня она назначила встречу трем кандидаткам на место помощницы, которые откликнулись на ее объявление.

Макс Марше уже много лет безвыездно жил в Ле-Везине и если бы собирался куда-то поехать, то, наверно, упомянул бы об этом. Розали вспомнила их последний телефонный разговор несколько дней назад, неприятные вопросы, которые она задавала Максу, и как резко и сердито Макс отвечал под конец.

Может быть, он на нее обиделся и потому не подходит теперь к телефону? Или может быть, обвинения американца, о которых она ему рассказала, имеют какое-то отношение к его исчезновению?

Она подняла с земли круглый камешек и, нагнувшись, запустила его низко над водой. Камешек пробил серебристую зеркальную гладь, оставив на ней точечный след, от которого стали расходиться концентрические круги, пока легкая рябь не докатилась до края пруда. «Причина и следствие», — подумала вдруг Розали.

Каждая ложь имеет последствия, от нее исходят волнистые круги. И когда-нибудь вызванное ею волнение доплескивается до берегов, даже если ложь была так мала, как этот камешек.

Тревога, охватившая Розали, не проходила весь день, она передалась даже Уильяму Моррису, он крутился у нее под ногами, так что она все время на него натыкалась, и в конце концов Розали изгнала его из лавки в квартиру.

Сначала она сходила за покупками, уладила кое-какие бумажные дела, а затем провела собеседование с хорошенькой, непрестанно жующей резинку мадемуазель Жири, потом с отъявленной мизантропкой мадам Фаврие, ни разу не улыбнувшейся за все время их беседы и успевшей пожаловаться на ужасный народ в метро, и наконец с душевной мадам Морель. Принять решение оказалось нетрудно. Розали остановила свой выбор на Клодине Морель, которая с первого взгляда вызвала у нее симпатию. Довольно плотного сложения женщина пятидесяти с небольшим лет, брюнетка с короткой стрижкой, красивыми крупными руками, которые до локтей были усыпаны веснушками. У мадам Морель были уже почти взрослые дети, и раньше она работала в маленьком книжном магазине, который давно закрылся. Клодина Морель искала такую работу, при которой она была бы занята три раза в неделю во вторую половину дня. Они договорились, что она приступит к работе в «Луне-Луне» со

следующей недели.

После ее ухода Розали сделала еще несколько тщетных попыток позвонить Макс. Она уже подумывала, не позвонить ли Жан-Клоду Монсиньяку. Может быть, ему что-то известно о местонахождении его автора. Она уже было достала визитную карточку издателя, как вдруг поняла: ее поиски Макса Марше могут породить неприятные вопросы, правдивый ответ на которые способен представить писателя в нехорошем свете. Нет, это была плохая идея, не надо втягивать в это дело лишних людей. Сначала она сама должна побеседовать с Максом. Он ее друг, а дружба обязывает. Помедлив немного, она отложила визитную карточку.

В этот вечер у Розали три раза звонил телефон, и каждый раз она, хватаясь за трубку, ожидала услышать голос Макса Марше. Но писатель упорно хранил молчание.

В первый раз это оказался Роберт Шерман, который хотел сообщить ей, что рукопись уже в пути и завтра, вероятно, прибудет в Париж. Второй звонок был от Рене, который огорченным тоном предупредил ее, что сегодня вечером, кажется, не успеет прийти, так как должен срочно подыскать себе подмену на время отсутствия, а это дело небыстрое:

— Увидимся завтра, *cherie!* Завтра у меня как раз занятие на площади Сен-Сюльпис, и после него я успею к тебе заскочить.

Когда телефон зазвонил в третий раз, на Розали уже была белая хлопчатобумажная ночная сорочка. Было около десяти часов, и ее квартирка наверху так нагрелась за день, что было нечем дышать.

Розали открыла нараспашку все окна, а сама вылезла на крышу, чтобы выкурить там сигарету на своей любимой террасе. «Если это мама...» — вздохнула она, затушив сигарету и залезая в окно. Ее матушка обычно звонила в это время, поскольку целый день бывала так занята, что не могла выкроить для этого ни минутки.

— Да? — сказала Розали, сняв трубу, и стала ждать ответа.

Но это была не ее матушка, а Макс Марше. Станным, осипшим голосом он попросил извинения, что так поздно ее беспокоит.

То, что он рассказал, было так ужасно, что она с перепугу даже села на кровать.

— Боже мой! — еле выговорила она. — Какой ужас! Да, да... Конечно, я приеду. Буду завтра с утра.

После этой беседы, продлившейся всего несколько минут, Розали еще некоторое время сидела на кровати, ожидая, пока успокоится сердце, и только тогда достала свою синюю записную книжку.

Самое худшее в этот день:

Только что позвонил Макс. С ним произошел несчастный случай, и он уже три дня лежит в больнице.

Перелом шейки бедра. Операция. Оказывается, он упал со стремянки и несколько часов беспомощно пролежал на полу, прежде чем его нечаянно обнаружил садовник. Ну скажите, разве можно в его возрасте лазить на стремянку и собирать черешню? Врач говорит, что ему еще очень повезло.

Самое лучшее в этот день:

Утром в Люксембургском саду мне долго улыбался маленький мальчик.

По сути дела, виноват был Блез Паскаль.

Если бы Макс Марше в пятницу не снял с полки эту книгу, а затем не ушел бы с ней в сад (спасаясь от мадам Бонье) и не читал бы ее там, расположившись под деревьями в тишине, нарушаемой только еле слышным гудением пылесоса да один раз странным звонком мадемуазель Розали, то не возникло бы и повода для того, чтобы после чтения (которое, как всегда, доставило ему много удовольствия) возвращать ее на место. А если бы место «Мыслей» Паскаля не находилось на самом верху под потолком, то Максу не пришлось бы залезать на библиотечную стремянку.

Это было надежное и прочное устройство, стоявшее рядом с высокими шкафами до потолка, которое удобно передвигалось на колесиках, так что с помощью этого приспособления можно было без труда достать нужную книгу с любой полки, как бы высоко она ни стояла.

На беду, книжка Блеза Паскаля стояла *очень* высоко. Точнее сказать, так было *первоначально*.

Когда Макс в субботу, мирно позавтракав на террасе, дочитал последние страницы и, по своей любви к порядку (мадам Бонье держалась на этот счет совершенно ошибочного мнения), полез в кожаных шлепанцах на самую верхотуру, остановившись на третьей сверху ступеньке, так что его седовласая голова почти что коснулась потолка, и уже потянулся вправо, чтобы поставить книжку на предназначенное ей место в философском разделе, — проклятый Блез Паскаль каким-то образом выскользнул у него из руки. В попытке предотвратить падение первоиздания (он терпеть не мог загнутых страниц, из-за чего очень редко кому разрешал выносить свои книги из дома) Макс взмахнул рукой в пустом пространстве, но книжку уже не поймал. Не поставленная на тормоз лестница от толчка откатилась в сторону, и рослый старик в синей вязаной фуфайке и парусиновых брюках потерял равновесие, левая нога выскользнула из шлепанца, он попытался ухватиться за боковину лестницы, но промахнулся, его рука, ищущая опоры, схватила пустоту, и через секунду он вслед за Блезом Паскалем приземлился на паркетном полу.

Он упал навзничь, и в следующий миг у него от удара перехватило дыхание. Если бы пол был каменным, то оно бы, скорее всего, уже не восстановилось. А так он полежал, устремив взгляд на ряды книг,

попытался вдохнуть и запаниковал, почувствовав, что грудная клетка не желает расширяться, а в легкие не поступает кислород.

Страшная боль пронзила его от бедра до колена, в голове стоял такой звон, словно все колокола собора Парижской Богоматери разом зазвонили, призывая к последней молитве.

«Умру хотя бы в окружении книг», — подумал Макс, прежде чем провалиться в милосердный обморок.

Когда он снова пришел в себя, свет, как ему показалось, падал в окно под другим углом, чем раньше, однако он не мог сказать этого с полной уверенностью. Прошло, вероятно, три часа, а может быть, всего лишь пятнадцать минут, точно он не мог это определить. Наручные часы, как нарочно, остались в ванной. А он все еще валялся на спине, как беспомощный жук, и любое, даже самое осторожное движение причиняло боль.

Несколько раз принимался звонить телефон, но он был не в состоянии преодолеть пару метров, которые отделяли его от письменного стола, — боль была такая, что у него темнело в глазах, когда он пытался приподняться. Немного позже он услышал пронзительный звук своего мобильного телефона, каждый раз заставлявший его вспомнить Хичкока — «Убийство по телефону». Сейчас эта чертова штуковина ему бы очень пригодилась, но в нужный момент она, как назло, оказалась в кармане его летнего плаща, который висел в передней.

Он застонал. Если бы ему повезло, плащ сейчас лежал бы там, где он вчера его скинул, — на подлокотнике дивана, до которого можно дотянуться рукой.

Но к несчастью, добросовестная Мари-Элен перед тем, как попрощаться с ним и уехать, успела унести плащ в переднюю и повесить в гардероб. Положение было отчаянное!

Когда снова зазвонил стационарный телефон, Макс попытался перевернуться на живот и доползти до стола. Снова его пронзила эта режущая боль и перехватило дыхание. Наверное, сломана какая-то кость, потому что нога висела как плеть и в бедре была неестественно вывернута.

Старинная вилла в Ле-Везине — для многих несбыточная мечта. Но если ты живешь один, то случись что-нибудь — и такой дом становится для тебя западней. Сады тут были большие, дома стояли далеко один от другого, так что очень мало шансов на то, что тебя услышат соседи: разве что если ты будешь играть на саксофоне или трубе. Макс этим не занимался, а сейчас бы и не смог этого сделать, даже если бы умел играть

на подобном инструменте.

Мари-Элен вернется только через десять дней и сначала удивится, почему все приготовленные впрок кушанья остались нетронутыми, а потом найдет его истлевшее тело перед книжными шкафами.

Наверное, она тогда скажет, что не дело оставлять мужчину одного в доме.

Потом кто-то позвонил в дверь, и Макс, вопреки всем доводам разума, подумал, что это вернулась экономка спасать своего «мсье Пруста». Сейчас она была ему нужна, как никогда в жизни.

Но никто не вставил ключ и не попробовал отпереть замок, и знакомый низкий голос не окликнул его: «Мсье Марше? Вы дома?»

Он приподнялся и изо всей мочи закричал, призывая на помощь, но, видимо, этого никто не услышал. Тогда он вспомнил, что позвонить ему в дверь можно только в звонок, который находится за воротами палисадника, а оттуда до дома изрядное расстояние. Невысокие кованые воротца легко можно было открыть, просунув руку в решетку и нажав изнутри на ручку, но кто же об этом догадается?

«Да, — подумал Макс с долей фатализма, прежде чем снова впасть в полузабытье, — спасти меня может только грабитель».

Солнце уже опустилось совсем низко, и за окном гостиной, выходящим на террасу, которое было приоткрыто, Макс вдруг услышал тарахтение газонокосилки. Он повернул голову к окну и стал вглядываться, что там происходит.

Человек в зеленой спецовке косил траву на лужайке. Никогда еще Макс так не радовался появлению своего садовника. Костариканец Себастьяно, делавший честь научному наблюдению, согласно которому костариканцы — самые счастливые люди в мире, имел собственный ключ от задней калитки и сарайчика в дальнем конце сада, где хранились нужные инструменты, и в том числе газонокосилка.

Вот уже много лет Макс стойко отказывался купить электрическую газонокосилку. Дело было не в скупости — Марше, напротив, был широкой натурой даже в те времена, когда у него было совсем мало денег и он кое-как пробавлялся журналистскими заработками. Дело было в том, что ему просто больше нравился запах бензина и громкое тарахтение мотора. Они напоминали ему детские годы в деревне под Монпелье, где его отец каждую субботу с шумом и треском, сопровождая свои действия громкими ругательствами, самолично запускал мотор газонокосилки, яростно дергая за шнур стартера, после чего ровное тарахтение мотора возвещало о

наступлении выходных.

Вот вам и пример бесполезности ностальгии, в некоторых случаях она даже, напротив, могла повлечь за собой опасность для жизни! Лежа на паркете, Макс орал, стараясь перекрыть сумасшедшую трескотню, которая ритмическими волнами то удалялась, то приближалась, а в вечернем воздухе повеяло запахом свежескошенной травы.

И вдруг все смолкло.

— Помогите! Помогите! — крикнул Макс еще раз, сколько было сил, в сторону окна в гостиной. — Я тут! В библиотеке!

Он чуть не вывернул шею и увидел, как Себастьяно насторожился и прислушался. Потом нерешительно приблизился и, подойдя к террасе, удивленно посмотрел на столик, на котором стояла не убранная с утра посуда.

— Hola? Señor Marchais? Hola? Hola?

Несколько часов спустя Макс Марше уже лежал на гладком операционном столе ближайшей частной клиники в Марли, провалившись в благостную, недоступную для боли тьму общего наркоза. Не считая легкого сотрясения мозга и большой поверхностной раны на голове, которую ему сразу зашили, у него были ушибы и сложный перелом шейки бедра.

— Вам удивительно повезло, мсье Марше. Могло быть гораздо хуже. Сколько вам лет? Лучше всего сразу сделаем вам новый сустав, — сказал врач в приемном отделении скорой помощи. — А то вам слишком долго придется лежать. А там — бац! — и нате вам воспаление легких. — Он выразительно вытаращил глаза. — Раньше старички с переломом шейки бедра мерли как мухи. Именно от воспаления легких. А теперь это пустяковое дело. Новый сустав и — бац! — вы уже на ногах! Мсье Марше, надо кому-нибудь сообщить, что вы попали в больницу? Человек, который вас сюда доставил, говорит, что вы живете один. У вас есть родственники?

— Моя сестра. Но она живет в Монпелье, — постанывая, выдавил из себя измученный болью Макс. — Неужели мои дела так плохи?

Одна мысль о том, что в больницу явится обиженная на жизнь Тереза с ее мужем-всезнайкой и избалованным до невозможности сыном, заставила Макса побледнеть.

Мсье «Бац», который на самом деле звался профессором Паскалем, улыбнулся:

— Ну что вы, мсье Марше! Не волнуйтесь! Это рутинная операция. Ничего опасного для жизни! Через два-три часа вы будете как новенький, обещаю вам!

Пока Макс не мог похвастаться, что чувствует себя как новенький. Три дня назад ему сделали операцию, но голова еще страшно трещала, да и бедро болело так, что отдавало в колено. Он лежал под капельницей, с иглой, воткнутой в вену на тыльной стороне кисти, и благодаря этим вливаниям ему все-таки понемногу становилось лучше.

Больничный распорядок, правда, не располагал к скорому выздоровлению. Покоя тут было еще меньше, чем дома, когда там орудовала Мари-Элен. Даже ночью каждые два часа открывалась дверь, ему измеряли давление, меняли флакон с раствором, хватали за руку, брали кровь (излюбленная процедура, которая производилась особенно часто), и если после всего этого пациент еще не просыпался окончательно, в лицо ему светили фонариком, чтобы убедиться, что он не умер.

Что ж, Макс Марше был еще жив, но он не мог спать.

В шесть утра в его палату врвался отряд уборщиц. Прелестные женщины с Берега Слоновой Кости за мытьем пола болтали и хохотали, то и дело тыкая шваброй в ножку кровати.

— Ах, простите, пожалуйста! — говорили они и снова принимались болтать и хихикать, перебрасываясь, как ему казалось, звукоподражательными фразами.

Эти чудесные африканки приходили хорошо выспавшимися. «Немудрено им сохранять хорошее настроение», — сердито комментировал про себя Макс, задаваясь в то же время вопросом, когда же и он сподобится такого счастья.

После отряда уборщиц приходила сестра-практикантка Жюли и с улыбкой вносила немудрящий завтрак с таким жидким кофе, какого он нигде и никогда раньше не видывал. Уходя, она всегда показывала рукой на блюдечко с таблетками:

— Не забудьте, мсье Марше!

Затем приходила палатная сестра.

— Как дела, мсье Марше? Как мы сегодня себя чувствуем? Мы хорошо спали?

— Не знаю, как *вы* спали, сестра Ивонна, — ворчал Макс. — А что до меня, то я *вообще* не спал. Да и как можно спать, когда тебе все время мешают.

— Вот и прекрасно! Тогда мы сегодня немножко походим, мсье Марше, и вам сразу будет получше, — заявляла сестра Ивонна с улыбкой во весь рот. — *On y va?*^[42]

Ее бодрое настроение было несокрушимо.

Не слушает она его, что ли? Или глухая? Или здесь работают человекоподобные роботы, которые с виду похожи на женщин, а на самом деле действуют по заложенной в них программе?

Макс подозрительно покосился на коротко стриженную блондинку, которая как раз надевала на его руку манжету, чтобы затем с сумасшедшей энергией накачать ее воздухом. Сощуриив глаза, она пристально уставилась на свой аппарат и стала накачивать воздух снова.

— Что-то давление высоковато, — сказала она. — Ничего, сейчас мы его собьем!

Она кивнула головой и улыбнулась своей решительной улыбкой, глядя на которую Макс ни минуты не сомневался, что никакое давление не посмеет спорить с указаниями сестры Ивонны. «Сейчас мы его собьем!» Несмотря на раздражающее «мы», это все же действовало успокоительно.

Он не поверил своим ушам, когда явившаяся через десять минут женщина-физиотерапевт сказала, что сейчас они «походят».

— Это, наверное, недоразумение, — сказал Макс. — Мне только позавчера сделали операцию.

Он нахмурил лоб так, что между бровей пролегла глубокая вертикальная складка. Ему не раз приходилось слышать, что в больнице могут перепутать пациентов. Учитывая это, надо было еще радоваться, что ему вместо бедренного сустава не поменяли сердечный клапан.

— Нет, мсье Марше, никакой ошибки, все так. — Она бодро посмотрела на него из-под блондинистой челочки а-ля Джин Сиберг^[43] и улыбнулась. — В наши дни пациентов поднимают с кровати сразу после операции. Вам дали полежать подольше, принимая во внимание, что у вас было сотрясение мозга.

Интересно, ему показалось или в ее улыбке мелькнул садистский оттенок?

— Давайте походим, мсье Марше, у нас получится!

Но ходить с ходунками пришлось только ему.

Короче, после трех дней в больнице Макс ни о чем не мечтал так горячо, как о родной кровати и лицах знакомых людей, не принадлежащих к больничному персоналу. При отправке в больницу Себастьяно сообразил захватить с собой плащ своего работодателя, в кармане которого, по счастью, лежал телефон, и в субботу вечером, пользуясь тем, что аккумулятор хотя и был на последнем издыхании, но все-таки еще не совсем разрядился, Макс успел позвонить Розали Лоран, и та обещала к нему приехать.

Слава богу, доктор «Бац» — он же профессор Паскаль — обещал, что к концу недели его отпустят домой, если он будет прилежно упражняться и показатели окажутся в норме.

— Давление у нас все еще высоковато, мсье Марше, — сказал он во время утреннего визита, озабоченно заглянув поверх спущенных на кончик носа очков в историю болезни, а Макс на это ответил:

— Неудивительно, если ночью тебе не дают спать!

Он сам заметил, что на бездумное употребление слова «мы» у него развилась настоящая аллергия, как, впрочем, и на то и дело открываемые двери, на выключатели, которые все время включают и потом забывают выключить, а главное, на это мерзкое, не прекращающееся ни на минуту скрипение резиновых подошв, которые подкрадываются к тебе справа и слева и при каждом шаге присасываются к липучему полу (черт знает, чем они тут моют этот линолеум), как присоски человека-паука, чтобы затем с громким чваканьем от него отлепиться.

Чвак. Чвак. Чвак.

Чвак. Чвак. Чвак.

Сестра-практикантка Жюли деловито сновала туда-сюда по комнате, она только что убрала его обед и спросила, вкусно ли было и «не забыли ли мы принять таблеточки». Затем она чуть приоткрыла окно, задернула занавески, чтобы «мы могли поспать после обеда», и вышла. Дверь тихонько захлопнулась.

Когда усталый Макс опустился на подушку и закрыл глаза, надеясь вздремнуть, ему сквозь мимолетные образы сна послышались в коридоре чьи-то звонкие каблучки, которые, процокав по коридору, остановились за дверью.

— Что ж это вы, дорогой Макс, так всех напугали? Как вы себя чувствуете? Зачем вам вдруг понадобилось лезть на лестницу? И что у вас с головой?

Розали положила на столик букет чайных роз и с озабоченным выражением на лице склонилась над Максом. Ее старый друг выглядел неважно: повязка на голове и темные круги под глазами.

По его морщинистому лицу пробежала радостная улыбка.

— На какой вопрос вы хотите, чтобы я отвечал в первую очередь, мадемуазель Розали? — спросил он. — Я старый человек, столько вопросов сразу, что мне за вами не поспеть. — Он старался говорить весело, но голос был слабый.

— Ах, Макс! — Она пожалала лежавшую на одеяле исхудавшую руку. — Вы и впрямь выглядите ужасно. Вам очень больно?

Он мотнул головой:

— Боль терпимая. Сегодня я уже вставал и сделал несколько шагов под руководством ласковой солдафонки, которая считается медицинской сестрой. Только спать здесь невозможно. То и дело приходит кто-нибудь в белом халате, кому-то все время от меня что-то надо. И все задают одни и те же вопросы. Можно подумать, что они тут друг с другом вообще не общаются.

Он вздохнул, поправил свое одеяло и кивнул ей на стул в углу:

— Подвиньте себе стул, Розали. Я действительно очень рад, что вы пришли. За эти дни я впервые вижу нормального человека.

Розали засмеялась:

— Уж больно вы нетерпеливы, Макс. Прошло всего несколько дней, как вы здесь, а доктора и сестры просто выполняют свою работу.

Она пододвинула к кровати стул и села, скрестив ноги.

— Да, боюсь, я и правда очень нетерпеливый пациент.

Его взгляд следовал за каждым ее движением и остановился на изящных синих босоножках на маленьком каблучке, из которых выглядывали покрытые лаком ногти.

— Хорошенькие туфельки, — произнес он вдруг.

Розали удивленно приподняла брови:

— Благодарю за комплимент! Просто обычные летние босоножки.

— Ах, знаете, побывав на другом берегу реки, начинаешь по-новому

ценить самые обыкновенные вещи, — философски заметил он. — Надеюсь, я скоро выйду из этого заведения.

— Я тоже надеюсь. Вы меня порядком напугали. Все выходные я тщетно пыталась до вас дозвониться, но никак не предполагала, что мы встретимся с вами в больнице.

— Да, я слышал звонки по всем телефонам, а снять трубку был не в состоянии. Такая вот незадача! — посмеялся он. — А по какому делу я вам так срочно понадобился?

Вот черт! Розали прикусила губу. Сейчас самый неподходящий момент снова заводить разговор о книге и расспрашивать его про загадочное посвящение! С этим надо подождать, пока Макс не поправится.

— Ничего особенного! Я просто хотела спросить, не приедете ли вы на той неделе в Париж, чтобы вместе где-нибудь пообедать, — соврала она. — У меня теперь есть помощница, которая три раза в неделю во второй половине дня стоит за меня за прилавком, а Рене на выходных уезжает на курсы переподготовки в Сан-Диего. Вот я и подумала, что мы могли бы куда-нибудь пойти.

По крайней мере, то, что касалось продавщицы, было правдой. Жаль только, что мадам Морель не могла выйти на работу уже сегодня, и пришлось вывесить на двери табличку: «Сегодня закрыто по непредвиденным семейным обстоятельствам».

Розали улыбнулась. Она не была уверена, можно ли, строго говоря, назвать этот случай «семейными обстоятельствами», но воспринимала его именно так. Она смотрела на рослого старика с кустистыми бровями, который сейчас вдруг стал таким беспомощным и дряхлым. Как быстро рассыпается наружное благополучие пожилого человека, как только он оказывается выброшенным из своего обычного окружения и не может за собою следить, подумала она. Она увидела его тонкую ночную рубашку, землисто-серое лицо, увидела, что он небрит и его щеки покрылись седой щетиной, и почувствовала острую жалость. Странно, но к этому старику она испытывала нежность, как к родному дедушке. А в этот момент он и выглядел как дедушка. Розали порадовалась, что он жив, что с ним не случилось самого худшего, и она твердо решила, что не будет сейчас волновать его историей Шермана. Ведь было ясно видно, что сейчас он не в самом хорошем состоянии.

— Ну, боюсь, что из поездки в Париж с походом в ресторан, дорогая мадемуазель Розали, в ближайшее время ничего не получится, как ни заманчиво это звучит, — сказал Макс, словно прочитав ее мысли. — Сами видите, какой я. И если бы не были изобретены эти искусственные суставы,

я бы еще долгие недели провел в постели. — Он показал на одеяло, под которым обрисовывались его ноги. Правая ступня высовывалась наружу.

— Господи! Неужели вы еще и палец сломали? — спросила Розали, указывая на мизинец ноги, который выглядел потемневшим.

— Что? Нет-нет! — Макс пошевелил пальцами на ноге. — У меня несколько повреждений, но мизинец в полном порядке. Он всегда был такой темный — это родимое пятно, — объяснил он и ухмыльнулся. — Темное пятно на моей личности, если хотите.

— Вы действительно полны неожиданностей, Макс, — сказала Розали и откинулась на спинку стула. — А теперь расскажите-ка мне, пожалуйста, как вы очутились на лестнице? Неужели вы лазили за черешней?

— За черешней? — Он удивленно приподнял брови. — Откуда вы это взяли? Нет-нет. Я стоял на библиотечной стремянке и хотел поставить на место книгу... Знаете ли вы Блеза Паскаля, мадемуазель Розали?

Она помотала головой:

— Не знаю, но, похоже, это опасный автор.

Рассказав свою историю, в которой фигурировали мысли знаменитого философа, старая деревянная лестница, садовник-костариканец и газонокосилка с бензиновым двигателем, он вручил Розали ключ от дома в Ле-Везине, попросив ее привезти оттуда кое-что из нужных ему вещей.

— Извините меня, Розали, что я вас нагружаю своими делами, но Мари-Элен, как вы знаете, уехала в деревню. Себастьяно уже сообщил ей о том, что произошло, и, я думаю, она вернется раньше обещанного, хотя бы уже потому, что для нее это новое доказательство ее правоты, однако когда это будет — я не знаю. — Он вздохнул и пожал плечами. — Себастьяно правда спас мне жизнь, за что я ему бесконечно благодарен, но, отправляя меня в больницу, со сборами он справился неважно. Кроме того, он вообще не знает, что где лежит у меня дома. — Макс улыбнулся. — Не хочу показаться неблагодарным. Как-никак он не забыл захватить мой плащ и мобильный телефон, иначе я бы не смог вам позвонить, а все оттого, что мы теперь не записываем номера телефонов в телефонную книжку. Ваш номер у меня, к счастью, был в телефоне. Одним словом, надеюсь, вас не слишком затруднит собрать и привезти мне кое-какие вещи.

Розали энергично помотала головой:

— Нисколечко! Я приехала на машине. Скажите только, что вам нужно и где эти вещи лежат. Тогда я заеду и привезу вам их на обратном пути. Представляю себе, каким скоропалительным был ваш отъезд!

— Да уж, действительно! Кажется, никогда я не отправлялся из дома в

такой спешке. Я не взял с собой даже пижаму и халат. Сами видите, в какой я лежу дурацкой рубашке.

Он скривил смешную гримасу, когда вдруг открылась дверь и в палату, скрипя подошвами, вошла медицинская сестра с короткой стрижкой, в руках у нее был почкообразный тазик.

— Время делать укол, мсье Марше, чтобы не было тромбоза, — протрубила она с порога. — О! Да у нас гости? — Наполняя шприц, она кинула на Розали деловитый взгляд. — Извините, но ей придется на минуточку выйти за дверь. Ваша внучка?

— Нет, моя подружка, — сказал Макс и подмигнул Розали, которая уже встала, чтобы выйти из палаты. — Скажите, сестра Ивонна, не могли бы вы поставить в воду эти цветы?

Сестра Ивонна с оторопелым выражением на лице посмотрела вслед Розали, которая, стараясь не расхохотаться, вышла из комнаты.

Солнце заметно пригревало, когда она подошла к воротам виллы Макса Марше и ступила на посыпанную песком узкую тропинку, которая мимо клумб с гортензиями, лавандой и душистым гелиотропом вела к дому.

Квадратный дом с красной черепичной крышей мирно белел, словно нарисованный детской рукой, и, отпирая дверь, Розали была совершенно не готова к тому, что она там обнаружит.

Входя в чужой дом, всегда испытываешь какое-то странное чувство. Здесь было тихо, как в музее, и босоножки Розали гулко постукивали по паркету, когда она шла по комнатам, осматриваясь в незнакомой обстановке. Хотя она уже несколько раз побывала у Макса в гостях, но по-настоящему видела только библиотеку с большим камином и двумя огромными диванами да вымощенную красноватой круглой плиткой террасу перед ней, которая выходила в сад. Повсюду еще видны были следы скоропалительного отъезда.

В кухне с молочно-белым плиточным полом стоял рядом с белой мойкой поднос с грязной посудой. Вероятно, садовник отнес ее сюда с террасы, прежде чем закрыть и запереть на замок большую стеклянную дверь. Розали нашла моечную машину и быстро загрузила в нее посуду. В библиотеке рядом с большой стремянкой на полу осталась лежать книга, ставшая причиной падения. Розали подобрала ее и положила на прямоугольный журнальный столик, который стоял между двумя диванами.

Сквозь отдернутые занавески ярко светило солнце. На террасе сидела белочка и что-то грызла, но тут она, испугавшись движения за стеклом, стремглав пронеслась по лужайке и быстро взобралась по стволу на дерево. Возле одного из широких светлых диванов, стоявших один против другого со старомодными торшерами на мраморных подставках по бокам, украшенными желтыми абажурами, валялся одинокий мужской шлепаец. Второй, о который Розали чуть не споткнулась, попался ей в прихожей.

Розали прошла вдоль книжных полок и повернула направо, где находилась дверь в кабинет хозяина. У окна, выходящего в сад, стоял письменный стол с темно-зеленым кожаным верхом. Возле настольной лампы Розали увидела фотографию улыбающейся женщины с приветливым взглядом. Вероятно, это была покойная жена Макса Марше. Розали поискала на столе и быстро нашла книжку, которую просил принести Макс. Дени де Ружмон. «Дьявол во плоти». Затем она выдвинула ящик справа и нашла там зарядное устройство для мобильного телефона.

Заглянув в небольшой список, который они составили в больнице, она прочла: «Несессер и лосьон для бритья — наверху в ванной, в правом шкафчике». Задвинув ящик, она направилась к двери. Прежде чем выйти из библиотеки, она еще успела заметить старую пишущую машинку «Ремингтон», стоявшую на низком шкафчике между пятисвечным

серебряным канделябром и круглым серебряным подносом с графином для воды и стеклянными стаканами. Над ними, между двумя старомодными винно-красными торшерами, висела картина, изображавшая южнофранцузский пейзаж в синих и охристых тонах, это была работа в стиле Боннара.

Розали придвинулась поближе, но так и не смогла разобрать подпись художника. Она отступила назад и постояла, разглядывая вид пологого скалистого берега, поросшего кустами, у подножия которого под лучами летнего солнца сверкала морская бухта, природа была написана так, что, казалось, можно слышать стрекотание кузнечиков.

Зазвонил ее мобильный телефон, и Розали вздрогнула, как воровка, застигнутая на месте преступления.

— Oui? Алло? — сказала она в трубку, оторвавшись от картины.

Это был Роберт Шерман. Он звонил из случайного кафе. Пришла рукопись, и он хотел встретиться и показать ее Розали.

— Куда вы подевались, мадемуазель Лоран? Я уже заходил в магазин, но он оказался закрыт. «По непредвиденным семейным обстоятельствам». Что-нибудь случилось? — спросил он встревоженно.

— Можно и так сказать. Я сейчас в доме Макса Марше. С ним произошел несчастный случай.

Она наскоро рассказала Шерману про неудачное падение писателя с библиотечной стремянки и в заключение добавила:

— Вообще-то, я собиралась еще раз расспросить Макса о тигриной истории и насчет этого посвящения, но, боюсь, с этим придется повременить и дожидаться, когда ему станет получше. Я не хочу сейчас приставать к нему с расспросами, а то как бы он не разволновался. Вы же понимаете меня?

— Да... Конечно. — Голос звучал разочарованно.

— Это всего лишь несколько дней, Роберт. Тогда мы будем знать больше. Слушайте, мне тут надо еще собрать кое-какие вещи, так что мне сейчас некогда. Я позвоню вам попозже, когда вернусь в Париж. Там мы увидимся, и вы покажете мне свою рукопись. Договорились?

— Договорились, — согласился он.

Лишь положив телефон в сумочку, Розали сообразила, что впервые назвала Шермана Робертом.

Через полчаса все было готово и все вещи из списка собраны. Несессер, лосьон для бритья «Арамис» (его Розали отыскала в спальне на прикроватном столике), сине-белая пижама в полоску, тонкий темно-синий

домашний халат с мелким узором «турецкий огурец», белье, носки, тапочки, верхняя одежда и книги. Не нашла она еще только темно-зеленую дорожную сумку, которая, по словам Макса, должна лежать где-то в глубине шкафа. Она еще раз залезла в трехстворчатый гардероб полированного темно-коричневого дерева и начала рыться в картонках и мешках с обувью.

Поняв наконец, что это безнадежно, Розали бросила искать и стала оглядываться в комнате. Где еще могла лежать сумка? Она проверила другие отделения гардероба, заглянула под широкую кровать под стеганым покрывалом с розами, заглянула в чуланчик рядом с ванной комнатой, где стояли принадлежности для уборки дома. Неужели придется еще перерыть весь подвал?

Кинув взгляд на часы, она попыталась созвониться с Максом, но его мобильник был выключен. Очевидно, он пытался отоспаться за прерванный послеобеденный отдых. Со вздохом Розали вернулась в спальню и стала думать, куда бы она сама спрятала сумку, и тут, остановившись перед платяным шкафом, невольно посмотрела наверх.

Так и есть! Из-за коробок с обувью торчали две коричневые кожаные ручки, которые, несомненно, принадлежали дорожной сумке.

Она взяла стул, стоявший у комода, над которым висело большое зеркало, и поднесла его к платяному шкафу. Привстав на цыпочки, она дотянулась до кожаных ручек, но при попытке стащить со шкафа сумку задела большую коробку, коробка качнулась и упала на пол. Содержимое вывалилось на паркет.

— Zut alors!^[44] Тьфу ты! — воскликнула Розали, слезая со стула и принимаясь собирать рассыпавшиеся по полу бумаги, письма и открытки.

Кинув случайный взгляд на старую черно-белую фотографию молодого Макса Марше, она невольно улыбнулась. Сидевший за уличным столиком парижского кафе молодой человек с сигаретой в руке, в белой рубашке и слаксах, был весьма недурен собой. Небрежно откинувшись на спинку плетеного кресла, он улыбался прямо в объектив.

Что-то на фотографии привлекло ее внимание. Она вгляделась в нее попристальнее. Что ее так удивило — то, что у него нет бородки, или то, что она никогда раньше не видела Макса с сигаретой? Розали и не знала, что пожилой писатель когда-то курил.

Она бережно положила фотокарточку в коробку и стала складывать по порядку письма. Большей частью это были письма его жены Маргариты, на одном конверте она обнаружила фамилию его сестры Терезы. Макс только однажды мельком упомянул при ней, что у него в Монпелье есть сестра, и

по его тону Розали поняла, что между ними не слишком теплые отношения.

Детские фотографии Макса в коротких штанишках, несколько пожелтевших фотографий его родителей, Макс, еще молодой журналист, за пишущей машинкой в редакции газеты. Торопливо убирая эти снимки, запечатлевшие фрагменты прожитой жизни, Розали неожиданно задержала взгляд на блеклой фотографии какой-то молодой женщины. На ней было красное платье в белую крапинку, и стояла она под деревом в каком-то большом парке. Очевидно, она только что побывала под дождем, так как ее светлые волосы до плеч, стянутые на голове ободком, были мокрыми, и она стояла, обхватив себя руками, как будто продрогла. Подавшись вперед, навстречу камере, она улыбалась. У нее были крупный рот и алые губы, в первый момент Розали чуть было не приняла изображение этой смеющейся женщины в платье с круглым вырезом за себя саму. Снимок излучал заразительную жизнерадостность. Неужели это Тереза? Она очень даже хорошенькая. Розали перевернула карточку и увидела дату, написанную кем-то на обороте карандашом:

Булонский лес, 22 июля 1974.

Отправляя снимок хорошенькой девушки в коробку, Розали задумчиво улыбнулась. Подруга юности Макса Марше? «Не всегда же я был стариком», — сказал как-то Макс.

Людам действительно свойственно забывать, что и старики когда-то были молодыми. Это так же трудно осознать, как и неизбежность собственной старости, которая скоро — во всяком случае скорее, чем нам кажется, — наступит. Только про давно знакомых нам людей мы, сквозь отпечаток, который годы наложили на душу и тело, притушив светившийся в глазах былой блеск, способны представить себе, какими они были прежде, или вдруг невзначай вспомнить вот такую чудесную мимолетную улыбку.

Розали внимательно осмотрелась вокруг, не осталось ли чего-нибудь еще на полу. Затем на всякий случай заглянула под кровать и обнаружила там связку листков, вот-вот готовых вывалиться из резинки, которая их держала. Она встала на четвереньки и вытащила их из-под кровати.

Оказалось, это старая рукопись, вернее, второй или третий экземпляр машинописного текста, на котором отпечатались синие буквы.

Розали поднялась с коленей, держа в руках пачку пожелтевших от времени листков. Она осторожно разгладила страницы, а затем бережно, стараясь не разорвать, сняла красную резинку.

Взглянув на титульный лист, она почувствовала, как у нее быстрее забилось сердце. В голове началась такая путаница, что она не знала, что и думать.

Некоторое время она просто сидела на деревянном полу спальни, озаренной солнечным светом, неподвижно глядя на бледно-голубые буквы на пожелтевшем листке бумаги.

На тонком листке стояло заглавие: «Синий тигр». А под заглавием — «Посвящается Р.».

Париж начинал ему нравиться. Гуляя по этим улочкам Сен-Жермена, которые, не в пример манхэттенским, вились, неожиданно сворачивая то влево, то вправо, проходя мимо бесчисленных магазинов и лавочек, кафе и бистро, чувствуешь, как в тебя вливается живительная сила. Все поражало пестротой и разнообразием, если не сказать — радостной возбужденностью, но главное — все это дышало жизнью. Да, в этот солнечный вторник Роберт Шерман, как никогда, чувствовал радость жизни.

Возможно, дело тут было в воодушевляющем разговоре, который произошел у него накануне с деканом английского факультета. Этот изящный господин небольшого роста, руки которого, казалось, были в непрерывном движении, дал ему понять, что он просто счастлив оттого, что Шерман прочитает у него курс лекций о Шекспире в качестве приглашенного профессора.

— После вашей публикации о «Сне в летнюю ночь» я вами просто ошарован, мистер Шерман, — сказал ему профессор Лепаж на своем забавном английском. — Non, non, не надо так скромно отмахиваться от этих слов, мсье. Мы все стораем от нетерпения поскорее вас послушать. Я надеюсь, вы согласитесь? — А заметив нерешительное выражение на его лице, добавил: — Не беспокойтесь, с жильем мы вам поможем.

Возможно, причина внезапного прилива энергии, который, как порыв свежего ветра, подхватил и понес Роберта, заключалась всего лишь в том, что он впервые после приезда в Париж как следует выспался. А возможно, он просто был покорен очарованием этого города, съездить в который, как говорила его мама, — всегда хорошая идея. Да, он был «ошарован» Парижем.

Довольно улыбаясь, Роберт спокойно и без спешки завтракал в уютном дворике отеля, устроившись с газетой в тенистом месте.

Кофе со сливками он выпил как живительный напиток. Багет с хрустящей корочкой, который он намазал толстым слоем клубничного джема, имел живительный вкус. Живителен был и нежный аромат роз, которым веяло во дворике «Каштановой гостиницы». И живительна была очаровательная улыбка дежурной за стойкой регистрации.

Отправляясь со своей рукописью, которая прибыла этим утром в отель, в писчебумажный магазин «Луна-Луна», Роберт неожиданно признался

себе, что мысль о предстоящем свидании с немного задиристой владелицей лавочки тоже действовала на него живительно.

Неожиданно оказалось, что лавка закрыта — «по непредвиденным семейным обстоятельствам», — а позвонив мадемуазель Лоран на мобильный телефон, он услышал, что писатель, эта подозрительная личность, в придачу ко всему остальному еще и сверзился с библиотечной стремянки и угодил в больницу. Мадемуазель Лоран говорила из его дома, куда она пришла за кое-какими вещами, и, судя по голосу, была очень встревожена.

Перелом шейки бедра не бог весть какая страшная травма. И что она только нашла в этом старике, который ей даже не родственник и притом, похоже, лжец и обманщик? Роберт почувствовал прилив ревности. Ему было досадно, что расследование — неужели он так и подумал: расследование? — теперь застопорилось. Было бы проще простого ткнуть этого Марше мордой в мамину рукопись, а там будет видно.

Роберт побрел дальше, куда глаза глядят, завернул на кишевшую народом улицу де-Бюси, где чуть ли не вплотную друг к другу располагались бистро, перед которыми стояли столики с болтающими и закусывающими на солнышке людьми. На его пути попадались булочные, зеленные лавки, ларьки с устрицами и жареными цыплятами, и он понял, что снова проголодался. В конце концов он купил в кулинарии багет с тунцом, листиками салата и кружочками вареной картошки. Странное сочетание, но оказалось необыкновенно вкусно.

Затем он бросил взгляд на часы. Мадемуазель Лоран обещала позвонить, когда вернется из Ле-Везине, но это, по-видимому, будет еще не так скоро.

Он вынул карту города и решил прогуляться в легендарный американский книжный магазин «Шекспир и компания» на левом берегу Сены, в котором Сильвия Бич давала пристанище писателям «потерянного поколения». С тех пор, правда, сменился владелец магазина (новый тоже был американцем!), и магазин переехал с улицы Одеон на улицу де-Бюшери. Даже в наши дни, как читал Роберт, молодые литераторы и начинающие писатели могли получить здесь приют, если в оплату соглашались отработать в магазине несколько часов.

Удивительным образом анахронический дух «Шекспира и компании» сохранялся все эти годы, хотя уже не приходилось рассчитывать на такое же массовое скопление великих писателей, как в то золотое время, когда там постоянно можно было застать Элиота, Эзри Паунда и Эрнеста Хемингуэя. Есть вещи, которые больше не повторяются, но хорошо, что это

было.

Проходя по улице Сен-Андре-дез-Ар, Роберт невольно вспомнил слова Хемингуэя: «Если тебе повезло и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни был, он до конца останется с тобой». Роберт хоть никогда и не жил в Париже — а уж если начистоту, то что такое Париж по сравнению с Нью-Йорком, — но все-таки в детстве в нем побывал, чего не скажешь о каждом американце. И возможно, он тоже носил в кармане частицу Парижа.

Окрыленный этой мыслью, Роберт, пройдя немного по бульвару Сен-Мишель, свернул направо на улицу де-Бюшери. Еще несколько шагов, и он уже очутился возле маленького книжного магазинчика, перед которым под сенью старого дерева стояли деревянная скамейка, несколько столиков и железных стульев. Он заглянул в окно с зеленой рамой.

Огромное книжное богатство, представившееся его взору, было впечатляющим и вызвало у него знакомое теплое чувство. Он вошел в раскрытую дверь, заранее радуясь тому, как будет рыться в книгах.

Это было легче сказать, чем сделать.

Маленький магазин, с узкими проходами между расположенными вдоль и поперек стеллажами до потолка и высокими книжными шкафами вдоль стен, был полон посетителей, как будто тут давали что-то бесплатно. Впрочем, в каком-то смысле так оно и было.

Здесь все еще сохранилась магия совершенно особого магазина, который посвятил себя служению старой и новой книге, поддерживал великих писателей и давал им пристанище, эту магию можно было почувствовать, имея хоть немного фантазии. Вряд ли это удавалось всем людям, которые тут находились, однако все, казалось, старались унести с собой впечатление от былых блистательных времен — хотя бы фирменную сумку магазина «Шекспир и компания» или записную книжку с соответствующим логотипом.

Роберт протиснулся мимо хихикающих молодых японок. Они держали в руках английские книжки и делали вид, что читают, в то время как пожилой японец в толстых роговых очках их фотографировал, невзирая на табличку, что фотографировать запрещается. Однако никто не отслеживал нарушителей, и даже веселый, немного заспанный студент за кассой, разговаривавший с характерным английским акцентом (очевидно, один из добровольных помощников, который получал здесь ночлег), оставлял без внимания такое неправильное поведение.

Роберт пробрался в дальний конец лавки и обнаружил там ведущую на верхний этаж деревянную лестницу. Сверху доносились звуки музыки, в одной из комнат наверху кто-то играл на рояле, Роберт узнал Дебюсси —

«Послеполуденный отдых фавна». Роберт пропустил спускавшихся людей. Затем из любопытства сам поднялся наверх и повернул направо, откуда звучал немного расстроенный рояль. Пожилая субтильная женщина с белокурыми волосами до плеч сидела спиной к двери за старым фортепиано и играла, не обращая внимания на оглядывающихся в комнате людей, которые, походив туда-сюда, снова удалялись. Вызывающим безразличием ко всему, что ее окружало, она напоминала Джуну Барнс, подумал Роберт, покидая комнату, где играла пианистка.

Напротив лестницы находились еще две комнаты, где были выставлены антикварные книги. Там стояли старые столы со старинными пишущими машинками, рядом потертые диваны. На стенах висели выцветшие фотографии бывшего владельца с его дочкой, белокурой девочкой. В нишах лежали матрасы с накинутыми на них выцветшими покрывалами, когда-то, по-видимому, красными.

Здесь никто не выказывал честолобивого желания идти в ногу со временем. Приятная безмятежность, царившая в помещениях магазина, казалось, передавалась и людям, которые, протискиваясь в тесноте, вели себя несколько вежливее, чем это обычно бывает, и были осторожней в движениях.

Лишь вернувшись к лестнице и оглядевшись повнимательнее, Роберт заметил плакат с черной надписью по-английски:

«BE NOT INHOSPITABLE TO STRANGERS LEST
THEY BE ANGELS IN DISGUISE». — «Будь
гостеприимным хозяином, под видом странников могут
скрываться ангелы».

И Роберт вдруг ощутил, что он здесь желанный гость. В книжном магазине. И в Париже.

Задумавшись, он спустился по лестнице и подошел к полке в дальнем конце магазина, где стояли драматические произведения. И вот, когда он занялся поисками «Укрощения строптивой», зазвонил его мобильный телефон.

Это была Розали Лоран. Голос у нее был очень взволнованный. У нее появились потрясающие новости.

За окном проносился Париж. После бесконечного темного тоннеля в Нантере открылся вид на уродливые высоты, между ними тянулись серые бетонные заборы, разрисованные граффити в трогательной попытке противопоставить что-то унылости парижских предместий. Только на последнем отрезке пути стали появляться островки зелени, пошли зачарованные садики со старыми домами, лепившиеся к железнодорожной линии, ведущей в Сен-Жермен-ан-Ле.

Роберт Шерман, глядя в окно, ехал в вагоне скоростного поезда местного сообщения, направляясь в Ле-Везине. На коленях он держал кожаную сумку с рукописью и под влиянием неудержимого импульса то и дело проверял, на месте ли большой конверт, в котором она лежит. Не приведи бог, если она сейчас потеряется — теперь, когда Розали нашла копию! Вернее говоря, второй экземпляр той же закладки.

— Ничего не понимаю! — повторяла она без конца, взволнованно и бессвязно рассказывая ему о своей находке. — Но оказывается, Макс мне действительно врал. Однако, прежде чем говорить с ним об этом, я хочу, чтобы сначала мы вместе сравнили оба экземпляра. На случай, если тут все-таки есть какая-то другая подоплека.

Было просто трогательно, как она все еще защищает этого старого мошенника. Подумав, они решили, что самое лучшее будет, если Роберт приедет на поезде в Ле-Везине — ехать было всего тридцать минут, — а Розали в это время съездит в больницу, отвезет Максу Марше его вещи, затем снова вернется в Ле-Везине. А привлечь старика к ответу прямо сейчас она отказывалась наотрез.

Возникла проблема с ключом от дома. Она же не могла взять его себе просто так, без всякой причины!

— А знаете что? Я просто оставляю дверь на террасу приоткрытой, — решила она наконец. — Можно чуть-чуть отодвинуть створку, и тогда мы незаметно войдем в дом из сада.

Хотя Роберт совершенно не сомневался в своей правоте, но, выйдя в Ле-Везине и увидев на перроне Розали Лоран в светлом платье, он почувствовал, как из темных глубин в нем поднимается волнение, комом вставая в горле.

Розали была бледнее обычного, и в ее иссиня-черных глазах он увидел какое-то непривычное выражение. Она нерешительно протянула ему руку.

— Моя машина стоит на той стороне, — сказала она.

Они молча ехали по тихим улицам городка. После взволнованного телефонного разговора сейчас их охватило какое-то странное смущение. Розали упорно смотрела только на дорогу впереди и кусала губы.

В тесной машине долговязому мужчине с длинными ногами нелегко было поместиться, и нервное настроение молчаливой водительницы отзывалось в Роберте немым укором. Переключая скорости, Розали нечаянно коснулась рукой его колена и торопливо стала извиняться. Он помотал головой.

— Ничего, не имеет значения, — сказал он и улыбнулся, чтобы разрядить обстановку.

Солнце уже низко опустилось на небосклоне, когда они мимо разросшихся кустов крадучись пробирались по дорожкам сада, обходя старый дом под красной черепицей, чтобы выйти сзади на террасу. Розали оглянулась, проверяя, не видел ли их какой-нибудь непрошенный наблюдатель, затем изо всех сил уперлась в раму выдвигной двери, и стеклянная дверь бесшумно скользнула вбок.

— Надо не поднимать шума, — напомнила она, хотя в этом и не было нужды.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь устраивать соло на трубе, — приглушенным голосом ответил Роберт.

Оба вздрогнули, когда вечернюю тишину вдруг прорезала мелодия «Fly Me to the Moon»^[45].

Розали резко обернулась.

— Это еще что? — произнесла она громким шепотом.

— «Fly Me to the Moon», — автоматически ответил Роберт.

— Comment?^[46] — Она посмотрела на него как на дурачка, у которого не все дома, мелодия тем временем продолжала звучать. — Да выключите же вы наконец свой мобильник! Вы же всех соседей всполошите.

— Да, конечно. Сейчас.

Он полез в карман и впопыхах нажал на кнопку «ответить».

— Роберт! — Из трубки, застывшей на уровне брючного кармана, звонко вырвался высокий голос Рейчел. — Алло, Роберт! Ты меня слышишь?

Он поднял руку и поднес трубку к губам.

— Я сейчас не могу говорить, сейчас неудачный момент, — ответил он приглушенно. — Попозже я перезвоню.

— Что с тобой, Роберт! Ты бормочешь, как на исповеди у священника.

Почему ты шепчешь?

Чувствуя на себе сердитый взгляд Розали, он помахал рукой.

— Мы тут как раз собираемся залезть в дом, как воры, — сообщил он в трубку громким шепотом. — Это касается рукописи. Извини, Рейчел, я должен закончить.

— Что?! — Рейчел начала выходить из себя. — Вы лезете в чужой дом, как воры? Ты что же, совсем там рехнулся? И кто это «мы»? Роберт? Роберт?!

Несмотря на громкий протест с другой стороны Атлантического океана, Роберт нажал на «отбой». Розали уже вошла в библиотеку и тянула его за собой.

— Готово! — сказала она с облегчением и быстро задвинула дверь. — Бог мой! Кто была эта истеричная особа?

— Да ну! Это так... Просто одна знакомая. Рейчел, — ответил он торопливо и тут же виновато подумал, отчего это он вдруг не признался, что это была его девушка.

С другой стороны, разве Рейчел не грозила сама, что бросит его, если он примет приглашение поработать в Париже? Таким образом, их отношения оказались, если угодно, под вопросом, а невесту, которая скоро может стать бывшей невестой, можно с таким же успехом назвать просто знакомой, успокоил он себя довольно-таки лукавым доводом.

— Роберт?

Кажется, Розали о чем-то его спросила.

— Простите! Что?

— Рукопись.

Он торопливо расстегнул сумку и вытащил из нее коричневый конверт.

— Вот. — Он протянул ей листы. — Рейчел... Та женщина, которая только что звонила, прислала мне ее.

Розали взглянула, полистала страницы и покачала головой:

— Просто невероятно! Подождите меня тут внизу, я сейчас же вернусь.

Роберт опустил на один из диванов и услышал, как Розали взбежала по лестнице.

Скоро она вернулась запыхавшаяся, тоже с пачкой листов, и села к нему на диван.

— Вот, пожалуйста, — сказала она, кладя свою рукопись рядом с первой. — Похоже, что оба экземпляра полностью совпадают.

Роберт наклонился над столом и принялся внимательно изучать отдельные страницы.

— Вне всяких сомнений, — сказал он затем, взяв для сравнения два листа.

— Одинаковые строчки, даже шрифт тот же самый. И посмотрите вот здесь, — он указал несколько мест в тексте, — у маленького «о» всюду одно и то же пятнышко в правом углу буквы сверху. — Он взглянул на Розали. — И где же, вы говорите, вам попала эта рукопись?

— Наверху в спальне, — объяснила раздумавшаяся Розали. — У меня там свалилась со шкафа коробка со старыми фотографиями и письмами, и среди прочего в ней была эта рукопись. — Она сложила ладони и прижала их к губам.

— Я все еще не поняла, что это значит, — сказала она. — Как к вашей матери попала рукопись Макса Марше?

Роберт пожал плечами и наставительно произнес:

— Вопрос, по-моему, надо ставить иначе: как к Марше попала рукопись моей матери? — Он заметил, что Розали смущенно теревит свою косу. — Не хочу вас обижать, мадемуазель Лоран, но, мне кажется, совершенно очевидно, где тут оригинал, а где копия.

Она кивнула и откашлялась.

— Боюсь, что вы правы, — сказала Розали и покосилась в его сторону, воинственно сверкнув глазами. — И вы, по-моему, очень этим довольны?

Он широко ухмыльнулся:

— Разумеется, доволен. Я же сын знаменитого адвоката — вы не забыли?

Он увидел, что она пытается скрыть улыбку, и обрадовался, что смог ее рассмешить. Затем на его лице снова появилось задумчивое выражение.

— Нет, если серьезно, то дело для меня тут не в том, чтобы доказать свою правоту. Точнее, не только в том. Конечно, в любом случае заслуживает осуждения то, что старик Марше решил выдать сказку моей матери за свою. Нравится вам это или не нравится, — упрямо повторил он, когда Розали замотала головой. — Но я, конечно, начинаю задаваться вопросом, какая история стоит за этой историей? Как у Марше оказался другой экземпляр? Или он был знаком с моей матерью? До Нью-Йорка ведь отсюда не близко.

— Вы же, кажется, рассказывали мне, что у вашей матери были французские родственники? И что она и раньше бывала в Париже?

— Может быть, но это было задолго до моего рождения. И сказки про синего тигра тогда еще не было. Ведь мама придумала ее для меня.

Оба немного помолчали, углубившись каждый в свои мысли и не замечая, как небо за широким окном гостиной постепенно бледнеет,

окрашиваясь в разные оттенки лавандовой синевы.

И вдруг среди воцарившегося молчания Розали сказала:

— А вам не кажется странным, что ваша мама всю эту историю написала по-французски?

Он удивился:

— Нет, нисколько. Она же прекрасно говорила по-французски. Найдя эту рукопись среди оставленных ею бумаг, я даже, напротив, подумал, что она хотела напомнить мне о Париже. Недаром же позаботилась о том, чтобы я мог прочитать эту историю по-французски, правда?

Он улыбнулся немного печально и затем порывистым движением провел рукой по голове, взъерошив волосы.

Розали встала с дивана и подошла к низкому шкафчику у дверей, на котором стояли две лампы с темно-красными абажурами. Она зажгла свет.

— А что, если оставить это как есть и не ворошить прошлое? — спросила она, задумчиво проводя рукой по клавиатуре черной пишущей машинки, которая тоже стояла на шкафчике. — Честно говоря, Роберт, у меня какое-то странное чувство. Может быть, лучше не будить спящих собак... Зачем вызывать привидений...

— Какая чепуха! — Он даже подскочил на диване. — Вы не можете всерьез требовать этого от меня! Нет, я должен установить истину. Я обязан это сделать ради памяти моей матери. Очень сочувствую вам, Розали, но если вы не поговорите с Марше, то я сделаю это сам.

Она поникла и ссутулилась.

— Ну почему он ни разу не упомянул, что это старая история? — горестно воскликнула она. — Как послушать его, всегда можно было подумать, что это совершенно новый замысел.

Оттолкнувшись обеими руками от мягкого сиденья, Роберт встал и подошел к ней:

— Вы же не виноваты, Розали. Но при всей симпатии к вашему старому другу и писателю, вы должны понять и меня.

Уйдя в свои мысли, она едва заметно кивнула, между тем как ее пальцы продолжали поглаживать старый «ремингтон», словно это волшебная лампа Аладдина, способная вызвать джинна, который исполняет все желания. Затем она обернулась и решительным шагом направилась к письменному столу, который стоял у окна в соседней с библиотекой комнате. Взяв из стопки бумаг один лист, она вернулась в библиотеку.

— Погодите-ка, — сказала она и заправила лист в старую машинку.

Роберт с удивлением следил за тем, как она двумя пальцами принялась печатать небольшой текст. Внимательно изучив напечатанные строчки, она

с торжествующим возгласом выдернула лист из машинки.

— Так я и знала, — произнесла она с облегчением, покачала головой и затем показала ему листок, на котором были напечатаны первые строчки сказки про синего тигра.

— Ну и зачем это? — спросил он, ничего не понимая. — Вы хотите напечатать еще один экземпляр «Синего тигра»?

— А вы посмотрите внимательно, — начала она взволнованно объяснять. — Что вы тут видите?

Ее глаза блестели.

«Вот уж безудержная фантазия! Но ведь от доброго сердца», — подумал он. Роберт покорно вздохнул, взял листок и посмотрел еще раз. Поиграть в загадки — отчего же нет! «Итак, Роберт, — спросил он себя, — что ты тут видишь? Сосредоточься!» Его разбирал смех.

Но в следующую секунду он нахмурился. Его взгляд снова и снова пробегал по бледно-голубым строчкам, напечатанным на белой бумаге.

— Ну как? Теперь и вы видите? — услышал он голос приблизившейся к нему Розали.

Роберт кивнул.

— Да, теперь я вижу, — произнес он изумленно.

Он увидел все: старый шрифт, голубой цвет печати, смазанную букву «о» с пятнышком в правом верхнем углу.

Рукопись, напечатанная на «ремингтоне», в точности повторяла ту, что ему досталась от матери. А иначе говоря, история про синего тигра была написана на том самом «ремингтоне», который он сейчас видел перед собой. Он медленно покачал головой, поняв, что это значит.

Розали, вздернув брови, посмотрела на него выжидательно.

— Но ведь это очень сильно подрывает вашу теорию, не так ли, Роберт? — спросила она наконец.

— Но ведь... ведь оригинал находился в Маунт-Киско, — попробовал он возразить.

— О чем вы! — Розали возмущенно сверкнула глазами. — Не будете же вы утверждать, что Макс Марше украл у вашей матери не только сказку, но и пишущую машинку в придачу? *C'est ridicule!*^[47]

Роберт промолчал. Он был совершенно растерян.

— Это старый «ремингтон» Макса Марше. Так что с этим все ясно. Я даже видела эту машинку на одной из старых фотографий. Кто бы ни написал эту историю, одно несомненно — она была напечатана на *этой* пишущей машинке. А это может означать только одно...

Она беспомощно замолчала.

Роберт попытался закончить за нее недосказанную фразу. И что же это должно было значить? Его мать написала для него эту историю, когда он был еще маленьким, — написала на пишущей машинке, которая в это время стояла в Париже и принадлежала французу? Ерунда! Он напряг мысли. А что, если эту историю все-таки написала не его мать, а Марше, который как-никак был автором множества детских книг? И однако же... ведь эта история казалась написанной специально для него, Роберта! А мама всегда говорила, что эта сказка — их общая, и больше ничья! Она не меньше его любила сказку про синего тигра. Так зачем же ей было его обманывать?

Хотя, с другой стороны, разве мама когда-нибудь так прямо говорила, что эту сказку написала она? Что она ее *сочинила*? Подумав, он понял, что такого не помнит, зато он помнил ее слова, что она дарит ему эту сказку. К тому же, если отвлечься от вопроса об авторстве, который вдруг как-то отошел на задний план, самым главным и самым интересным оставался другой вопрос: как могло случиться, что у его матери и этого Марше находилась одна и та же рукопись, если они никогда не встречались.

Почувствовав на себе взгляд Розали, он поднял глаза.

— А я все думаю о том, что значит эта «Р», — задумчиво произнесла она.

Он не сразу понял:

— Что?

— Я о посвящении. Я думала, что «Р» значит «Розали». Вы думали, что оно значит «Роберт». Судя по тому, что мы знаем сейчас, невозможно ни то ни другое, верно?

Он стиснул губы и кивнул. Она права, совершенно права. Сказка посвящена не ему, хотя его сердце заныло от этой мысли.

И тут он почувствовал легкое прикосновение. Розали дотронулась до его локтя и смотрела на него такими глазами, что они показались ему небывало огромными.

— Роберт, — вымолвила она. — А как звали вашу матушку?

Он не сразу понял смысл ее вопроса. Затем хлопнул себя по лбу.

— Руфь, — сказал он. — Мою мать звали Руфь.

Это же просто удивительно, как люди в безмятежной слепоте не замечают того, что находится у них перед глазами, подумала Розали, увидев, как побледнел Роберт. Сколько раз они с ним говорили о посвящении, гадая, к кому относится загадочная «Р», но ему, видимо, ни разу не пришло на ум, что первая буква имени его матери тоже «Р»!

Роберт был так поражен, что не сразу смог заговорить. А когда наконец открыл рот, они услышали какой-то шум.

Судя по звуку, это был скрип поворачивающегося в замке ключа. Через секунду-другую отворилась, а затем громко захлопнулась входная дверь.

Тяжелые шаги раздались в прихожей. Послышалось шуршание. Кто-то раскрыл дверцу гардероба, застучали одна о другую вешалки.

Роберт и Розали, замершие у низкого шкафчика, точно оцепенели. Шаги приближались к библиотеке, и Розали почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Кто там вошел в прихожую? На какой-то безумный миг она даже вообразила, что это вернулся Макс и сейчас застигнет их на месте преступления. Затем они услышали сопение и чье-то бормотание. Голос был низкий, но, несомненно, женский.

Тут она схватила Роберта за руку.

— Скорей! — выдохнула она. — Наверх!

Слышно было, как в кухне кто-то чем-то гремит. Они быстро схватили обе рукописи и крадучись вышли из библиотеки на лестницу.

— Сюда!

Она потащила Роберта в спальню, где все еще валялась на полу коробка с письмами и фотографиями. Не говоря ни слова, они только прислушивались к доносившимся снизу шумам.

«Кто мог явиться вечером в дом Макса Марше? — соображала Розали. — Соседка? Садовник?» Насколько ей было известно, ключ был только у экономки, а та была сейчас далеко, гостила в Провансе у дочери.

— Переждем немножко, кто бы это ни был, он все равно скоро уйдет, — шепнула она Роберту.

Он кивнул, продолжая прижимать к груди обе рукописи.

— Сам не понимаю, как мне это раньше не пришло в голову, — сказал он тихонько. — «Р» означает Руфь. Руфь Шерман. Какой же я болван!

— Вы просто за деревьями не видели леса, — шепотом отозвалась она. — С кем не случается! Притом вы же не называли свою маму Руфь.

Он кивнул и приложил палец к губам:

— Вот черт! Она поднимается по лестнице!

Они настороженно прислушались к скрипу ступенек, стонавших под тяжестью увесистой особы. Розали обвела взглядом комнату. В просторной спальне не видно было ни одного укромного местечка, где можно спрятаться, а до чулана возле ванной они уже не успели бы добежать незамеченными.

— Под кровать! — шепотом приказала она, увлекая на пол оторопелого Шермана.

Когда отворилась дверь и в нее пыхтя вошла мадам Бонье — Розали сразу узнала экономку, — она уже никого не застала в спальне, оба скрылись в пыльном мраке спасительного убежища под старинной деревянной кроватью.

Стараясь не дышать, они затаились там, лежа лицом к лицу, как два заговорщика, прижавшись друг к другу так тесно, что между ними едва прошел бы один листок рукописи, и слушая, как бьется сердце в груди соседа. Сблизивший их в неподвижном ожидании момент опасности, казалось, будет длиться вечно. Они прислушивались к шагам экономки и видели, как маячат ее плоские сандалии и толстые икры перед кроватью, пока Мари-Элен с недовольной воркотней поправляла одеяла и простыни, взбивала подушки и укладывала их, как полагается, в изголовье кровати.

Взгляд Розали был устремлен прямо в глаза Роберту Шерману, которые находились перед ней волнующе близко, как, впрочем, и его губы, и мысленно не в первый раз уже (несмотря на неуместность подобных мыслей в сложившихся обстоятельствах) она подивилась необычному цвету его глаз, на который обратила внимание еще при первом появлении Роберта Шермана в своей лавке. Она проглотила комок в горле с таким ощущением мурашек по телу, как будто на нее напал целый муравейник.

Она бы, наверное, очень удивилась, если бы знала, что у приезжего из Нью-Йорка, который безмолвно лежал рядом с ней в темном углу под кроватью, сейчас в голове почти те же мысли, что и у нее: он подумал, что ни у кого не встречал таких глаз, как у Розали Лоран, — глаз цвета полумночной синевы.

Поэтому не было ничего удивительного, что ни один из них не сумел правильно определить, какого рода вибрации вдруг зазвучали между ними.

Заметила их и прислушалась даже мадам Бонье, ее сандалии, повернувшие было прочь от кровати, вдруг остановились, и перед взором Розали предстали подколенные ямки их обладательницы. В комнате отчетливо слышалось равномерно повторяющееся басистое жужжание,

похожее на гудение большой жирной мухи.

Розали бесшумно набрала в грудь воздуха и устремила на Роберта укоризненный взгляд. Ее губы беззвучно произнесли слово «идиот», и он изобразил на лице виноватое выражение, как бы прося прощения за то, что переключил телефон на беззвучные звонки, вместо того чтобы вообще его выключить. Она поняла, что он не может достать телефон из кармана, не подняв при этом шума.

По счастью, мысль о том, что какие-то люди могли додуматься до того, чтобы спрятаться под чудесной кроватью Макса Марше работы мастера Гранжа, была для Элен-Мари Бонье настолько невообразима, что не пришла ей в голову.

Она протопала в сторону столика, на котором стояла ночная лампа, поворочала ее и несколько раз щелкнула выключателем.

— Чертова электрика! Хорошо, что я с вечера зашла присмотреть за порядком, — буркнула она, когда жужжание наконец стихло. — По всему дому горит свет, на полу валяются коробки, кругом полный хаос! — Неодобрительно покачав головой, она выключила лампу. — Ну и голова у этого садовника! Даже свет не догадался выключить.

Она нагнулась за коробкой со снимками и письмами, и на какой-то ужасный миг Розали показалось, что вот сейчас экономка обнаружит, где они прячутся.

Она затаила дыхание.

Но у мадам Бонье нашлись дела поважнее. Надо было наводить порядок. Экономка сходила в чулан за стремянкой, взяла с пола коробку и кряхтя поставила на место. На платяной шкаф.

Когда она скрылась в ванной и принялась посыпать раковину чистящим порошком, Розали и Роберт оба, как по команде, выскочили из-под кровати и, сняв обувь, бесшумно сбежали по лестнице вниз.

— Одну секунду! Моя сумка осталась в библиотеке, — шепотом сказал Роберт, когда Розали хотела направиться к выходу.

— Вон, уходим через сад.

Воровато ступая, они вошли в библиотеку и, прокравшись мимо книжных шкафов и диванов, отодвинули стеклянную дверь, а затем снова задвинули ее снаружи.

Когда они убегали через сад, словно Бонни и Клайд после удачного грабежа, и наконец скрылись за стеной гортензий, на Розали напал неудержимый смех.

— Чертова электрика! — воскликнула она весело и, задыхаясь от смеха, оперлась о старую черешню у стены, окружавшей сад.

Роберт согнулся пополам и стоял упершись руками в колени, пока, не выдержав, тоже не расхохотался, стараясь при этом, как и она, не подавать голос.

А затем — Розали впоследствии даже не могла вспомнить, как это получилось, — он поцеловал ее. В этот вечер она записала в голубой книжке:

Самое худшее в этот день:

У Роберта зажуужжал его чертов мобильник, когда мадам Бонье стояла рядом с кроватью, под которой мы спрятались. Я чуть не напустила в штаны от волнения. Что было бы, если бы она нас обнаружила!

Самое лучшее в этот день:

Вечерний поцелуй под черешневым деревом, после которого мы оба не сразу смогли опомниться.

— Простите, но я не мог удержаться, — сказал Роберт.

А я, чувствуя, что сердце у меня так и подпрыгнуло и сделало сальто с переворотом назад, сказала:

— Ничего, это, конечно, от пережитого волнения. — И даже посмеялась, как будто поцелуй — это так, ничего не значит.

В машине по дороге домой у нас только и разговоров было, что о сделанном открытии. Мы все гадали, что бы это могло означать. И я все говорила и говорила, чтобы заглушить сердце, так громко оно билось. Тут Роберт сделал какое-то дурацкое замечание, и мы оба замолчали. Наступило неловкое молчание, даже как-то неприятно. Торопливо попрощались у гостиницы. Уже без поцелуев. Я чувствую облегчение, но и немножко разочарована.

Когда я вернулась домой, Рене еще не спал. Он ничего не заметил, да ничего такого и не случилось. Ну, допустила промашку. C'est tout! [\[48\]](#)

Но что-то случилось.

И под этим Роберт подразумевал не те удивительные события, которые начали происходить с тех пор, как неделю тому назад в витрине на улице дю-Драгон он сделал неожиданное открытие. Открытие, которое, как выяснилось в дальнейшем, внесло в его жизнь много сумятицы, выбив его из колеи так, что истинная цель этой поездки (навести ясность в отношении своего будущего в профессиональном и личном плане) отступила куда-то на задний план.

Он имел в виду другое. Этот внезапный, неожиданный, совершенно необдуманый поцелуй среди зачарованного сада в Ле-Везине не шел у него теперь из головы.

Направляясь ранним утром по Парижской улице в музей д'Орсэ, чтобы посмотреть импрессионистов, он все время думал только об этом, и на него, как волны на одном пейзаже Сорольи^[49], накатывали картины прошедшего дня. Снова и снова перед ним возникал образ хохочущей до беспамятства Розали в голубом приталенном летнем платье, с разругавшимися щеками, под простертыми над нею ветвями раскидистого черешневого дерева. В воздухе пахло лавандой, и над садом опустились сумерки, так что кусты и деревья едва виднелись на фоне неба, как тени. Волосы Розали вольно рассыпались по плечам, и так же вольно рассыпался ее чудный смех. На один пьянящий миг, затерянный во времени, женщина с чудным смехом стала для Роберта самым желанным созданием на земле.

От неожиданности она не стала ему противиться. Он поймал ее врасплох, и она ответила на его страстный поцелуй, который пронизал его тело тысячью частиц света и был сладок, как дикая земляника.

Он невольно облизал губы и на секунду стиснул их, словно для того, чтобы вернуть вкус этого поцелуя, который сейчас представлялся ему чем-то нереальным, как будто ему это только приснилось. Но то был не сон. Это происходило наяву, а потом вдруг все кончилось неудачей.

Крепко стиснув в карманах кулаки, он хмуро шагал по узенькой улочке.

Не стоит себя обманывать — ей это было скорее неприятно. Когда миновал тот миг, он почувствовал, как она смущенно от него отодвинулась. «Это, конечно, от пережитого волнения», — сказала она и засмеялась, как

будто ничего не случилось.

Его поцелуй не вызвал у нее восторга, и она из любезности замяла неловкость, чтобы он не выглядел в собственных глазах полным идиотом.

Он тяжело вздохнул. Хотя, с другой стороны... Когда они, замерев в тишине, как гусеница в коконе, лежали там под кроватью... Разве не мелькнула тогда в ее взгляде внезапная симпатия? Разве не возникло неожиданное ощущение близости, которое на минуту заставило его забыть про жесткий паркет и страх, что их обнаружат?

Неужели все это он себе только навоображал? Или виною тому была необыкновенность момента? Он уже ничего не понимал!

Он знал только одно: что вечно готов был так лежать под кроватью. Но затем дал о себе знать его мобильный телефон, и его тихая вибрация произвела впечатление иерихонской трубы. Они чуть было не попались.

Он усмехнулся, вспомнив тяжеловесный топот испуганной экономки и как она потом долго все возилась с лампой.

Обратная дорога в Париж прошла как-то странно. Едва они сели в маленькую машину, Розали заговорила, и говорила она не умолкая ни на секунду, закидывая его вопросами. («А вы уверены, что ваша мать ни разу не упоминала имени Макса Марше? Может быть, он все-таки побывал в Маунт-Киско и заходил к ней в дом? Но они непременно должны были знать друг друга, он же явно посвятил ей эту историю!») Притом Розали, несмотря на поцелуй, упорно продолжала говорить с ним на «вы» и неустанно выдвигала все новые сценарии, представляя в них Макса Марше в самых разных ролях: начиная от роли пропавшего брата его матери и кончая ролью тайного возлюбленного.

Роберту скоро стало как-то неудобно, и он становился все молчаливее. Все эти открытия и вызванные ими вопросы утомили его до изнеможения. Куда проще было бы обвинить стареющего и несколько нагловатого французского писателя в плагиате. Но потом Розали нашла у Марше рукопись и старую пишущую машинку, и все стало уже совсем не просто. С тех пор как выяснилось, что историю про синего тигра придумала не его мать для него, а что эта сказка — как можно было предположить — была подарена ей, причем, надо же, каким-то французом, о котором она никогда не упоминала (по крайней мере, не упоминала в разговорах с Робертом), он уже почувствовал некоторое беспокойство. Но не строил никаких конкретных предположений, а если говорить честно, то и не хотел их строить.

В конце концов, речь шла о его матери и о его чувствах, и, что бы ни крылось за этой историей, его это затрагивает сильнее, чем безудержно

фантазирующую женщину, сидящую за рулем, чьи слова его одновременно злили и смущали.

Наконец Роберт не выдержал.

— Ваши соображения, Розали, конечно, очень интересны, но они не продвинули нас ни на шаг вперед. Пора бы нам поговорить с самим Максом Марше, — жестко оборвал он ее речь, — не скончается же он на месте, если мы зададим ему парочку вопросов.

— Ладно, больше не буду! Простите меня, что я пыталась вам помочь, — ответила Розали. — Все в порядке, я помолчу.

Она обиженно умолкла, хотя он тотчас же заверил ее, что не хотел обидеть, и тогда в тесной коробке автомобиля воцарилось молчание.

Когда она высадила его перед отелем, он больше не решился к ней прикоснуться. Они попрощались коротким кивком, и Розали пообещала позвонить, как только Макс Марше достаточно оправится, чтобы ответить на его вопросы.

— Надо хотя бы дождаться, когда он вернется домой из больницы, — сказала она, и Роберт в душе только вздохнул. — Тогда мы сможем вместе его навестить. Мне кажется, так будет проще, правда? — При этих словах она посмотрела на него и робко улыбнулась.

— Если только не придется опять лежать нам обоим под пыльной кроватью, я согласен на все, — сказал он в неудачной попытке соотрить.

В этот момент он готов был сам себе вlepить оплеуху за свое дурацкое высказывание.

Розали замкнулась, как устрица, закрыв створки. А чего он хотел! Огорченный, он посмотрел на ее побледневшее лицо, не отражавшее никаких чувств.

— Ну что ж... Мне пора, — произнесла она наконец с какой-то странной улыбкой, делая вид, что поправляет ремень безопасности. — Рене уже заждался меня.

Рене! Этот удар попал в цель.

Роберт сердито пнул ногой камешек, и тот упал в одну из никогда не просыхающих парижских водосточных канав. Он вообще как-то забыл, что у Розали есть друг — этот телохранитель, всегда с удовольствием готовый пустить в ход кулаки, защищая ее. Роберт криво улыбнулся, вспомнив свою первую и, надо надеяться, единственную встречу с французским богатырем, который однажды уже хотел его поколотить за то, что он якобы грубо приставал к его девушке. Вроде бы тренер по фитнесу. («Он специалист по спорту с высшим образованием и преподаватель йоги, — серьезно объясняла ему в „Марли“ Розали. — Однажды он даже работал

персональным тренером у одной знаменитой французской актрисы».) «Ну и что! Допустим, что благодаря своему внушительному росту и бархатистым карим глазам он, конечно, пользуется успехом у женщин. Ладно, пускай он недурен собой. Но чем еще он может поразить воображение?» — с вызовом подумал Роберт. Он не мог, да и не хотел себе представить, что связывает Розали с прагматичным Рене: родства душ тут явно не было и в помине. Во всяком случае, это же ясно как день, что эти двое не подходят друг другу.

Затем он почему-то подумал о Рейчел.

Рассудительная, деловитая, энергичная, одетая с иголки, красавица Рейчел! Это она ему позвонила, когда они с Розали лежали на полу, забившись под кровать. В самый неподходящий момент. Она не оставила ему сообщения, и это показывало, что она рассердилась всерьез. «Позвоню ей поближе к вечеру, — решил Роберт, — когда в Нью-Йорке будет почти полдень».

Когда он объяснит ей про рукопись и расскажет, как он без ведома хозяина проник в чужой дом, чтобы узнать тайну, которая касается лично его, она, конечно же, простит ему, что он отключил телефон, зная, что звонит она. О том, что он лежал тогда под кроватью с Розали Лоран, лучше, пожалуй, не рассказывать. И о поцелуе тоже лучше не упоминать. В этом деле и без того все достаточно сложно.

Он ускорил шаг и вышел на набережную Орсэ. Встав в очередь перед музеем и терпеливо, шаг за шагом продвигаясь ко входу, он снова представил себе смеющуюся Розали, как она, словно шекспировская Титания, стоит под деревом. Он попытался прогнать эту картину и подумать о чем-нибудь другом, но не смог отмахнуться от вопроса, видал ли он когда-нибудь, чтобы Рейчел так заливалась смехом, как эта эмоциональная, вечно противоречащая ему, своевольная и — да, этого нельзя не признать! — необыкновенно обаятельная особа, с которой его, собственно говоря, ничего не связывало, кроме сказки о синем тигре.

Много это или мало? Или может быть, это и включает в себе все? «Как счастье неровно в этом мире!»^[50] — вспомнилось ему вдруг. Неужели это и есть его личный «Сон в летнюю ночь»?

Ему вдруг почудился счастливый знак судьбы в том, что именно эта молодая французская художница оказалась иллюстратором его любимой сказки и только благодаря этому состоялось их знакомство.

И не случилось ли так, что в то время, как они вместе пытаются раскрыть тайну старинной истории, между ними давно уже завязалась новая и гораздо более волнующая история?

Погруженный в свои мысли, он вошел в вестибюль и купил в кассе входной билет в музей.

Пряча в сумку бумажник, он наткнулся там на купленную вчера в магазине «Шекспир и компания» и забытую красно-белую книжку в холщовом переплете. «Укрощение строптивой». Книжка все еще лежала в сумке.

Он хотел вручить ее Розали с каким-нибудь шутивным замечанием, когда настанет подходящий момент. Но момент этот отчего-то никак не наступал. Роберт вздохнул. В настоящий момент звезды, по-видимому, не благоприятствовали Петруччо.

После двух с лишним недель в больнице Макс Марше был бесконечно рад, что снова вернулся домой. Он был так благодарен, что с улыбкой выслушал даже упреки Мари-Элен Бонье.

— Это же надо было забраться на лестницу, даже не застегнув на ней ремни, — это уж, знаете, мсье Марше, никуда не годится! Такая неосторожность! Вы же могли сломать себе шею!

— Вы, как всегда, правы, Мари-Элен, — ответил Макс, с наслаждением отрезая поджаристый аппетитный кусочек жареной утки, поданной ею на блюде с салатом. — Утка просто восхитительна, лучше вас никто не умеет ее приготовить.

Вспоминая пресную диетическую пищу, которой его кормили в больнице, он с наслаждением ел ароматное нежное мясо утиной грудки, которую домоправительница, как ему было известно, покупала на рынке, причем выбирала всегда все только самое свежее.

— Просто божественно! — Он запил очередной кусочек вином «Сент-Эмильон» из пузатого бокала.

Мадам Бонье порозовела от гордости. Подобные хвалебные гимны ей нечасто доводилось слышать из уст своего работодателя.

— А как же! Я ведь знаю, что это ваше любимое блюдо, мсье Марше. А мы все, конечно, рады, что вы опять дома.

Немного смущенная, мадам Бонье удалилась к себе на кухню, в то время как Макс, посмеиваясь, подумал про себя, кто были эти «мы все»? Вряд ли о таком старом ворчуне, как он, с тоской вспоминали толпы народа.

Он был тронут тем, что Мари-Элен не преминула досрочно вернуться от дочери и внучки, чтобы позаботиться о его хозяйстве и присмотреть за ремонтными работами в доме, которые потребовалось провести в связи с изменившимися обстоятельствами. Не бросит же она его сейчас, когда ему необходима помощь, сказала Мари-Элен. А на садовника нельзя положиться. Он оставил включенным свет по всему дому, и даже раздвижная дверь в гостиной не была как следует закрыта. А ведь могли забраться воры!

Это было немного странно, потому что Себастьяно клятвенно уверял его, что запер дверь в гостиной на замок. Что ж, наверное, позабыл среди суматохи, а Макс век будет ему благодарен, и не только за то, что

Себастьяно содержит сад в безупречном порядке. Себастьяно же и домой его привез, когда его выписали из клиники.

— Это бы и Клеман мог сделать, — немного обиженно заметила мадам Бонье.

Клеман был ее мужем, и Макс с улыбкой отметил про себя, что экономка и садовник, очевидно, состязаются между собой, кто из них полезней.

Вернувшегося домой Макса встретил там букет, присланный по заказу Розали Лоран. Как она внимательна! На милой самодельной открытке с пожеланиями скорейшего выздоровления она писала, что с радостью ждет момента, когда приедет повидаться с ним в Ле-Везине. За это время Розали еще два раза навещала его в больнице и каждый раз терпеливо дожидалась, пока специалистка по лечебной физкультуре, приходившая в непредсказуемые часы, закончит с ним заниматься.

Розали принесла ему лавандового цвета коробку с маленькими тортиками от Ладюре и рассказала, что работа над иллюстрациями к сборнику сказок у нее хорошо продвигается и что ей очень повезло с новой помощницей, которая подменяла ее в магазине. Рассказывала она и о своем друге Рене, который, по-видимому, прекрасно себя чувствует в солнечной Калифорнии, а от семинара и его участников (сплошь любителей спорта и убежденных сторонников здорового образа жизни) вообще в полном восторге.

Однако от внимания Макса не укрылось, что Розали незаметно бросает на него испытующие взгляды.

— Что-то не так? Или я как-то ужасно выгляжу? — спросил он наконец, но она только смущенно покачала головой:

— Да нет, что вы! Ничего такого! Я просто рада, что вы уже поправляетесь.

И все же он чувствовал что-то неладное. Розали показалась ему задумчивее обыкновенного, более замкнутой. Словно она ждет чего-то.

Конечно, она, может быть, просто скучает по своему молодому человеку, сказал себе Макс. Он-то за эти годы уже привык жить один и очень ценил свое одинокое положение за то, что мог поступать, как захочет, ни на кого не оглядываясь. Но в последнее время он с досадой стал замечать, что и ему порой чего-то в жизни не хватает.

В больничной палате у него было достаточно времени для раздумий.

Еще недавно, два-три года назад, он больше всего дорожил своим покоем, люди только мешали ему и надоедали, и он всегда считал, что

никогда не будет страдать от одиночества, когда рядом есть интересные книги и он может читать.

Но удивительное дело, без людей, которые для тебя что-то значат, книги тоже утрачивают былое значение. В глубине души Макс, при всей своей показной независимости, сожалел о том, что у него нет семьи. Он имел в виду не вечно ноющую сестру в Монпелье, которая позвонила-таки в больницу, после того как мадам Бонье без его ведома поставила ее в известность о случившемся несчастье. («Как-никак она все-таки ваша сестра, мсье!»)

Разговор, как и следовало ожидать, не доставил ему удовольствия. Справившись (ради приличия) о его самочувствии, она затем не нашла ничего лучшего, как рассказать ему о том, что ее сосед, какой-то ветхий старичок, недавно скончался от последствий перелома шейки бедра.

Это было типично для сестры: что бы с тобой ни случилось, в ответ у нее всегда была наготове история похуже твоей. После рассказа об ужасной судьбе соседа она перешла к жалобам на то, что Макс никогда не приезжает навестить ее в Монпелье. А все остальное время она потратила на рассказ об *ужасающем* прорыве водопроводной трубы, который им пришлось пережить нынче весной.

— Ты даже не представляешь себе, как дорого нам это обошлось, а дурацкая страховая компания ничего не выплатила по причине того, что трубы якобы были в совершенно запущенном состоянии.

Как знать, в Монпелье, возможно, уже делят его наследство. Но тут они просчитались!

Нет, семья — это не обязательно значит что-то заведомо хорошее, подумал Макс, когда еще после пятнадцати минут выматывающего разговора наконец положил трубку. Но иногда он все же ловил себя на мысли, что, наверное, легче переносить старость, если рядом есть кто-то, с кем ты с надеждой смотрел бы в будущее, зная, что после тебя что-то останется и жизнь будет продолжаться.

В который раз уже Макс подумал: какое счастье, что он согласился тогда на уговоры издателя.

Без «Синего тигра» он никогда не встретил бы Розали Лоран, которая стала ему вроде дочери. Не говоря уже о том, что он никогда не очутился бы в маленьком магазинчике на улице дю-Драгон, если бы на этом не настоял Монсиньяк.

Старина Монсиньяк! В самые главные моменты его жизни, радостные или трудные, он всегда был рядом. Вот и на этот раз он навестил Макса в больнице.

Как всегда, не предупредив о своем приходе, он неожиданно появился в палате, в белой рубашке, которая еле сходилась на животе и вот-вот готова была лопнуть.

— Ну и хитрец! Опять новый финт выдумал, только бы не подходить к телефону? — громогласно заявил он вместо приветствия, затем подсел к кровати, властным жестом отправив за дверь сестру Ивонну.

После того как та, бросая на него подозрительные взгляды, удалилась, прочвакав подошвами, Монсиньяк преспокойно достал из кармана бутылочку анисовой настойки пастис.

— Смотрите, друг мой, Марше, чтобы больше такого никогда не было! Что это вы вздумали так меня пугать? На вас же вся надежда нашего издательства! — Он налил пастис в два стакана, и они чокнулись: — Sante! [\[51\]](#)

— Так и знал, что раз вы пришли, значит вам что-то от меня нужно! — пошутил Макс, стараясь скрыть, что растроган. — Если вы опять что-то задумали, Монсиньяк, то выбросьте это сейчас же из головы! Я больше не напишу для издательства ни строчки, уж лучше свалиться с лестницы!

— Ну, это мы еще посмотрим. Всему свое время, сказал бы я. Пока что вам надо хорошенько поупражняться с этой... очаровательной сестричкой, — кивнув в сторону двери, усмехнулся Монсиньяк, — чтобы уж поскорее встать на ноги, *n'est-ce pas?* [\[52\]](#) — Его глаза лукаво блеснули. — Но ведь маленький рождественский рассказик, который проиллюстрирует ваша приятельница Розали Лоран, — это же вы сделаете в два счета. Так сказать, между супом и пудингом.

— Вот уж вряд ли, если то и другое будет такое пресное, как в этом лазарете!

— Как же вы избалованы, друг мой Марше! Хотел бы я, чтобы моя жена стряпала так хорошо, как ваша мадам Бонье. Но она, к сожалению, больше любит читать книжки.

Они тогда еще посмеялись, и вот он наконец дома и в своей столовой вкушает прекрасное крем-брюле, которое подала ему мадам Бонье. С довольным вздохом Макс отер губы бумажной салфеткой и, опираясь на два костыля, осторожными шажками направился в библиотеку. Просто чудо, что после операции он уже преуспел в том, чтобы встать на ноги. Выражение «делать успехи» приобрело для него новый смысл. Даже профессор Паскаль удивлялся, как хорошо продвигается дело у «перелома бедра из палаты 28», и, уступив настойчивым просьбам Макса, он наконец согласился отпустить его из стационара, чтобы тот проходил реабилитацию амбулаторно.

Поэтому Макс каждый день ездил на такси в кабинет физиотерапии, расположенный неподалеку от клиники, где с ним проводили необходимые занятия по лечебной гимнастике. Хотя это и было связано с некоторыми дополнительными трудностями, но было все же гораздо лучше, чем постоянно торчать в реабилитационном центре и впадать там в депрессию. Профессор Паскаль порекомендовал ему на прощание удалить в доме все, что может стать причиной падения, устроить в ванной сиденье и ручки, за которые можно будет держаться, и на некоторое время забыть о стремянке.

Макс отставил от себя костыли и с кряхтением сел в кресло за письменный стол. Перед ним открылся вид на сад, мирно дремлющий под лучами полуденного солнца. Он взял телефонную трубку и набрал номер Розали Лоран.

Она была в лавке и обслуживала клиентов, но, услышав его голос, ответила с неподдельной радостью. Разговор оказался коротким, но этого было достаточно, чтобы успеть сказать главное: что он приглашает Розали в Ле-Везине на чашку кофе в субботу.

— Как хорошо, Макс, что вы снова дома! Я с радостью к вам приеду, — сказала она. — Не надо ли что-нибудь привезти?

— В этом нет необходимости. Мари-Элен испечет нам тарт татен^[53]. Главное, привезите себя!

Макс с улыбкой положил трубку и в задумчивости посидел еще некоторое время за столом. В конце разговора Розали сказала, что хочет с ним обсудить какой-то вопрос. Интересно — какой?

Макс подумал-подумал и вдруг ощутил усталость. После больницы он взял себе в привычку спать после обеда. А здесь, в мирной тишине виллы, этому, к счастью, ничто не мешало. Он взялся за костыли и с трудом поднялся с кресла. «Наверное, Монсиньяк уже говорил с Розали и поручил ей уговорить меня насчет рождественского рассказа, — подумал Макс. — Вот уж старый лис!»

Покачав головой, он направился к двери. Но, проходя мимо старого шкафчика и кинув взгляд на любимый пейзаж, изображавший вид морского берега на юге Франции, он вдруг заметил кое-что странное.

В старый черный «ремингтон», которым он не пользовался уже десятки лет и сохранял только как память о прошлом, была вставлена бумага.

Макс удивленно повернул колесико и вынул лист из машинки. Увиденное его встревожило. Напечатанная бледно-голубым шрифтом строчка была похожа на послание из прошлого. Возможно ли такое?

Его сердце забилося быстрее, и он почувствовал себя

путешественником во времени, который в свободном падении на бешеной скорости разрезает пространство.

На листке, который он держал в руке, были напечатаны первые строчки истории про «Синего тигра». Написанной сорок лет тому назад. На этом старом «ремингтоне».

— В жизни иногда случается такое, чего ты никак не ожидал, — объявил он ей в пятницу, когда они, как всегда в этот день, беседовали по скайпу. Рене произнес это немного виноватым, хотя и решительным тоном, то же самое выражало и его лицо, покрывшееся под калифорнийским солнцем золотистым загаром. — Я подумал, лучше уж скажу тебе сразу, — добавил он прямодушно, улыбнувшись с экрана мальчишеской улыбкой. — Надеюсь, мы останемся друзьями.

Розали ожидала чего угодно, но только не того, что Рене разорвет их отношения по скайпу. Такого с ней еще никогда не случалось. Однако ей давно следовало бы догадаться, к чему идет дело, и, если бы она не была так занята теми переживаниями, которые приносила ей собственная жизнь, она бы, наверное, давно распознала первые признаки.

Прошло уже почти три недели с тех пор, как она отвезла Рене в аэропорт Парижа. С самого начала у нее было такое чувство, что Рене на семинаре в Сан-Диего счастлив и чувствует себя как рыба в воде. Во время разговоров с ним ей всегда приходило в голову это старомодное выражение. При каждом звонке голос Рене так и звенел от восторга. Зак Уитмен — просто бог! Участники семинара — люди открытые, душевные, бодрые духом! Далеко протянувшиеся золотистые пляжи — что-то необыкновенное! Климат — роскошный! Кругом сплошное совершенство, как поняла Розали.

— Нынешним трендом является рога — рассказывал Рене. — Это лучшее, что ты можешь сделать для своего организма.

— *Рога?* — повторила она недоверчиво, сидя в постели с чашкой кофе, и подумала: только бы ей не пришлось заниматься таким спортом, который даже по названию производил впечатление чего-то, требующего крайнего напряжения. — И что же это такое?

— Сочетание *running* и *yoga* — бега и йоги, — объяснил Рене. — Я тебя научу, когда приеду.

Она посмеялась, а мысленно сказала: «Только не это!» Когда он затем рассказал ей про белокурую стайершу, с которой они бегают натоцк, а затем завтракают соком папайи с лаймом, она отнесла эту новость в разряд «спортивных увлечений», не придав ей особенного значения.

В последующих беседах имя Аннабель Миллер всплывало еще несколько раз, а затем упоминания о белокурой стайерше надолго исчезли

из разговоров. Но, судя по всему, она не исчезла из жизни ее увлеченного рогой приятеля.

Несколько дней прошло без каких-либо новостей, а вчера Рене позвонил и возник на экране ее компьютера явно чем-то смущенный. Розали по лицу видела, что его что-то мучает. Настроение восторженности сменилось у него замешательством, и его карие глаза смотрели в объектив как-то растерянно.

— Мы можем поговорить? — спросил он.

— Конечно. Мы же и так разговариваем, — сказала она, ничего не понимая.

— Alors... Так вот... Сам даже не знаю, как и сказать... Уфф! — Он почесал в затылке. — Не так-то это просто. Ты, Розали, такая... просто замечательная женщина... хотя и слишком налегаешь на круассаны. — Он смущенно улыбнулся. — А впрочем, чего там... Ты можешь себе это позволить, твой организм хорошо сжигает калории...

— Э-э... Да? — Розали удивленно приблизила лицо к экрану, пытаясь понять, о чем там бормочет Рене.

— Ну, значит... Я хочу сказать, что ты тут не виновата, и я совсем не хочу тебя обидеть, для этого я слишком тебя уважаю... и даже если мы с тобой... ну, то есть, как бы сказать... не совсем подходим друг другу по интересам, — продолжал он мямлить, — мне всегда было с тобой очень хорошо...

И тут она наконец сообразила.

— То есть стайерша... — произнесла она, и он облегченно закивал, так как наконец главное было сказано.

И после этого он произнес ту самую фразу, что в жизни случаются вещи, которых ты никак не ожидал.

Удивительно, ей не стало больно от услышанного. Во всяком случае, не очень. Конечно, у нее появилось странное ощущение, когда перед ее мысленным взором, как кадры на экране, пронеслись все годы, которые она провела рядом с Рене. Многие из этого она не хотела бы вычеркнуть из памяти, даже единственную раннюю утреннюю пробежку в Люксембургском саду и уж тем более первую ночь на крыше перед ее маленькой квартиркой.

Вспоминая об этом, Розали улыбалась. Она не была убита горем, не была возмущена до глубины души, услышав признание Рене в том, что он без памяти влюбился в спортивную блондинку по имени Аннабель Миллер, которая завтракает соком папайи и с которой он теперь мог сколько душе

угодно заниматься рогой или чем там еще.

Честность Рене всегда была обезоруживающей, и она не могла на него сердиться. Удивиться тому, как быстро он вдруг влюбился, — да, удивилась.

Но, одеваясь после телефонного разговора, принимая душ и нанося на губы помаду, она неожиданно для себя поняла, что чувствует даже какое-то облегчение. Возможно, это объяснялось тем, что и в ее жизнь за это время вошло кое-что новое, на что она не рассчитывала.

Во вторник в лавку неожиданно зашел Роберт, чтобы справиться «о положении вещей». Это была их первая встреча после памятного приключения в Ле-Везине и неудачного расставания перед отелем. Когда она увидела появившуюся перед лавкой знакомую долговязую фигуру, она в первый миг испытала чувство, похожее на испуг.

— Я не помешаю? — спросил Роберт, одарив ее такой радостновыжидательной улыбкой, что просто невозможно устоять.

— Нет-нет! Конечно же нет! Вот только выдам чек и рассчитаюсь! — Она смущенно смахнула назад упавшую на лицо прядь и, порозовев, повернулась к покупательнице. — Так что там у нас было? Три листа подарочной бумаги, пять открыток, печать с розой...

— А знаете что — возьму-ка я еще одно хорошенькое пресс-папье из тех, что лежат у вас в витрине, — сказала клиентка, рыжеволосая женщина в элегантном желтом платье свободного покроя, по-видимому итальянка, на высоченных каблуках, от одного вида которых захватывало дух, и прошествовала к витрине. — Вот это, с надписью. — Она указала пальцем на то, что выбрала.

— Да, разумеется, пожалуйста.

Розали следом за покупательницей бочком прошла мимо Роберта, который стоял на пороге, прислонившись к косяку.

— А с какой надписью вы бы хотели — «Paris» или «Amour»?

— Гм... — Итальянка задумалась. — *Molto bene*^[54] — оба очень красивые.

На ее лице появилось выражение нерешительности, когда Розали протянула только что взятые с витрины пресс-папье.

— Почему бы вам не взять оба? — послышалось вдруг с порога. Обе женщины обернулись на неожиданно раздавшийся голос. Там, скрестив руки на груди, стоял улыбающийся Роберт Шерман в голубой майке. — Простите, что я вмешался, но, мне кажется, Париж и любовь неразделимо связаны, не так ли?

Итальянка польщенно заулыбалась, и по ней было видно, что

«вмешательство» красивого незнакомца ей очень даже понравилось. На секунду она глубоко заглянула ему в глаза, затем ее взгляд скользнул по загорелым рукам со светлыми волосками, по светлым свободным брюкам и коричневым замшевым мокасинам.

— Si, signor, — проворковала она грудным голосом, — это хорошая мысль! Считается ведь, что Париж — город любви?

Она засмеялась, откинула голову, изогнув шейку, и захлопала густыми черными ресницами. По всей видимости, замечание Роберта она приняла как приглашение к флирту.

Коротко кивнув Розали, она сказала:

— Заверните мне, пожалуйста, оба. — Затем снова обратила все свое внимание на Роберта. — Вы ведь тоже как будто нездешний? Откуда вы приехали? Нет, давайте лучше я сама угадаю! — Снова тот же воркующий смех.

— Вы... американец!

Роберт сделал удивленное лицо и улыбнулся, между тем как Розали, молча стоя у кассы, заворачивала в шелковую бумагу покупки и хмурилась, слушая их разговор. Что это она разворковалась? «Луна-Луна» — это ей не кафе для свиданий!

— Американец в Париже — как романтично! — восторженно воскликнула итальянка. Затем, понизив голос, сказала: — Тогда мы с вами оба — чужие в этом прекрасном городе.

Она протянула ему тонкую ладонь, и Розали несколько бы не удивилась, если бы эта ручка была поцелована.

— Габриэлла Спинелли. Из *Milano*.

Роберт, улыбаясь, пожал ее руку:

— Роберт Шерман. Нью-Йорк.

Габриэлла Спинелли сделала шаг назад.

— Не может быть! — выдохнула она, еще шире распахнув и без того огромные глазищи. — Неужели из адвокатской конторы «Шерман и сыновья»? Однажды, несколько лет тому назад, когда мой дядюшка Анджело Сальваторе жил в Нью-Йорке, его интересы в одном очень запутанном деле представлял адвокат Поль Шерман. Дело шло об очень, очень больших деньгах. Лучшего адвоката у него никогда не было ни до, ни после, говорит с тех пор дядя Анджело. Он был очень доволен, — закончила она, поправляя темные очки, сдвинутые высоко на прическу.

Роберт удивленно кивнул:

— Это был мой отец.

— Надо же! Madre mia!^[55] Господи, надо же быть такому совпадению!

Габриэлла зашлась от восторга громким смехом, а Розали, глядя на рыжую покупательницу из Милана, чей дядюшка Анджело Сопрано... то есть Сальваторе... наверняка был крестным отцом нью-йоркской мафии, вдруг почувствовала сильное желание свернуть стройную шейку этой дамочке.

— It's a small world^[56], — изрекла она с жутким итальянским акцентом.

— Вы верите в случайности, мистер Шерман?

Она кокетливо склонила головку набок, и Роберт, не удержавшись, невольно рассмеялся.

Розали решила, что настал подходящий момент вмешаться.

— Et voilà^[57], с вас семьдесят три евро и восемьдесят центов, — сказала она и сунула под нос опешившей итальянке изящный голубой пакет, перевязанный белой ленточкой.

Итальянка рассеянным жестом, не глядя, вытащила из канареечно-желтой сумки от «Прада» гигантский кошелек, продолжая то и дело оглядываться на американца, который по-прежнему стоял на пороге.

Когда она расплатилась и, подойдя к Роберту, остановилась, чтобы продолжить с ним разговор, к ней сзади обратилась Розали:

— Au revoir, madame! Извините, но мы закрываемся на обед, — сказала она и ласково, но решительно подтолкнула рыжеволосую итальянку за порог.

— О, одну секундочку! — Габриэлла сделала грациозный разворот вправо и снова очутилась перед Робертом. — Какая удача, что мы познакомились, мистер Шерман, — прощбетала она. — У вас найдется время на чашечку кофе? Мне было бы очень приятно.

— У мистера Шермана, к сожалению, уже назначена встреча на это время, — безжалостно улыбаясь, объявила Розали. Скрестив руки на груди, она загородила собою вход. — Bonne journée, madame!^[58]

— Ах, какая жалость! Очень жалко! — Итальянка разочарованно удалилась, унося свой пакет, однако она все же успела сунуть Роберту свою визитную карточку. — Позвоните мне, синьор Шерман. Уверена, что нам есть что рассказать друг другу!

— Так у меня назначена встреча? — посмеиваясь, спросил Шерман, когда Розали захлопнула дверь, выпроводив Габриэллу Спинелли.

— Да, — с вызовом ответила Розали, — со мной!

— О! — удивился он в шутку. — Это, конечно... еще лучше.

— Очень остроумно! Если вы заходите ко мне для того, чтобы флиртовать с незнакомыми женщинами, то можете не задерживаться, — бросила она необдуманно.

Надо же было сказать такую глупость! Она прикусила губу.

— Это что — ревность?

Она театрально закатила глаза:

— Вы слишком высокого о себе мнения, дорогой мой. Я просто хотела спасти вас от непрестанно чирикающей итальянской вертишейки!

— Очень привлекательной итальянской вертишейки, — ухмыльнулся он во весь рот. — Ножки — загляденье!

— Ах, простите! Я и не знала, что вам нравятся итальянские вертишейки! — съязвила она.

Он покачал головой:

— Не бойтесь, моя дорогая. По серьезном размышлении я понял, что мне милее французские пересмешницы. — Он посмотрел на нее, и его губы дрогнули. — Ну так как же? Есть у меня свидание или нет?

— Если будете себя хорошо вести — может быть. — Розали бросила на него многозначительный взгляд. Она еще не простила ему замечание насчет пыльной кровати. — Может быть, попозже, когда меня придет подменить моя помощница мадам Морель. Раньше мне не бросить лавку.

— Разве вы только что не сказали, что закрываетесь? — Он притворился удивленным.

— Если вы сейчас же не прекратите задавать дурацкие вопросы, то не успеете оглянуться, как я вас выгоню, — заявила Розали. — Почему вы вообще пришли?

— Да был тут поблизости и хотел спросить, что новенького у Макса Марше. Вы же после... после возвращения из Ле-Везине ни разу мне не звонили, и я даже подумал...

Тут он умолк, а она спросила себя, о чем же это он думал.

— В машине у вас был, кажется, недовольный вид.

— Нет, ничего. — Розали почувствовала, что краснеет, и отвела взгляд. — Макс Марше на днях выписан из клиники, но он мне еще не звонил. Как только он позвонит, я сразу дам вам знать, и тогда мы поедем в Ле-Везине. Как договаривались.

Очевидно, он принимает ее за такую мимозу, которая все время обижается и от обиды не держит данного слова.

— Я не хотел вас сердить, Розали. Я просто был не в себе в тот вечер. Для меня же это дело очень личное, а не просто своего рода... игра в кладоискателей. Вы же это понимаете?

Розали кивнула. Как не понять!

Роберт испытующе посмотрел на нее:

— А мое замечание, что я не хочу лежать с вами под кроватью, это была просто...

— ...глупость, — закончили они в один голос, и оба рассмеялись.

— Ну, так когда же придет ваша мадам Моршель?

— Морель. И придет она в два часа. Если хотите, можете тогда за мной зайти, и мы пойдем гулять с Уильямом Моррисом.

Уильям Моррис приподнял голову. Услышав свое имя и слово «гулять», он завилял хвостом.

Роберт наклонился к нему и осторожно погладил собачку по голове.

— Ладно, как знать, — сказал он затем, — может быть, это станет началом прекрасной дружбы.

Когда они встретились, все пошло совершенно не так, как они ожидали. За исключением разве что Морриса, которому было совершенно все равно, сколько человек его выгуливают.

Прогулка вдоль Сены получилась не вдвоем, а втроем. И партию первой скрипки в их беседе вела ее матушка.

Неожиданно для Розали в два часа в лавку явилась не только мадам Морель, но следом за ней и Катрин Лоран, у которой Розали только недавно ужинала.

— Bonjour, mon enfant^[59], — поздоровалась матушка и тут же заявила о своем праве на безраздельное внимание со стороны дочери. — Что это ты, даже не здороваешься с мамой?

Одета она была, как всегда, элегантнейшим образом — светло-серый костюм, белая шелковая блузка, жемчужное ожерелье — и, по-видимому, только что из парикмахерской, так как ее пепельные волосы были уложены в красивую прическу с искусным шиньоном на затылке.

Розали, занятая разговором с мадам де Ружмон, которая даже в этот солнечный день, выходя на улицу, не преминула надеть перчатки, так что чуть-чуть превзошла в элегантности мадам Лоран, улыбнулась и, на секунду прервав разговор с покупательницей, поздоровалась с матерью.

— Привет, мама! — Мать и дочь обменялись, как положено, непременно поцелуем в щечку. — Через минуту я освобожусь и буду целиком в твоём распоряжении. Может быть, ты присядешь? — предложила Розали, кивнув на кожаное кресло в углу.

— Ах нет, я лучше постою, и без того уже насиделась в парикмахерской до изнеможения. — Мадам Лоран издала изящный маленький вздох и быстрым движением проверила свою искусную

прическу. — Не обращай на меня внимания, ma petite^[60], я могу и подождать.

Катрин Лоран прохаживалась по лавке, ее взгляд, скользивший по выставленным товарам, внезапно задержался на мадам Морель, которая была занята тем, что раскладывала в одной из витрин новые открытки и конверты.

— Ах, вы, наверное, новая помощница. Очень разумно, что моя дочь наконец-то решила набрать персонал, а то она совсем заработалась...

Величественно кивнув мадам Морель, она, тихонько мурлыча что-то себе под нос, бродила по лавке, цокая по каменному полу высокими каблучками.

Розали занервничала, в ней поднималась какая-то неопределенная тревожность. Вполуха она слушала, что говорила мадам де Ружмон, та подробно объясняла, какой должна быть поздравительная открытка, которую она заказывала к круглой дате ее приятельницы Шарлотты.

— Надо, чтобы на рисунке присутствовала гондола, — рассуждала она вслух. — Шарлотта любит Венецию, и я хочу подарить ей поездку в Венецию на выходные дни. Как по-вашему, это удачно придумано?

— О, по-моему, это *замечательно*, — поспешила заверить ее Розали, не спуская глаз с матери, которая, сцепив за спиной руки и постукивая каблучками, нарезала круги по магазину.

— Но нужен какой-нибудь оригинальный текст. Мне хочется чего-то *оригинального*, — изящно водя одетой в перчатку рукой по воздуху и задумчиво поджимая чуть тронутые розовой помадой губы, говорила мадам де Ружмон.

— Я непременно что-нибудь придумаю, мадам де Ружмон.

Розали вскинула голову, пытаясь закончить разговор с пожилой дамой.

— Что ж, тогда не буду вас больше задерживать, моя дорогая. — Мадам де Ружмон взялась за сумочку и с любопытством покосилась на Катрин Лоран.

— У вас, я вижу, гости — пришла ваша матушка, — пропела она.

Розали кивнула, и пожилая дама восприняла это как приглашение познакомиться. Семенящей походкой она направилась к изумленной мадам Лоран и сказала:

— Я очень *люблю* лавку вашей дочери. Такие красивые вещицы!

— Мама, позволь представить. Это мадам де Ружмон, моя любимая клиентка. Она тоже живет в Седьмом округе, — быстро пояснила Розали. — Мадам Лоран, моя мама.

— Enchantee^[61], — сказала Катрин Лоран, сдержанно кланяясь.

Но не успела она открыть рот, чтобы произнести приветствие, в котором, конечно же, предполагалось упоминание о том, что она урожденная де Валуа, как снова открылась дверь. На часах было ровно два.

Вошел Роберт с громадным букетом в руке.

— О, я слишком рано пришел? — спросил он, увидев целое общество дам разного возраста, которые дружно обернулись и смотрели на него.

Спустя пятнадцать минут после того, как вызвавший всеобщее восхищение букет был помещен в большую вазу, они отправились на прогулку — Роберт, Розали и *tata*.

Катрин Лоран не преминула присоединиться к Розали и этому интересному американцу с такими прекрасными манерами, который пришел к ее дочери с цветами.

— О, пожалуй, я немножко пройду с вами. Погода такая чудесная, а я сегодня до того засиделась, что неплохо бы размять ноги, — радостно воскликнула она, когда Розали сдержанно представила ей Роберта, назвав своим знакомым.

Мадам де Ружмон, наверное, тоже не отказалась бы принять участие в прогулке, если бы ее пригласили. Она то и дело с интересом поглядывала на этого высокого, интересного, говорившего с американским акцентом мужчину, которого, как ей показалось, она где-то видела. Актер, может быть?

— Такой прекрасный букет, — сказала она, нехотя собравшись уходить, и на прощание не забыла одарить Роберта очаровательной улыбкой. Внезапно она так и застыла на месте. — Parbleu!^[62] Вспомнила, откуда вы мне так знакомы, мсье! Вы ведь уже сюда заходили, верно? Вы же, кажется... Не тот ли вы адвокат, который...

— О! — обрадовалась Катрин Лоран. — Так мсье Шерман — адвокат?

— ...Опрокинул стойку с открытками? — как ни в чем не бывало закончила мадам де Ружмон начатую фразу. — Вижу, вы попросили прощения за ту сцену, мсье. — Выходя из лавки, она помахала маленькой ручкой в сторону букета. — Как приятно, когда мужчина умеет приносить извинения, мой муж этому так и не научился.

— Что за сцена? — заинтересовалась матушка Розали, глядя на удивленное лицо Роберта.

Тут же присутствовала и мадам Морель, которая уже встала за

прилавок.

Розали решила положить конец всеобщему переполоху и взяла на поводок Уильяма Морриса.

— Пойдемте! — сказала она, помахав на прощание мадам Морель, которая должна была дежурить в лавке до вечера.

Все трое в душевном согласии прогуливались по берегу Сены, и Катрин Лоран развлекала Роберта разговорами, а между тем Розали явственно слышала, как энергично заработала мысль ее матери.

Знакомый мужчина, о котором она еще ничего не слыхала, цветы, какая-то ссора, извинения, дочь явно чем-то смущена, а Рене уехал и вообще вне игры!

Розали видела играющую на губах матери довольную улыбку. *Мама* явно делает ошибочные выводы! Сама же Розали в этот день, а был еще только вторник, не могла догадываться, что ее выводы не *так* и далеки от истины, потому что судьба по своей прихоти уже выпустила на беговую дорожку некую стайершу, штурмом завоевавшую сердце Рене.

— А как вы познакомились с моей дочерью, мсье Шерман? — услышала она голос матери.

Мадам Лоран выбрала с Робертом интимный тон, совершенно неуместный в данном случае, и Розали нетерпеливо спрашивала себя, долго ли еще ждать момента, когда мама подцепит его под руку. Господи! Это же просто неловко слушать, как она допрашивает бедного Роберта! Прямо как потенциального зятя!

— Вы же изумительно говорите по-французски! — произнесла в этот момент ее матушка.

— Да... Ваша дочь тоже это отметила, — сказал Роберт и подмигнул Розали. — В принципе, можно сказать, что мы познакомились благодаря книжке, которую мы оба... очень... э-э-э... положительно оцениваем.

— Ах да, литература! Литература может послужить связующим звеном. — Мадам Лоран зашлась в восторге. — А я, знаете, тоже так *люблю* книги!

Розали кинула на матушку удивленный взгляд. Что будет дальше?

— А вы надолго в Париже, мсье Шерман? Тогда надо, чтобы вы с Розали непременно зашли ко мне на чашку кофе.

— Ну, я...

— С мсье Шерманом мы работаем над одним общим проектом, мама, — вмешалась Розали и нагнулась, чтобы спустить с поводка Уильяма Морриса. — И только.

Она старалась не прислушиваться к тихому голосу в душе, который

насмешливо спрашивал, верит ли она сама в то, что сказала.

Матушка, очевидно, не поверила.

— Так-так, — сказала она, не давая сбить себя с толку, и, потеревив жемчужное ожерелье, продолжала: — Так вы говорите, что вы адвокат, господин Шерман? Интересная специальность. Вы здесь по работе?

Роберт засунул руки в карманы и с улыбкой ответил:

— И да, и нет. Я еще не решил окончательно.

И тут он объяснил почтительно внимавшей мадам Лоран, что действительно получил юридическое образование, но потом выбрал научную карьеру университетского профессора в области гуманитарных знаний, а в Париж приехал, потому что ему предложено на предстоящий семестр место приглашенного профессора в Сорбонне.

— Профессор-шекспировед — как чудесно! — воскликнула мадам Лоран.

— «Гамлет», «Укрощение строптивой», «Ромео и Джульетта»! «Меня перенесла сюда любовь, / Ее не остановят стены. / В нужде она решается на все»^[63], — продекламировала мадам Лоран, к ужасу Розали. Затем она кинула на Роберта многозначительный взгляд. — И вы еще раздумываете?

— Ну вот, можно и ехать! — сказала она. — На субботу мы приглашены к Марше. То есть, — прервала она себя, тихонько засмеявшись в трубку, — приглашена, собственно говоря, я. Для вас надо будет что-нибудь придумать.

— А почему вы сразу не сказали, что я с вами приеду? К чему эта игра в прятки? В конце концов, имею же я право узнать...

— Ладно, не будем об этом, — перебила она его. — Не так-то просто объяснить все по телефону. Услышав, что вы хотите приехать, он бы, чего доброго, сразу же отменил приглашение. Макс Марше всего несколько дней как вернулся домой и, уверяю вас, вовсе не горит желанием познакомиться с вами. Тогда он сказал буквально, что надеется никогда не повстречаться с этим сумасшедшим.

— Могу себе представить. Если вы рассказали ему такую же жуткую историю, как вашему другу, то не приходится удивляться.

— Ну да, да. Оставим разговоры про моего друга, — отрезала она довольно нелюбезно. — Я только хочу сказать, чтобы вы были посдержаннее, хорошо? Этого старика не так легко обаять вашими чарами, как мою мать.

Он хотел было что-то ответить, но не успел, она уже положила трубку. Он усмехнулся. Обаять Катрин Лоран было действительно гораздо легче, чем ее строптивую дочь. Мадам Лоран слушала его с величайшим интересом, в то время как Розали с откровенно скучающим видом теребила свою косу и вообще не принимала участия в разговоре. Очевидно, из чистого духа противоречия. Просто удивительно, до чего не похожи мать и дочка — и не только в том, что касается наружности. По-видимому, темноволосая Розали с ее иссиня-черными глазами уродилась в отца.

Хотя Роберт и предпочел бы прогуливаться по берегу Сены в обществе одной только Розали, он все же был благодарен мадам Лоран и ее предусмотрительно-проницательному материнскому взгляду за две вещи. Во-первых, для нее вообще не вставало вопроса, следует или нет профессору-шекспироведу оставаться в Париже в качестве приглашенного преподавателя. И второе — что ему еще больше пришлось по душе — это то, что она видела в нем подходящего жениха для своей дочери, хотя та сама этого еще и не поняла и под конец принялась что-то там лепетать про Рене, с которым у нее в следующую пятницу должен состояться разговор

по скайпу.

— Оставайтесь, мсье Шерман, — шепнула ему при прощании мадам Лоран. — У моей дочери непростой характер, но сердце у нее золотое.

Подъезжая в субботу около четырех часов дня к белой вилле с темнозелеными ставнями, женщина с золотым сердцем заметно нервничала. Да и Роберт тоже почувствовал, как им овладевает некоторое волнение. На коленях у него была большая кожаная сумка, в которой лежали обе рукописи. Что ожидает его в этом доме? Было ли в жизни матери что-то такое, о чем она ему не сказала?

Розали резко нажала на ручной тормоз и с чувством выдохнула:

— Ну вот! Начинается самое интересное. *Op u va!* — сказала она и кивнула Роберту. — И, как договаривались, объясняться предоставьте мне.

— Понял. И не надо повторять это каждые две минуты.

Они вышли из машины. Гравий скрипел под ногами, было тепло, и пахло травой. Издалека доносилось гудение газонокосилки. Где-то чирикала птичка. Совершенно нормальная сентябрьская суббота в Ле-Везине с теплом уходящего лета.

Перед темно-зеленой дверью они еще раз переглянулись. Затем Розали протянула руку и позвонила в медный звонок на стене рядом с дверью.

Изнутри дома донеслось звонкое динь-дон. Затем послышались легкие шаркающие шаги и постукивание костылей.

Макс Марше отворил дверь. Волосы его были аккуратно зачесаны назад, бородка подстрижена. Лицо писателя показалось Роберту похудевшим по сравнению с его фотографией в книге. Глаза глубже запали в глазницы, пережитые испытания последних недель отразились на его внешности.

— О, вы, оказывается, вдвоем? — Макс посторонился, пропуская гостей вперед.

— Да. Простите, я не знала, как объяснить вам по телефону, — сказала Розали. — Это Роберт, мой друг... Не так давно мы... И вот мы хотели с вами...

Она запуталась, и Роберт увидел, как на лице Макса промелькнула улыбка.

— Не волнуйтесь, Розали, все хорошо. Не нужно никаких объяснений. Я и так вижу, хотя в последнее время зрение у меня стало хуже. — Он одобрительно посмотрел на Роберта. — Разумеется, ваш друг будет для меня желанным гостем.

Роберт видел, что Розали хочет что-то возразить, но старик уже

отвернулся и, осторожно переставляя костыли, направился в сторону библиотеки. Большая раздвижная дверь гостиной была отворена, и на террасе виден был накрытый стол под большим белым зонтом.

Марше вышел на террасу и позвал их за собой:

— Venez, venez!^[64] Пирога на всех хватит. Извините меня, но я должен присесть. Ноги еще меня плохо носят. Розали, вероятно, рассказывала вам, какая беда со мной приключилась.

Со вздохом облегчения Марше опустился в плетеное кресло и приставил костыли к столу.

Они нерешительно последовали за ним. Роберт со значением посмотрел на Розали, но она только пожала плечами и бросила что-то невнятное, Роберт понял это как «сейчас, подождите».

— Так вы, значит, Роберт. Вы американец? — благодушно спросил Марше, когда все уселись за стол.

Его взгляд был обращен на Роберта, который расположился напротив, и тот не мог не признать, что этот крупный, бородатый, довольно беспомощный в настоящее время старик по первому впечатлению выглядит заслуживающим доверия.

В растерянности он бросил взгляд на Розали, которая сидела посередине и не произносила ни звука. Похоже, придется ему самому взять слово.

— Да, совершенно верно. Я Роберт. Роберт Шерман.

«Господи! — мелькнуло у него в голове. — Заявил о себе, точно какой-то Джеймс Бонд собственной персоной!» Он внимательно посмотрел на сидевшего напротив хозяина, но у того на лице никаких чувств не отразилось.

— Я думаю, Розали вам обо мне уже говорила.

Краем глаза он заметил, как Розали, взявшаяся разливать кофе, застыла с серебряным кофейником в руках.

— Шерман? — Старик покачал головой. Эта фамилия ему ничего не говорила. Он взял чашку, хотел поднести ее ко рту и вдруг отставил ее, точно поперхнувшись. — Шерман? Вы — Шерман? — повторил он, и на лбу у него между серебряных бровей пролегла гневная морщина. — Вы — тот беспардонный американец, обвиняющий меня в плагиате и собирающийся подать против меня иск? — Он выпрямился и возмущенно посмотрел на Розали. — Не понимаю! Что это значит, Розали? Почему вы вздумали привести ко мне в дом этого сумасшедшего? Вы хотите меня оскорбить?

— Погодите, мсье Марше! Никто тут не сумасшедший, и уж тем более

не я, — перебил его Роберт. — Мы хотели вас кое о чем спросить. В конце концов, я — обладатель оригинальной рукоп... Ой! — С перекошенным лицом Роберт умолк, схватившись за левую лодыжку, по которой только что получил под столом чувствительный пинок.

Марше переводил растерянный взгляд с одного на другую, в то время как Роберт потирал ушибленную ногу, а Розали залилась краской.

— Я могу все объяснить, — сказала она.

Марше в недоумении повернулся к ней.

— Неужели вы хотите сказать, что вы *заодно* с этим типом? — Он возмущенно тряхнул головой.

— Нет... да. — Краска с лица Розали так же быстро сбежала. — Все не так, как вам кажется, — загадочно выразилась она.

— А как же оно на самом деле? — спросил Марше.

Как бы желая подкрепиться перед долгим объяснением, Розали поднесла к губам чашку и отхлебнула большой глоток кофе со сливками. Затем решительным жестом поставила чашечку с изящным цветочным рисунком на блюдце.

— Хотя мсье Шерман иногда и ведет себя довольно вызывающе — он совсем не сумасшедший, — начала она свою речь. — Он только хочет доискаться до правды. Потому что история про синего тигра — для него нечто очень личное. — Она откашлялась. — А что касается этой истории в целом, то мы в связи с ней... натолкнулись на некоторые загадочные моменты...

— *Мы?* Так вы столкнулись с этим невежественным американцем и собираетесь меня в чем-то уличить?

Макс от возмущения сильно задышал и кинул на Роберта уничижительный взгляд.

«Ишь, как этот Марше распетушился! — подумал Роберт. — Типичный француз! Они же вообще считают себя выше всех. А спроси почему — никто не знает!»

Он с трудом сдерживался, чтобы не вступить в схватку, но Розали взглядом попросила его, чтобы он успокоился.

— Может быть, и вы теперь сомневаетесь, я ли написал историю про синего тигра? — спросил Марше с горьким смешком.

Розали замотала головой:

— Что вы! Я совершенно уверена, что это вы ее написали, — она кивнула в сторону библиотеки, — на том старом «ремингтоне», который стоит у вас на шкафчике. Так ведь?

Марше сузил глаза и нахмурился. Было видно, как он борется с собой,

чтобы не взорваться. Наконец он обернулся к Розали и посмотрел на нее с негодованием:

— Так это вы, оказывается! Вы напечатали на моей машинке этот текст? Не понимаю, что все это значит! Что за дурацкую игру вы со мной затеяли? Я хочу услышать объяснение. И немедленно! — Он хлопнул ладонью по столу.

Поспешно покидая дом, чтобы не попасться на глаза мадам Бонье, они замели за собой все следы, забыли только про оставшийся в машинке листок, вспомнил Роберт. Марше, наверное, очень удивился, когда его обнаружил.

— Макс, я должна вам признаться, — сказала Розали. — В тот день, когда я привозила вам ваши вещи, я потом еще раз сюда вернулась, потому что сделала находку, которую должна была показать Роберту. Мы были у вас в доме, Макс. Мы залезли через террасу.

И затем она, не вполне соблюдая точную хронологическую последовательность, рассказала о событиях последних трех недель.

Как Роберт после бурной сцены в лавке еще раз туда вернулся. Как он рассказал ей о своей матери и о том, что в детстве она каждый день рассказывала ему на ночь историю про синего тигра. О машинописной рукописи, которую он получил в наследство от матери. Об упавшей со шкафа коробке и как в руках у нее оказалась машинописная копия. Как она наконец вдруг поняла, что книга была посвящена не ей, Розали (при этих словах Марше немного покраснел), как она позвонила Роберту и они потом сравнили обе рукописи, которые оказались совершенно идентичными, и как ей пришла в голову мысль о пишущей машинке.

— И тут мы установили, что история была написана на этом старом «ремингтоне».

Розали кивнула Роберту, он достал из сумки две рукописи и выложил их рядом на столе. И тогда она обратила взгляд на Макса Марше, который, умолкнув, внимательно ее слушал.

— Почему вы не говорили, что эта история написана не сейчас, а много лет назад? Почему вы не стали разуверять меня, что посвящение предназначено мне? Я не сразу поняла, но, когда Роберт сказал, как звали его мать, я наконец сообразила, для кого была написана эта история.

Марше ничего не отвечал, он не отрывал глаз от двух рукописей на столе. Затем повернулся к Роберту.

— Позвольте спросить, как звали вашу матушку? — промолвил он срывающимся голосом.

— Руфь, — ответил тот. — Мою мать звали Руфь. Руфь Шерман,

урожденная Трюдо. И оригинал рукописи я нашел среди оставшихся после нее бумаг.

— Среди бумаг, оставшихся после нее? — Старик потрясенно взглянул на Роберта. — То есть, значит, ее уже нет в живых?

Роберт кивнул и снова почувствовал, как у него привычно сжалось горло, когда речь зашла о смерти его матери.

— Она умерла этой весной в мае. Через несколько дней после того, как мне исполнилось тридцать восемь. У нее был рак. Все произошло очень быстро. — Он проглотил комок в горле, и по его лицу пробежала печальная улыбка. — Такие вот дела. Она все собиралась съездить со мной в Париж. Подняться на Эйфелеву башню. В детстве она уже возила меня сюда. А потом вдруг оказалось, что поздно.

Марше побледнел. Некоторое время он помолчал, взгляд его стал далеким. Его глаза, устремленные в одну точку, на солнечном свете вдруг словно остекленели. Точка, куда он смотрел, была где-то далеко, за кустами гортензии, за садовой стеной, далеко за городком Ле-Везине, а может быть, и еще дальше — в бесконечной дали.

— Руфь, — повторил он. — Руфь Трюдо.

Он прикоснулся согнутым пальцем к губам и покивал головой.

Роберт почувствовал, как сердце у него забилось быстрее.

— Так вы ее знали? — осторожно спросила Розали. — Понимаете ли, мы с Робертом все время спрашивали себя, почему мама Роберта никогда о вас не упоминала, хотя ей так дорога была сказка про синего тигра. Как у нее очутилась эта сказка? Что было тогда, Макс?

Марше не отвечал.

Несколько минут они молча сидели вокруг стола, на котором так и стоял нетронутый яблочный пирог тарт татен. Точно кто-то остановил время.

Макс Марше кашлянул, и они встrepенулись.

— Говорят, — начал он, — что в каждом, даже самом мелком эпизоде нашей жизни заключена она вся — все, что было в ней раньше, и то, что лежит еще впереди. Вы спрашиваете меня, что тогда было. На это я могу ответить: все и... ничего.

Он прямо посмотрел в глаза Роберту, и тот сморгнул.

— Да, я знал вашу матушку. И я любил ее. Как сильно — я понял только потом. — Он потянулся за чашкой, и стало заметно, что его крупная рука, покрытая старческими пятнами, сильно дрожит. — С самого начала, как я воскресил синего тигра, у меня было какое-то недоброе чувство. Но поверьте, пожалуйста, что и для меня эта история значит очень много.

Возможно, было ошибкой доставать ее на свет из старой коробки. А возможно, это была самая лучшая мысль, которая когда-либо приходила мне в голову. Ведь иначе вы двое не сидели бы тут, не так ли?

Марше, казалось, уже немного взял себя в руки. Его взгляд с теплотой остановился на Розали, затем он перевел его на Роберта.

— Сын Руфи, — произнес он, качая головой. — Никогда не думал, что еще получу от нее весточку. И вот передо мной ее сын, которому нечаянно попала в Париже книжка про синего тигра, и он решил отстаивать свое право. — Старик улыбнулся. — В одном вы действительно правы, Роберт. Это и правда не моя история.

Роберт и Розали замерли, пораженные.

— Если уж быть честным, я не должен был ее опубликовывать. Тогда в Париже я подарил ее молодой женщине... Вашей матушке. Это было давно. Очень давно, хотя порой мне кажется, что это случилось вчера.

В этот день Макс Марше отправился в путешествие во времени. Оно привело его в прошлое, в Париж семидесятых годов. Там он встретил молодого человека, который много времени просиживал в кафе, выкуривал чересчур много сигарет и зарабатывал на жизнь в качестве внештатного редактора одной дневной газеты. И молодую американку с белокурыми волосами и яркими зелеными глазами, отправленную родителями на летние каникулы в Париж; ее отличало полное неумение ориентироваться в незнакомых местах.

Макс сам был удивлен, какое море картин из прошлого внезапно нахлынуло на него. Он был так захвачен своей собственной историей, что почти не замечал устремленных на себя взглядов двух молодых людей, которые слушали его рассказ.

— Я познакомился с Руфью, потому что она заблудилась, — говорил он. — Я сидел в кафе неподалеку от улицы Ожеро, на которой я жил тогда, снимая двухкомнатную квартирку на пятом этаже. Она была очень маленькой по сравнению с этой виллой. — Он с улыбкой махнул рукой в сторону дома, возвышавшегося у него за спиной. — Но боже мой, как же мы весело проводили время! У меня часто бывали друзья, иногда какая-нибудь девушка, а выглянув в окно, ты первым делом видел из него Эйфелеву башню, которая возвышалась в нескольких кварталах от этого дома. Вот чего у меня больше потом никогда не было, так это такого замечательного вида из окна.

— Вы хотели рассказать, как вы встретились с моей матерью, мсье Марше, — напомнил Роберт.

— Верно. — У него перед глазами, как живая, встала Руфь, идущая ему навстречу по улице в красном платье. — В этот жаркий летний день я впервые увидел вашу матушку. На ней было красное платье в белую крапинку. В руке у нее был путеводитель, и она каждые несколько шагов останавливалась и вертела книжку с картой города так и сяк и смотрела на таблички с названием улиц. Когда она в третий раз прошла мимо кафе, где я сидел, читая книжку, я встал и спросил ее, не могу ли чем-то помочь. Она облегченно вздохнула и взглянула на меня своими прекрасными, зелеными, чуть раскосыми, как у кошки, глазами, которые придавали ее лицу неповторимую прелесть. «Я, кажется, совсем заблудилась», — сказала она со смехом. Смеялась она чудесно. В ее смехе было столько оптимизма и

жизнерадостности, что я был сразу им покорен. «Я хочу посмотреть Эйфелеву башню. Она ведь находится в том направлении, верно?» Она заглянула в путеводитель и уверенно показала рукой совсем в другую сторону. «Нет-нет, мадемуазель! Вам надо идти как раз в противоположном направлении, отсюда будет совсем недалеко, — ответил я. Затем я захлопнул свою книжку. — Знаете что? Я сам вас провожу, иначе вы ее, наверное, никогда не отыщете».

Макс улыбнулся:

— Вот так все началось. В следующие четыре недели я водил Руфь по улицам Парижа все время, когда только позволяла моя работа. Я показывал ей город, мы побывали во всех художественных музеях. — Тихо улыбаясь, он покачал головой. — *Mon Dieu*, кто бы так обожал музеи, как она! В результате я посетил такие музеи, о существовании которых раньше даже не подозревал. Руфь любила картины. Ее в особенности привлекали импрессионисты: Моне, Мане, Боннар, Сезанн. Мы часто бывали с ней в галерее Же-де-Пом^[65], где были выставлены сохранившиеся картины. Она могла часами сидеть и глядеть на полотно, не произнося ни слова. Потом она оборачивалась и с улыбкой говорила: «Какое это должно быть счастье — создавать такое!» Я кивал в знак согласия, а сам думал, какое же это счастье — просто сидеть рядом с ней, иногда, как бы ненароком, касаясь ее плеча, или, взяв ее руку, ощущать окружающий ее аромат.

И, обращаясь к Роберту и Розали, он сказал:

— Не знаю, что это были за духи, но от нее всегда пахло мирабелью. Представляете себе? Как варенье из мирабелли! Это было неопишимо и кружило голову. Я больше никогда не встречал другой девушки, от которой пахло бы мирабелью. — Он вздохнул. — *Tempi passati!*^[66] Есть вещи, которых не вернуть. Тем драгоценнее воспоминания. — Почувствовав, что у него пересохло в горле, он кашлянул. — Наши отношения были подобны нежному романсу, и все ограничилось лишь несколькими поцелуями. Но проведенные рядом с ней мгновения значили для меня больше очень многого, что я впоследствии испытал в жизни. Каким огромным счастьем было глядеть в ее прелестное лицо или в выходной день вместе бродить, взявшись за руки, по парку Багатель, который она предпочитала всем другим паркам Парижа.

Он заметил, что Розали бросила Роберту выразительный взгляд, и у Макса мелькнул в голове вопрос: какие, собственно, отношения установились между ним и ею?

— Сегодня это трудно себе представить, но для меня просто сидеть в

кафе и ждать ее уже было счастьем. — Внезапно его взгляд упал на нетронутые тарелки на столе. — Прошу вас, угощайтесь яблочным пирогом! Какой же я плохой хозяин!

Розали разрезала пирог и разложила по тарелкам. Они отведали пирога с карамелизованными дольками яблока, которые так и блестели на слоеном тесте. А Макс поковырял в своем куске серебряной вилочкой и отложил ее в сторону, так и не попробовав собственного угощения.

— Не правда ли, странно, что иногда можно испытывать огромное счастье, хотя знаешь, что тебе не на что надеяться? — спросил он задумчиво и посмотрел на Роберта, который от волнения уже приканчивал последний кусочек и сейчас обратил на него вопросительный взгляд. — Да-да, не на что. Так как наша любовь была безнадежной. Она была ограничена несколькими неделями, и мы это хорошо понимали. В первый же день, когда я проводил Руфь к Эйфелевой башне, а затем спросил, не выпьет ли она со мной бокал вина, она рассказала мне, что помолвлена и в Америке у нее остался жених. По всей видимости, очень хороший человек, симпатичный, из хорошей семьи, успешный адвокат, который носил ее на руках. И что в конце лета у них назначена свадьба. «К сожалению, я уже помолвлена, — сказала она с улыбкой. — И тут ничего нельзя поделать». — «Но сейчас-то ты здесь, в Париже», — ответил я и постарался отогнать куда-нибудь подальше мысль о том, что за океаном ее ждет жених. Мы понимали, что когда-то этому наступит конец. И я все равно держал ее руку в своей, и все равно попросил: «Пожалуйста, один поцелуй!» — когда мы вечером плыли по Сене на прогулочном катере и Эйфелева башня высилась впереди так близко, что, казалось, до нее можно дотронуться, стоит только протянуть руку. — Макс вздохнул с выражением счастья на лице. — И она все равно меня поцеловала, и мы влюбились друг в друга и были так счастливы, словно этому никогда не будет конца.

— Но этому все же пришел конец, — произнес Роберт.

Макс помолчал. Он вспоминал, как Руфь под проливным дождем уезжала на такси в аэропорт. Она не захотела, чтобы он ее провожал.

— Я никогда не скрывала, что должна буду вернуться домой, — сказала она утром в день отъезда, когда, вся бледная от переживаний, прощалась с ним.

— Я помню. — Его сердце сжалось так, словно на него плеснули ледяной водой.

Она кусала губы, не в силах переносить его молчание.

— Мы можем иногда писать друг другу письма, — сказала она, умоляюще заглядывая ему в глаза.

Ее взгляд словно бы говорил: «Это и так тяжело, не делай все еще тяжелее».

— Да, конечно, как же иначе, — сказал он, а она заставила себя улыбнуться, но в душе оба знали, что никаких писем не будет.

Это был бесконечно грустный момент. Под конец она с необыкновенной нежностью погладила его по щеке и в последний раз заглянула в глаза.

— Я никогда не забуду тебя, mon petit tigre^[67], — сказала она. — Это я тебе обещаю.

И затем ушла, тихонько затворив за собой дверь.

Макс грустно улыбнулся и не сразу заметил, что Розали смотрит на него, все еще дожидаясь его ответа.

— Да, вот так кончилась эта история, — просто сказал Макс. — Руфь исчезла из моей жизни так же, как появилась, — с чарующей легкостью, а я остался с тем словом, печальней которого я не знаю: никогда. Я отпустил ее, потому что не сознавал тогда всей безмерности этой утраты. Потому что верил, что тут уже ничего нельзя изменить. Я был тогда молод и многого не понимал.

Я думал, что это безнадежное дело. Вероятно, мне надо было за нее бороться. Даже наверняка. Иногда человек, лишь пережив утрату, начинает понимать ее значение.

Он увидел, как Роберт кивнул, прежде чем сказать:

— И тогда она вышла замуж за Поля, моего отца. И она больше никогда не давала вам о себе знать?

Макс отрицательно покачал головой:

— Я больше ничего о ней не слышал. До этого дня, — добавил он. — Но, вспоминая сегодня то лето, я понимаю, что это были лучшие дни моей жизни. Какая в них была легкость! — улыбнулся он. — Словно картинки, набросанные красочными мазками. Это, правда, я знал и тогда.

Они помолчали. Солнце, словно красный мяч, стояло над старой каменной стеной, которая высилась в конце сада темной тенью. У Макса заныло больное бедро, но он не обращал на это внимания. Он то и дело поглядывал на молодого человека, который, сложив домиком ладони перед лицом, смотрел в пустоту. По Роберту было видно, что он думает об услышанном.

— Мама никогда мне об этом не рассказывала, — заговорил он наконец. — У меня всегда было такое впечатление, что мои родители очень счастливы друг с другом. Их отношения хорошо сложились, они никогда не ссорились и часто вместе смеялись.

Макс кивнул:

— Охотно верю. За жизнь можно испытать разного рода любовь, и я уверен, что большое сердце вашей матушки могло сделать счастливыми многих людей. Вашему отцу, Роберт, можно позавидовать.

— Ну а что же история про тигра? Когда вы передали ей эту сказку? — спросил Роберт.

— Ах да! Моя сказочка... Кстати, эта история была у меня самой первой, я отдал ее Руфи в один из последних дней, когда мы ездили на пикник в парк Багатель. Был прекрасный день, в воздухе пахло дождем, а мы перед тем сильно промокли, потому что случилась небольшая гроза. Но на солнце наша одежда скоро высохла.

Макс хорошо помнил, как они там лежали на лужайке, подстелив клетчатое одеяло. Под старым деревом на пригорке, неподалеку от грота Четырех Ветров. Руфь выбрала это место, сказав, что оно отлично подходит для пикника.

— У Руфи был фотоаппарат для моментальной съемки, который сразу выдавал фотографии, тогда такие камеры были в моде, и я снял ее, а она подарила мне эту фотографию, — мне кажется, она у меня сохранилась.

— Да, сохранилась. По-моему, я видела ее в коробке, — вставила Розали.

— В тот день я подарил ей историю про синего тигра, — продолжал Макс. — Оригинал я отдал в переплет, а себе оставил второй экземпляр. Первоначально на титульном листе было написано: «Посвящается Руфи, которую я никогда не забуду». Но потом я подумал, что такое посвящение чересчур прозрачно. Тогда я заменил первую страницу, оставив только «Посвящается Р.». — Смущенно взглянув на Розали, Макс погладил бороду. — И это стало источником некоторых недоразумений.

Увидев улыбку на лице Розали, он с облегчением подумал, что она простила ему этот маленький обман, причиной которого было его тщеславие. Он, конечно же, не хотел признаваться, что просто взял сказку из старых запасов, потому что не придумал ничего нового. А вдобавок ему польстило, как она обрадовалась, ошибочно решив, что сказка посвящена ей.

— Но если бы это была новая история, я бы, разумеется, посвятил ее вам, моя дорогая Розали. Потому что должен кое в чем вам признаться.

— Признаться? — переспросила она.

— То, как вы смеетесь, мне сразу же напомнило Руфь.

— Да ну? — засмеялась Розали.

Роберт беспокойно заерзал на сиденье, и было нетрудно понять, что

его мучит еще какой-то вопрос.

— Так, значит, в вашей истории, которую столько раз рассказывала мне мама, речь идет о ней и о вас?

Макс кивнул:

— Это, конечно, поймет только тот, кто знает. Руфь — это Элоиза, девочка с золотыми волосами, которая верит в своего синего тигра — облачного тигра.

— Он улыбнулся. — А тигр — это я. Иногда она называла меня *le petit tigre*, а мне это очень нравилось.

— А страна, такая далекая, что в нее нельзя долететь самолетом, а только перенестись мечтой... — начал Роберт.

— ...Это наша страна, — закончил за него фразу Макс. — Я надеялся, что так Руфь меня не забудет, и, как вижу теперь, она не забыла.

Он кивнул, и его глаза заблестели непривычным блеском. О том, что ночной полет над Парижем тоже заключал в себе особенный смысл, он не стал говорить.

Однажды ночью они летали. Это была магическая, блаженная, сказочная ночь, которой должно было хватить на всю жизнь, и после пережитого восторга они на рассвете расстались друг с другом с горьким чувством неминуемой разлуки.

Она сдержала свое обещание. Робкая улыбка промелькнула на лице Макса:

— Надеюсь, Роберт, вы не рассердились на меня, когда я обрадовался, узнав, что Руфь меня не забыла. И конечно, я также рад, что мне довелось узнать ее сына. Ваша матушка очень много значила для меня.

— А можно мне посмотреть фотографию — фотографию моей матери?

— Разумеется. Если Розали будет так добра и достанет коробку с платяного шкафа. Я сам, к сожалению, еще не способен лазить по верхам.

Пока Розали ходила наверх в спальню, взгляд Макса сочувственно следил за Робертом, который то и дело сжимал и расжимал пальцы. Не так-то просто пережить обрушившуюся из прошлого неожиданность! Тем более из прошлого, которое от тебя не зависело.

— Почему она мне никогда ничего об этом не рассказывала? — заговорил он наконец. — Ведь я был уже не мальчик, и все это такая давняя история. Я бы мог это понять...

— Не надо в этом слишком копаться, мой мальчик. Ваша матушка поступила совершенно правильно, я в этом уверен. Она была удивительная женщина — еще в те годы, — и она вас, как видно, очень сильно любила.

Иначе вы не стали бы тем, что есть.

Роберт благодарно кивнул.

— Да, наверно, вы правы, — сказал он, и его лицо посветлело.

Вскоре вернулась Розали.

— Это та самая? — спросила она, кладя на стол поблекшую цветную фотографию. Мужчины оба склонились, чтобы на нее посмотреть.

— Да, — сказал Макс. — Это фотография из парка Багатель.

Роберт придвинул к себе снимок и кивнул.

— Да, — сказал и он. — Это мама. Ее невозможно не узнать. — Его взгляд задержался на молодой женщине, которая стояла под деревом и, смеясь, смотрела в объектив. — Боже мой, этот смех! — воскликнул он и провел рукой по лицу. — Этот смех она сохранила на всю жизнь.

Уже после заката Макс Марше распрощался со своими гостями. Роберт выразил желание увидеть то место, где был сделан снимок его матери, и они договорились съездить завтра все вместе в Булонский лес.

— Отыскать дерево не трудно, — сказал Макс. — Только бы мне вообще туда добраться на этих дурацких штуках, — добавил он, показывая на свои костыли.

— Ну, с этим-то вы справитесь! В случае чего мы вас докатим, там наверняка выдают напрокат инвалидные кресла, — успокоила его Розали, а в ее смехе было что-то такое, что рассеивало все сомнения.

Затем гости сели в маленький автомобильчик Розали и уехали. Макс еще постоял в дверях, провожая их глазами. Жизнь продолжалась. Она всегда продолжается. Огонь, который передают друг другу по эстафете, пока он не домчится до места назначения.

Он приковылял обратно на террасу и снова уселся в плетеное кресло. Над садом разливалась ночная прохлада. Макс задумчиво посмотрел на выцветшую фотографию, все еще лежавшую на столе.

Откинувшись в кресле, он на миг закрыл глаза. Перед ним предстали двое, он и она, полные молодого задора, в солнечный день в Булонском лесу. Улегшись на клетчатом одеяле под старым каштаном, они шутили и веселились. Шершавое одеяло было немного кусачее. Руфь была в красном платье в белую крапинку, которое так ему нравилось, и губы у нее были почти такими же яркими, как платье. Солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на одеяле и ее голых ногах пляшущие блики. Босоножки она скинула. Чирикала птичка. Небо было синее синего. По нему неспешно проплывало облако.

Стоял чудный летний денек, и казалось невообразимым, что он когда-

нибудь кончится со всем его великолепием. Всюду ощущалась какая-то необычайная легкость, такая явственная, что хоть трогай ее руками. И Макс вдруг почувствовал такую же легкость в своем сердце. Стоит захотеть — и полетишь!

Он открыл глаза и ощутил, как его охватила давно забытая любовь к жизни. Да, он любит эту жизнь, такую богатую, а порой почти нищенски бедную. Но она — это все, что у тебя есть.

Он взял со стола фотографию, перевернул ее и на обороте увидел сделанную карандашом пометку: 22 июля 1974.

Долго еще он сидел, уставив взгляд в сумерки. И одна мысль, мелькнувшая у него днем, мелькнувшая так легко, как невесомое касание руки молодой женщины, вдруг неодолимо завладела его сознанием.

— Неужели нельзя было обойтись без того, чтобы пинать меня ногой в голень? — спросил Роберт, когда они выехали на маленькую улочку, ведущую от дома.

— Или, по-твоему, это та чуткость, о которой ты столько говоришь?

Поддернув штанину, он любовался на красовавшийся под ней солидный синяк.

— Я думала, американцы не боятся боли, — отшутилась Розали.

— Индейцы, индейцы не боятся, — поправил ее Роберт. — А я всего лишь жалкий, изнеженный янки.

— Тем не менее иначе тебя было не остановить. Я боялась, как бы ты с ним не подрался и вы не покалечили друг друга.

Она не задумываясь говорила ему «ты». Они перешли на «ты», еще когда убрали со стола и относили на кухню посуду. После решающего разговора в гостях у Макса и после всего, что они вместе пережили, было бы даже странно продолжать разговаривать на «вы».

Роберт широко улыбнулся:

— А твой Макс, вообще, ничего. Даже очень симпатичный человек. Хотя все-таки как-то странно повстречаться со стариком, который... ну, так сказать... был влюблен в твою мать. — Он растерянно пожал плечами.

— Тем более когда твоя мать ни разу об этом не обмолвилась, — добавила Розали. — Хотя, с другой стороны, она тогда была уже помолвлена с Полем. Может быть, ей это было неприятно. Или все показалось ей каким-то нереальным, когда она вернулась в Америку и очутилась в своем привычном окружении.

— Таким нереальным, что она потом всю жизнь рассказывала мне на ночь сказку, которую он написал?

— Ну и что? Это же так романтично! По-моему, любому бы потом захотелось вспоминать такую необычную историю. Возможно, то, что они расстались, придавало этой любви особое очарование, — предположила Розали.

— Кроме того, «Синий тигр» — очень хорошая сказка. Меня, по крайней мере, она при первом чтении очень тронула. Хотя я и не знала, какая в ней кроется тайна, — продолжала размышлять Розали. — И как ни печально было для Макса то, что случилось, после этого он начал писать. То есть писать *по-настоящему*. Руфь стала, так сказать, его музой. — Она

мельком взглянула на Роберта. — Макс написал еще много других замечательных книг. Тебе стоило бы их почитать. В детстве я ими зачитывалась.

— Гм, — произнес Роберт.

Не то в нем говорила усталость, не то он был занят собственными мыслями. Во всяком случае, душой он был сейчас где-то далеко, и Розали решила ему не мешать.

Направляя машину в Нантерский тоннель, она почувствовала, как ее окончательно отпустила всякая напряженность.

Она радовалась, с облегчением думая о том, что непростая встреча двух мужчин прошла так гладко. Слава богу, все кончилось для них обоюдным примирением. Макс, которого очень потрясло печальное известие о том, что Руфь умерла, забыл о предшествующей вражде с Робертом и был искренне рад, что познакомился с сыном Руфи. На прощание он обнял обоих своих гостей.

Розали призналась себе, что была бы очень огорчена, если бы Макс и Роберт расстались непримиримыми недругами. Ведь они оба, как она с удивлением поняла, были дороги ее сердцу.

Она включила поворотник, вывернула на скоростную магистраль и с ужасом вспомнила, какая враждебная атмосфера установилась между ними вначале. Как они, сидя друг против друга, сверкая глазами, гневно обличали один другого, обвиняя во французской спеси и американском невежестве! В какое-то мгновение ей даже показалось, что возмущенный хозяин вышвырнет их из дома, не дожидаясь никаких объяснений. Но к концу дня у нее создалось впечатление, что между Максом и Робертом установились отношения взаимного интереса и симпатии. Иначе Роберт вряд ли предложил бы отправиться завтра вместе в Булонский лес.

Она с нетерпением ждала этой поездки по следам миссис Шерман, вернее сказать — по следам мисс Руфи Трюдо, — женщины, которая странной волею судьбы стала связующим звеном между этими двумя столь разными людьми.

Она снова оглянулась на Роберта, который все еще сидел молча. Эти ночные поездки с профессором-шекспироведом незаметно стали для нее милой привычкой, подумала Розали. Однако на этот раз их не разделяло неловкое молчание, как во время прошлого посещения Ле-Везине, в этом молчании, вызванном усталостью, напротив, было что-то сближающее.

Все недоразумения и споры, которые они пережили, все тайны и догадки в конце концов сошлись воедино и привели их на виллу старого детского писателя, и он поведал им свою историю — историю давно

минувшей любви, такой светлой и бесконечно печальной!

Розали прислонилась затылком к подголовнику и повертела головой слева направо и обратно. Под равномерный шум мотора машина плавно мчалась сквозь тьму по шоссе. Под мелькание фонарей, освещавших тоннель, которые пролетали мимо через равные промежутки, на миг ослепляя глаза вспышками холодного света, Розали заново перебрала в памяти сцены, описанные в «Синем тигре», пытаясь отыскать в них новые подсказки. Она сама иллюстрировала эту книжку и знала ее теперь чуть ли не наизусть, но ни за что бы не догадалась, что на самом деле речь в этой сказке идет о двух влюбленных, которым не дано было соединиться и которым в конце концов осталась только мечта и... воспоминания.

Она выехала из туннеля и вскоре очутилась на круговом перекрестке, от которого дорога вела к Елисейским Полям. Розали встретила в нужный ряд и увидела впереди черный обелиск площади Согласия, высившийся в конце длинной аллеи как поднятый перст.

Поиски были закончены, разгадка найдена. Но что же дальше? Да и будет ли что-нибудь дальше? Розали поймала себя на мысли, что завтрашний день и в их с Робертом истории поставит жирную точку.

Остановившись на красный свет, она покосилась на Роберта. Теперь он сидел с открытыми глазами, задумчиво глядя в окно. Она внимательно присмотрелась к его лицу. Интересно, какие мысли бродят у него в голове? Правда, которую он узнал о своей матери, должно быть, сильно его взбудоражила. Розали видела, как он хмурит лоб и как играют на щеках желваки. Ей захотелось обнять его. Сказать какие-то нужные слова. Но увы, ничего подходящего не приходило в голову.

— Удивительно, правда, чего только не бывает в жизни! — произнесла она наконец. — У тебя должно быть чудное ощущение.

Не раздумывая, она взяла его за руку и пожала ее.

— Ладно, не так все страшно, как кажется, — возразил он, удерживая ее руку в своей. Его пожатие было крепким и теплым. Как его поцелуй тогда в саду. — Да и нет ничего страшного, только... странно, — продолжал он. — Многое предстает в каком-то новом свете. — Их пальцы соединились. Казалось, их руки нашли собственный общий язык. — Теперь мне даже кажется, будто мама хотела дать мне подсказку «Синим тигром» и теми словами, которые она повторяла, говоря о Париже.

— А что твоя мама говорила о Париже?

— Что это всегда хорошая идея? — Он невольно заулыбался.

— Вопросительный знак можешь спокойно отбросить, — с улыбкой возразила Розали. — Понимаешь, это действительно так: Париж — это

всегда хорошо! — Она с сожалением забрала у него свою руку и переключилась на вторую скорость, заворачивая с бульвара Сен-Жермен в боковую улочку и высматривая впереди через ветровое стекло свободное место. — Кроме тех случаев, когда тебе надо припарковаться.

На этот раз Розали не высадила его у дверей гостиницы. После того как ей удалось, против всех ожиданий, втиснуться в крошечное свободное пространство между двумя машинами, разумеется задев при этом и ту, что впереди, и ту, что сзади («А зачем тогда нужен бампер?» — удивленно спросила она), они вышли, и он пошел провожать ее на улицу дю-Драгон. Из-за двери подал голос Уильям Моррис, который сначала тьякнул, а затем радостно заскулил.

— Хочешь зайти, подняться наверх и выпить со мной стаканчик вина? — спросила Розали, отпирая замок. Она старалась, чтобы этот вопрос прозвучал по возможности вскользь. — Или боишься моей собачки?

Роберт помотал головой:

— Нет-нет. Мы с Уильямом Моррисом успели, по-моему, подружиться. — А затем, скривив губы в иронической улыбке, добавил: — А вот что скажет твой личный телохранитель? А ну как вызовет меня на поединок!

Рене! Розали почувствовала, что краснеет, и утешалась только тем, что в слабом уличном освещении Роберт ничего не заметит. Среди всех треволнений она совсем забыла про своего друга, который — как она тут же вспомнила — был уже не ее друг!

Она улыбнулась улыбкой сфинкса:

— Мой личный телохранитель, судя по всему, нашел в Сан-Диего бегунью на длинные дистанции и теперь решил охранять ее, — ответила она, не вдаваясь в подробности.

— Ах вот оно как? — Роберт удивленно приподнял брови и расплылся в улыбке, как кот при виде кувшина сливок. — Как же это случилось?

Розали оставила этот вопрос без ответа, и он поднялся вслед за ней по винтовой лестнице в ее маленькую квартирку. Войдя, он с любопытством стал осматриваться вокруг и задержался перед просторным столом, разглядывая лежавшие на нем рисунки.

— Садись! — Включив торшер, она кивнула на кресло, стоявшее возле кровати. — Сейчас принесу из кухни бокал вина.

Она сбросила босоножки, а он положил на кресло свою сумку и стал ходить по комнате. Наконец он остановился перед фотографией ее отца, которая висела над письменным столом.

— Твой отец? — спросил он.

Она кивнула.

— Сразу видно, — сказал он, разглядывая фотографию. — Каштановые волосы, лоб с четко прорисованными бровями, большой рот. Выглядит симпатично. — Роберт обернулся к Розали и взъерошил пятерней волосы. — А я больше пошел в мать.

— Ах да, — улыбнулась Розали. — *Золотистые* волосы! — Ей вспомнилась выцветшая фотография Руфи. Затем она пошла в атаку: — А от кого у тебя эти невероятные голубые глаза?

— О, благодарю за комплимент! — широко улыбнулся он, стараясь за шуткой скрыть смущение. — Исторический момент!

— Почему исторический?

— По-моему, это первый комплимент, который я получаю от некоей Розали Лоран.

— Может быть, причина в том, что некий Роберт Шерман до сих пор давал мне мало поводов для комплиментов? — парировала она. — Готова держать пари, что на отсутствие комплиментов тебе не приходится жаловаться. Наверняка я не первая женщина, обратившая внимание на твои глаза.

Розали хорошо помнила, как он впервые остановился перед ее витриной и цвет его глаз еще тогда произвел на нее сильное впечатление.

— Да ну... что там... подумаешь... — Он небрежно отмахнулся, лицемерно изображая скромность. — Не так уж и много. Сотня, наверное, не больше.

— Комплиментов или женщин?

Он иронически улыбнулся:

— Комплиментов, конечно. Я же не какой-нибудь там Казанова! Но если уж ответить на твой вопрос, то глаза у меня не от папы и не от мамы, а от дедушки по материнской линии, которого я, к сожалению, никогда не видел. У нас в семье поднялся тогда настоящий переполох из-за этого... — тут он изобразил двумя пальцами кавычки, — крошки Шермана с голубыми глазами.

Он засмеялся, а Розали попробовала представить себе этого рослого мужчину в сине-белой рубашке в полоску маленьким мальчиком.

— Тетушка, по-моему, уже прочила мне актерскую карьеру. Этакого Роберта Редфорда для бедных, — пояснил он, подмигивая. — Но для актера я все-таки недостаточно хорош собой.

— Ой, знаешь, — склонив набок голову, заявила Розали, — красота — еще не самое главное. По-моему, для профессора литературы того, что есть,

вполне достаточно.

Через несколько минут она вернулась с двумя бокалами красного вина. Роберт все еще стоял, оглядывая комнату.

Она отдала ему один бокал.

— А за что мы пьем? — спросил он.

Красное вино дразняще покачивалось в его бокале.

— Как тебе такой тост: за завершение наших совместных поисков? — предложила Розали.

— Да, давай выпьем за завершение наших совместных поисков, — повторил он за ней, но что-то в его тоне намекало, что он подразумевает под этими словами что-то совсем другое. — И за то, что после не слишком удачного старта нам все-таки удалось стать добрыми друзьями, — прибавил он от себя.

Оба отпили из бокалов по большому глотку. Розали тотчас же почувствовала действие вина. Ничего удивительного, ведь она с самого утра ничего не ела, кроме маленького кусочка яблочного пирога. Интересно, что он имел в виду под «добрыми друзьями»?

Роберт наполовину опорожнил свой бокал и посмотрел на нее:

— Может быть, мы больше, чем просто друзья.

Розали немного смущенно улыбнулась, чувствуя, как у нее закружилась голова. Она посмотрела на Роберта, который поставил свой бокал на круглый столик рядом с креслом.

— Так вот где ты скрываешься, когда тебя нет в лавке, — произнес он. — Очень уютно.

Его взгляд невольно задержался на французской кровати, накрытой большим бело-голубым покрывалом, на котором были раскиданы выдержанные в синих тонах подушки самых разных форм и размеров.

— Да, это мой укромный уголок, куда я прячусь, когда хочу побыть одна.

— Розали распахнула окно, выходящее на крышу. — Et voila — вот моя вторая комната.

Оставив бокал на низеньком книжном шкафчике возле окна, она выглянула и посмотрела на ночное небо. Проплывающее облачко закрыло собой лунный серп, и при некотором воображении в его очертаниях можно было узнать тигра. Розали постояла у окна, глубоко вдыхая прохладный воздух, и тут вдруг ей ужасно захотелось выкурить сигарету.

Сзади подошел Роберт, и она почувствовала, как по шее побежали мурашки. Сегодня она собрала волосы в узел и закрепила его на затылке

большой черепаховой заколкой.

— На самом деле очень, очень красиво, — произнес он тихонько, и Розали не могла понять, действительно ли он имел в виду ее садик на крыше, беспорядочно уставленный цветочными горшками и заросший по бокам кустами, которые отгораживали его от посторонних глаз.

Она ощутила на шее его дыхание.

— А как хорошо пахнет! Словно в зачарованном саду!

Он отвел рукой выбившуюся из узла прядку, и его губы коснулись ее шеи таким легким поцелуем, что она не могла бы с уверенностью сказать, было это на самом деле или ей только почудилось.

— Это, должно быть... гелиотроп... вон там...

С сильно забившимся сердцем она кивнула на куст, покрытый крошечными темно-фиолетовыми цветами, от которых в воздухе повеяло тонким ванильным ароматом.

— Не думаю, — сказал он тихо.

— Что?

Она несмело обернулась. Нежный взгляд Роберта был устремлен на нее.

— Пахнет лесной земляникой, — вымолвил он тихо, зарывшись лицом в ее волосы. — Лесной земляникой и свежестью дождя. Я узнаю этот аромат среди тысяч других.

Он нежно взял в ладони ее лицо и поцеловал.

В этот вечер Розали не оставила записи в своей записной книжке.

Ей было не до того, чтобы писать в дневнике.

Наутро Розали проснулась, против обыкновения, очень рано. Было воскресенье, половина шестого. Левая рука у нее онемела. Причиной тому был американский профессор литературы, который лежал, придавив ее своей тяжестью, и который, оказывается, не знал, что значит «Je te kiffe»^[68]. Его французский явно несколько устарел. Улыбаясь, Розали попыталась вытащить свою руку из-под Роберта так, чтобы его не разбудить. Она потянулась спросонья и блаженно вздохнула.

Ее первоначальный план выманить Роберта на террасу, чтобы там пить вино, выкурить сигарету и любоваться на луну, провалился.

Какая-то неведомая сила занялась режиссурой, доказав ей, что жизнь иной раз — хотя и редко, но все же так случается — бывает романтичнее всего, что ты можешь придумать.

Роберт ее поцеловал, и на террасу они так и не выбрались.

После поцелуя, который длился бесконечно, потому что ни Роберт, ни Розали даже помыслить не могли о том, чтобы прервать его, они наконец все же вынуждены были оторваться друг от друга и набрать в легкие воздуха.

Заколка раскрылась и упала на пол — как и много всего остального, что было сейчас лишним, когда они, опьяненные, держа друг друга в объятиях, кое-как добрались до кровати. Смеясь и что-то шепча, лаская друг друга словами и руками, они погрузились в мягкие подушки как в море радости, где не было слышно ничего, кроме биения двух сердец.

«Je te kiffe», — сказала она немного позже, ероша пальцами его волосы.

Они лежали лицом друг к другу на смятом покрывале так близко, как почти три недели назад под пыльной кроватью в Ле-Везине.

— Kiffe? Это что — курить травку? Зачем тебе вдруг? — удивился Роберт. Глядя на его озадаченное лицо, Розали не удержалась от смеха.

— For heaven's sake, вот уж действительно странные у вас, у француженок, причуды!

— Вот балда! — сказала она. — Это просто значит, что ты мне нравишься.

— Ах, так я ей, оказывается, *нравлюсь!* — отозвался он, а затем быстрым движением привлек ее к себе и стал страстно целовать. — Так я *нравлюсь* тебе? А кроме того, что *нравлюсь*?

Она засмеялась, а потом улыбнулась и поглядела на него.

— Я люблю тебя, — сказала Розали, и тогда он удовлетворенно кивнул и провел пальцем по ее бровям, носу и губам.

— Это хорошо, это очень хорошо, — приговаривал он. — Потому что, девочка моя, я тоже тебя люблю.

Он лег на спину и сложил руки за головой.

— Господи боже мой! — произнес он. — Такой волнующий выдался день. Но по сравнению с ночью...

Не dokonчив фразы, он умолк, глядя в потолок, а она притулилась под боком у него.

— Ну ладно, — сказала она. — «Kiffe» отменяется, а как насчет сигареты? Мысленно она попросила прощения у Рене, но ведь от одной сигареты она не свалится замертво!

— Я как раз стараюсь бросить курить, — сказал Роберт.

— О, это хорошо. Я тоже, — заявила она.

— Иначе говоря — одну сигаретку для отвычки.

— Точно!

Обменявшись с Робертом выразительным взглядом, Розали вскочила с кровати.

— Скорей, пока никто из нас не передумал! — пояснила она свою спешку. Когда она дала ему прикурить, и он, сделав глубокую затяжку, с улыбкой откинулся на подушку, небрежно положив правую руку с зажатой между большим и указательным пальцами сигаретой на приподнятые колени, она, глядя на него, вдруг застыла в удивлении, пораженная ощущением дежавю.

— Чего ты? — спросил он.

— Ничего. Мне кажется, я знала тебя в другой жизни.

Розали помотала головой и улыбнулась растерянной улыбкой. Она сама не могла бы сказать, что произвело на нее такое неожиданное впечатление.

Но сейчас, босиком, в коротенькой ночной рубашке, вернувшись из ванной и окинув любящим взглядом спящего мужчину, лежавшего с растрепанными волосами поперек кровати, замотавшегося в простыню и покрывало, из которых наружу торчала его правая нога, она вдруг поняла, в чем дело.

— Не может быть! — прошептала она, пробудившись от дремотного состояния.

Склонившись над кроватью, она, не веря своим глазам, наморщив лоб,

разглядывала высунутую наружу правую ступню Роберта.

На первый взгляд, можно было подумать, что спящий мужчина в пылу любовной схватки набил себе на пальце синяк. Но при внимательном взгляде было видно, что это не синяк и не гематома.

На мизинце правой ноги у Роберта Шермана красовалось очень заметное темно-коричневое пятно. Розали вспомнила, что недавно видела такое же родимое пятно у другого мужчины.

Она оторвала взгляд от Роберта, перевела дух, и тут на нее в бешеном темпе одна за другой накатили картины: светлые голубые глаза, симпатичная кошачья улыбка, сердитая вертикальная складка на лбу, сильные руки с длинными пальцами, привычка с вызовом приподнимать брови.

Правда давно была у нее перед глазами. Почему она раньше не могла ее разглядеть?

Внезапно девушке стало ясно, что вызвало у нее такое беспокойство при взгляде на старую фотографию Макса Марше. Дело было не в том, что Макс курил сигарету или что на ней он был без бороды. Дело было в его несомненном сходстве с Робертом, его сыном.

Обнаружив рано утром предательское родимое пятно, Розали для начала приготовила себе чашку кофе со сливками. Больше часа она просидела, поджав ноги, на синем деревянном стуле в кухне, обдумывая положение. Надо ли сказать Роберту правду? Для Розали было несомненным фактом, что Макс Марше — его отец. Но с какими обстоятельствами это связано, не знал никто. Что произошло тогда на самом деле? Макс, по-видимому, не подозревал, что у него есть сын, а единственного человека, которого мог бы спросить Роберт, его матери, уже не было в живых.

Однако Поль Шерман, которого Роберт считал своим отцом, тоже умер. Если бы Поль был жив, правильной было бы не ворошить прошлое, ибо тогда правда могла бы вызвать разрушительные последствия и принести больше вреда, чем пользы. Теперь же все складывалось так, что молодой человек, потерявший родителей, найдет своего отца. А старик, который думал, что у него нет детей, найдет сына.

И за завтраком Розали как можно бережнее посвятила Роберта в свое открытие.

Роберт был как громом поражен.

— Какая ерунда! Этого быть не может! Мой отец — Поль. — Он отчаянно замотал головой.

Но чем дольше он слушал Розали, тем больше задумывался.

— Сходство между вами невозможно отрицать, — закончила она свои рассуждения. — Будь Макс моложе и без бороды, я бы, наверное, заметила это гораздо раньше.

Вспомнив, при каких обстоятельствах она познакомилась с Максом и с Робертом, она невольно улыбнулась:

— Я бы даже сказала, что вас объединяет еще и общая склонность к опрокидыванию открыточных стоек.

— Но Макс же сказал, что между ними ничего не было, — беспомощно возразил Роберт.

Розали села к нему на кровать:

— Ты невнимательно слушал его, топ атоир^[69]. Он сказал, что произошло все и ничего. Возможно, дело не свелось к одним поцелуям. Возможно, одну ночь они были вместе — волшебную ночь, когда они летали над Парижем, — сказала она, вспомнив сказку.

— А дальше?

Розали задумалась:

— Да, что было дальше? Руфь едет в Нью-Йорк, где ее ждет не дождется Поль. Они женятся. Руфь беременна, все в восторге, и, возможно, она сама поначалу думает, что это ребенок Поля, но потом замечает черты сходства.

— Такие, как, например, голубые глаза.

Розали кивнула:

— Правильно. Или это родимое пятно. Или множество других. Все остальные видят то, что хотят видеть. Но уже поздно. Ребенок родился, и Поль счастлив, что у него сын. Руфь не хочет ставить под угрозу свой брак. Она проживает новую жизнь. И это хорошая, наполненная жизнь. И она хранит молчание. До самого конца. Она же не предполагала, что Марше когда-то все же опубликует эту историю и ты узнаешь, как было на самом деле.

Роберт, казалось, заколебался.

— Так ты считаешь, что она всю жизнь это знала? — спросил он.

Розали кивнула:

— Это была тайна, которой она ни с кем не могла поделиться. Ни с Максом. Ни даже с тобой. Жалея твоего отца. И всех вас.

Некоторое время Роберт сидел молча, обхватив голову руками.

— Я должен поговорить с Марше, — сказал он наконец с очень серьезным видом. — Боюсь, как бы ты не оказалась права в своих предположениях.

Она обняла его за плечи:

— По-моему, тебе надо поехать сегодня в Булонский лес без меня и выговориться с Максом. Думаю, он, так же как и ты, не знал правды. Но вместе вы до нее скорее доберетесь.

Роберт кивнул. Потом вдруг, словно вспомнив что-то, он сначала стиснул губы, а потом сказал:

— Тут есть еще один момент. Примерно через полгода после того, как умер отец, мы с мамой ездили в Париж. Мне было тогда двенадцать, и я как сейчас помню то радостное возбуждение, которое вдруг охватило маму. Словно в этом городе должно случиться что-то замечательное. Но ничего не случилось. — Он задумчиво покачал головой. — Во всяком случае, насколько мне известно. А в конце нашей поездки она очень погрустнела. Меня это встревожило, хотя я был еще ребенком.

Розали пожала плечами. Ее невидящий взгляд был устремлен в окно.

— Почему она после смерти отца поехала со мной в Париж? Хотела ли она еще раз повидать места, где встретила свою давнюю любовь? Хотела ли она повидаться с Максом? И по какой-то причине это не удалось? — Он беспомощно вздохнул. — Столько вопросов! Получу ли я когда-нибудь на них ответ?

— У тебя все получится. Передай от меня привет Макс! — сказала Розали, стоя перед знаменитым пивным баром «Брассери Липп» на бульваре Сен-Жермен.

Видя, что у Роберта беспокойно на душе, она проводила его до ближайшей стоянки такси. Дальше ему придется ехать одному. В кафе под белыми зонтами, неподалеку от кованых ворот, за которыми начинается парк Багатель, состоится разговор между обоими мужчинами, при котором ее присутствие было бы лишним.

Розали надеялась, что Роберт не сорвется, а Макс, узнав правду, отнесется к этому хорошо. И она была уверена, что у обоих много чего накопилось, что они захотят рассказать друг другу.

Перед пивным баром «Брассери Липп» с оранжевой маркизой над узкой крытой террасой, на которой все места были заняты, стояло несколько машин. Рука об руку они прошли мимо этого ряда к самой первой машине.

— Уезжая в Париж, я думал, что главный вопрос, которой мне предстоит решить, — это принимать ли мне предложенную должность или нет, — сказал Роберт, открывая дверцу такси. — А оказалось, что тут переписывается вся моя жизнь.

— Нет, Роберт, это совсем не так. — Розали еще раз обняла его и заглянула в глаза. — То, что было, останется у тебя навсегда. А новое только к нему добавится. Поль был тебе прекрасным отцом, и ты всегда будешь оставаться его сыном. А то, что ты сейчас, потеряв обоих родителей, нашел своего биологического отца, — это подарок, который преподносит тебе жизнь.

Он нахмурился и посмотрел на нее с выражением комического отчаяния:

— В качестве подарка мне хватило бы и тебя.

Она улыбнулась:

— Возможно. И все же я верю, что ничего не случается без причины. И Макс Марше уж точно не тот человек, которого следовало бы стыдиться. Он знаменитый писатель, симпатичная личность, у него хороший вкус, он любит литературу, высоко ценит меня...

Она увидела, что Роберт скривил рот.

— Француз! — сказал он, садясь в машину.

— Ну и что, если француз! Что в этом плохого! — крикнула она ему вслед, когда машина уже тронулась и Роберт с иронической улыбкой помахал ей рукой. Она подбоченилась. — Ты и сам наполовину француз, мой дорогой, позволь тебе напомнить!

Вытаскивая вечером из-под кровати голубую записную книжку, Розали уже чувствовала себя очень, очень усталой. Она взглянула на собачью корзинку возле кровати, где спал Уильям Моррис. Его тельце было перебинтовано поперек живота широкой повязкой.

— Бедненький мой песик! — сказала она тихонько и погладила его по головке. Перед тем как погасить свет, она записала:

Самое худшее в этот день:

Уильям Моррис выскочил сегодня прямо под машину. Увидев его тельце, лежащее на мостовой, такое искореженное и окровавленное, я сначала подумала, что он умер. Сразу отправилась с ним в ветеринарную клинику.

Слава богу, рана была наружная. Ему сделали два укола, и завтра нам велено снова показаться. Как я испугалась!

Самое лучшее в этот день:

Отец и сын нашли друг друга.

Роберт только что звонил. Он еще не отошел от

волнения после разговора в парке Багатель. Макс показал ему то место под старым деревом вблизи грота Четырех Ветров, где они тогда были с Руфью.

Макс якобы все уже знал, когда мы уезжали от него вчера вечером.

Чувство внутренней близости. А потом еще эта дата на фотографии... Кстати, моя догадка оказалась верной. Последнюю ночь Руфь провела у него. И почти тютелька в тютельку девять месяцев спустя родился Роберт. Но Макс все эти годы даже не подозревал, что у него есть сын. С тех пор он никогда больше не видел Руфь, даже когда Роберт приезжал с матерью в Париж.

В то время Макс, правда, был уже женат на Маргарите. Неужели Руфь приехала в Париж, чтобы отыскать Макса, и увидела его с другой женщиной? Может быть, встретила в кафе? Или каким-то образом узнала, что он женат? Это могло бы объяснить, почему она тогда была такая убитая.

Да и как ей было забыть Макса, когда у нее каждый день был перед глазами его сын, которому она отдала всю свою любовь! В котором она угадывала все лучшие качества Поля, Макса и свои собственные и надеялась, что с годами они только разовьются.

Роберт сказал, что они долго говорили с Максом. О Руфи и обо всем остальном.

Он остался ночевать в Ле-Везине.

С тоской уносясь в мечтах, как это водится у влюбленных, к пережитым счастливым мгновениям, Розали подумала, что больше никогда не ощутит такого счастья, как в ту ночь, которую она впервые провела в объятиях нью-йоркского профессора литературы. Эту ночь она никогда не забудет хотя бы уже потому, что о ней всегда будет напоминать отсутствующая запись в голубой книжечке.

Роберт нашептывал ей нежнейшие слова, в которых чудесно мешались только что придуманные и вычитанные любовные клятвы их собственного сна в летнюю ночь, и Розали уже испытывала какое-то ревнивое чувство к этому дивному, неповторимому мгновению, которое она все равно не сможет удержать и продлить, как и все другие мгновения своей жизни. И когда ее чувства достигли высшего накала, она позволила себе горько-сладостную и несколько сентиментальную мысль о том, что когда-то придется спуститься на землю, хотя бы для того, чтобы идти по ней общим путем.

Но чтобы так обрушиться с небес на землю — этого она, конечно, не могла предвидеть! Она ожидала чего угодно, только не того, что ее отношения с Робертом оборвутся так внезапно.

Ни о чем не подозревая, она вернулась днем с Уильямом Моррисом из ветеринарной клиники и тут увидела эту рыжую в темно-зеленой обтягивающей юбке и белой блузке, прохаживающуюся в элегантных кожаных лодочках взад-вперед перед ее лавкой. Издалека Розали приняла ее за ту итальянку — Габриэllu Спинелли. Но, подойдя ближе, увидела, что это была незнакомка. Женщина, отличавшаяся броской красотой.

Она осторожно поставила на тротуар сумку, в которой тихо поскуливал Уильям Моррис.

— Bonjour, madame! Вы ко мне? У меня сегодня, к сожалению, закрыто.

Стройная рыжекудрая красавица улыбнулась.

— Это я уже заметила, — заявила она на несколько неуклюжем французском, который как-то не соответствовал ее идеальной внешности. — Но я ничего не собираюсь покупать. Мне бы хотелось поговорить с владелицей лавки.

— А-а! — удивилась Розали. — В таком случае вам повезло. Это я,

Розали Лоран. А в чем дело?

— Мне бы не хотелось обсуждать это на улице, — сказала незнакомка с какой-то странной улыбкой, ее взгляд скользнул по случайному прохожему, который пялился на нее, не отрывая глаз. — Можно мне зайти на минутку?

У женщины был ярко выраженный американский акцент, и Розали мысленно спрашивала себя, не пойдет ли речь о каких-то деловых вопросах. Может быть, эта женщина с рыжими волосами, не доходящими до плеч, издательница, которая подыскивает иллюстратора?

— Да... конечно... Заходите...

Почему-то в ее взгляде, несмотря на улыбку, есть что-то повергающее в трепет, подумала Розали. Такой представляешь себе скорее агента по взысканию задолженности, чем издательницу. Розали отперла лавку и пропустила посетительницу вперед.

— Прощу вас, садитесь! — Она открыла сумку и осторожно переложила Уильяма Морриса в корзинку. — Так что вы хотите?

Бросив раздраженный взгляд на Уильяма Морриса, американка быстро огляделась в лавке и только потом обратила взгляд на Розали.

«Померещилось мне или действительно в этих светло-зеленых глазах мелькнула враждебность?» — подумала Розали.

— Спасибо, я лучше постою.

Она откровенно смерила Розали взглядом с головы до пят.

— Речь идет о Роберте Шермане, — сказала она.

— О Роберте? — повторила Розали, ничего не понимая. — А что с Робертом? — У нее появилось нехорошее чувство. — Я только вчера говорила с ним по телефону. Что-то случилось?

— М-да... Это и я бы хотела знать, — с холодной улыбкой ответила рыжая.

— Дело в том, что на выходных я тоже разговаривала с Робертом по телефону.

И надо сказать, разговор получился очень странный. Робертик, как мне показалось, был не в себе.

Робертик? Значит, эта женщина — знакомая Роберта? Розали удивленно взглянула на собеседницу:

— Ну да... действительно. Тут много чего случилось.

— Не хочу быть невежливой, но позвольте спросить, в каких отношениях вы состоите с Робертом? — резко перебила ее женщина.

— Как вы сказали? — Розали почувствовала, что ее так и обдало жаром. — Что это за вопросы? Роберт Шерман — мой друг. А вы кто такая?

— Видите ли, об этом я и хотела с вами поговорить. Дело в том, что тут возникает небольшая проблема. — Ее взгляд сверлил Розали. — Роберт Шерман — *мой* друг, а точнее говоря, мой жених. — Она усмехнулась узкогубой улыбкой. — Кстати, я — Рейчел.

— Рейчел? — Это имя ей ничего не говорило. Уж не сумасшедшая ли эта женщина? Или все рыжие женщины сговорились, чтобы сообща гоняться за Робертом Шерманом? Розали энергично мотнула головой. — У Роберта нет приятельницы по имени Рейчел.

— Вот как? Нет, значит? — Рейчел сделала удивленные глаза, и в ее голосе появился какой-то очень неприятный оттенок. — Боюсь, мадемуазель, это сугубо ваше заблуждение.

— Нет, — начала было возражать Розали, но вдруг побледнела. Ведь имя Рейчел она уже слышала, когда они с Робертом стояли на террасе, собираясь войти через стеклянную дверь, и у него не переставая трезвонил телефон.

«Это так... Просто одна знакомая. Рейчел».

Она так и видела его перед собой, как он смущенно убирает в карман свой телефон.

— Но ведь... Роберт сказал, что вы просто его знакомая. Вы еще прислали ему эту рукопись. Теперь я вспомнила, — произнесла она растерянно.

— Просто *знакомая*? — Женщина хохотнула. — Значит, он сказал вам не совсем правду. — Она сунула под нос Розали свою правую руку. — Знаете, что это такое? — спросила она торжествующим тоном. На ее пальце сверкал бриллиант. — Мы с Робертом помолвлены, мы уже три года живем вместе в маленькой квартирке в Сохо. Но после того как осенью мы поженимся и Роберт займет место главы фирмы «Шерман и сыновья», нам, наверное, придется подыскать квартиру побольше.

Она убрала руку и полюбовалась на свой безупречный маникюр.

— Слава богу, он наконец образумился. А то какая-то там должность приглашенного профессора в Сорбонне! Тоже мне — счастье! Я ему сразу сказала, что это блажь, но после смерти матери он, понятно, немножко сбился с панталыку. — Она вздохнула. — А потом все эти волнения из-за рукописи!

Розали показалось, что старинный каменный пол заходил у нее под ногами. Для просто знакомой эта женщина знала слишком много. Неужели Роберт мог так ее обмануть? Она увидела его перед глазами, как наяву, прислонившегося к спинке кровати после этой удивительной ночи и улыбающегося ей так, словно, кроме нее, для него нет в мире другой

женщины!

— Этого не может быть, — сказала она севшим голосом и оперлась рукой на кассовый столик, чтобы не упасть.

— А между тем это так, — весело ответила Рейчел. — Я приехала в Париж за Робертом. Разве он вам ничего не сказал? В четверг мы улетаем в Нью-Йорк.

— Он сказал, что любит меня. — От горя почва уходила у Розали из-под ног.

Рейчел посмотрела на нее с жалостью:

— Мне бы следовало на вас обижаться, но, я вижу, вы действительно ни о чем не подозревали. Не принимайте это так близко к сердцу. Вы же не виноваты. — Она покачала головой, и более внимательная наблюдательница, чем поверженная в прах Розали, наверняка бы заметила, какой фальшивой улыбкой она улыбнулась, когда снова заговорила: — С Робертом всегда одно и то же. Он, как маленький мальчик, не может устоять перед хорошеньким личиком. Поэтому я особенно рада, что он отказывается от университета. Столько молоденьких студенточек!

Прищелкнув языком, она с довольным видом продолжала наблюдать за молодой женщиной возле кассы, которая, ослепнув от слез, стояла с опущенной головой.

— Ну что ж — не поминайте лихом! — сказала Рейчел и, тряхнув рыжими кудрями, шагнула к порогу. — Полагаю, мы поняли друг друга. Что еще вам надо объяснять? Руки прочь от моего будущего мужа!

Не дожидаясь ответа, она повернулась и вышла из лавки.

«Столько волнений, сколько принесли с собой последние три дня, я, пожалуй, еще ни разу не переживал», — подумал Роберт Шерман, пружинистым шагом проходя по Латинскому кварталу. Час назад он побывал у профессора Лепажя, чтобы подписать договор на работу в Сорбонне в качестве приглашенного профессора. Вчера он несколько часов просидел с Максом Марше на скамейке в розарии парка Багатель, где с удивлением осознал, что, кажется, снова обрел отца. А позавчера — он прикрыл на мгновение глаза и тут же почувствовал, как на него снова нахлынуло счастье, которое охватывало его всякий раз, как он вспоминал ночь с Розали, — позавчера он нашел свою настоящую любовь.

Срок дурацкого ультиматума, который предъявила ему в Нью-Йорке Рейчел, уже почти истек. Он вспомнил раздраженный разговор, который произошел у них, когда он перезвонил ей после своего вторжения в дом Марше и, еще не остыв от волнения, рассказал ей про рукопись, нечаянно обнаруженную Розали в коробке с платяного шкафа.

— Господи! Прямо какой-то роман в духе Люсинды Райли, — вздохнула Рейчел и засмеялась невеселым смехом. — Вам впору открыть детективное бюро. Как послушать тебя, можно подумать, что ты ни днем ни ночью не расстаешься с этой лавочницей!

— Какая чепуха! Розали просто помогает мне, и только, — ответил он, и тогда это еще соответствовало истине. — Она очень славная, тебе бы она понравилась.

— Вот это уж вряд ли!

Рейчел довольно резко закончила разговор, но, позвонив в пятницу вечером, опять была очень мила и приветлива. Она подробно обо всем расспрашивала его, и в результате Роберт рассказал ей все про намеченное посещение Макса Марше и про свои переговоры с деканом университета.

— Ну и? — спросила она.

— Об этом нам надо еще как-нибудь спокойно поговорить.

Ему не хотелось с ней спорить, по крайней мере, пока не выяснился другой вопрос, более важный. Поэтому он ответил уклончиво и закончил разговор обещанием позвонить ей в выходные дни.

— Я позвоню тебе после того, как побываю в Ле-Везине, — сказал он тогда и только сейчас вспомнил, что так и не исполнил своего обещания.

Потому что в конце недели события стали развиваться очень

стремительно, вся его жизнь перевернулась с ног на голову, волнения следовали непрерывной чередой. Но когда он утром встретился с Максом за завтраком на террасе с видом на цветущий сад, он как-то вдруг успокоился. Решение было принято — он остается в Париже, и, возможно, навсегда.

«Вот вернусь в отель и позвоню Рейчел, чтобы окончательно объясниться», — решил Роберт.

— О, мистер Шерман! Вот увидите, вам у нас понравится, — сказал профессор Лепаж, проводив его до порога и радостно пожимая руку. — У вас уже сейчас вид счастливого человека.

Роберт улыбнулся и ускорил шаг, свернув с бульвара Сен-Жермен на улицу дю-Драгон.

Он и был счастливым человеком, и сгорал от нетерпения поскорее обнять Розали.

Как ни странно, никто не отозвался, чтобы открыть дверь. Писчебумажная лавка была закрыта, как всегда по понедельникам. Роберт заглянул в витрину в надежде увидеть Розали в лавке, но ее там не было. На звонки в дверь никто не отвечал. Он кинул взгляд на часы. Была половина седьмого, а он звонил ей еще утром, чтобы предупредить, что к вечеру зайдет.

Может быть, она еще не вернулась из ветеринарной клиники? Вдруг ее собачке стало хуже?

Роберт нерешительно постоял у витрины, глядя на гирлянды лазурно-синей подарочной бумаги, облаками висевшие наверху. Потом он позвонил Розали на мобильный телефон. Но и тут ему никто не ответил. Он оставил короткое сообщение, что пошел к себе в отель, и направился в сторону улицы Жакоб.

Дежурная за стойкой регистрации в «Каштановой гостинице» встретила его шаловливым взглядом:

— А к вам гостя, мсье Шерман. Ваша приятельница сказала, что подождет вас в номере. Надеюсь, это ничего, что я ее впустила.

Она заговорщицки улыбнулась ему, выкладывая на стойку запасной ключ.

Роберт кивнул. При этом неожиданном известии его сердце от радости забило быстрее. Видимо, Розали уже прослушала его сообщение и поспешила к нему в отель. Он нетерпеливо надавил на кнопку лифта, который со зловещим гудением, подрагивая, пополз наверх.

Только не хватало застрять сейчас в лифте, весело подумал Роберт. Но лифт без каких-либо происшествий доезжает его до пятого этажа.

Быстрым движением он взъерошил волосы и с радостным предчувствием распахнул дверь. Перед светлым окном темнел силуэт женщины.

— Вот и ты, наконец! — воскликнул он с нежностью. — Господи, до чего же я по тебе соскучился!

— Привет, Роберт!

Женщина у окна неторопливо обернулась, и Роберт почувствовал, как у него вытягивается лицо. Привидение! Это же какое-то привидение!

— Ты соскучился по мне? Это очень приятно слышать. При нашем последнем телефонном разговоре мне не показалось, что тебе меня так не хватает.

Ее зеленые глаза сверкнули, и она шагнула ему навстречу, раскрыв объятия.

— Рейчел! — вырвалось у него. — Откуда ты тут взялась? Это... это... большая неожиданность.

Мысли его мчались зигзагами, как удирающие от охотника зайцы.

Она вlepила ему поцелуй, который он в растерянности молча стерпел, и ему показалось, что на ее губах мелькнула язвительная усмешка.

— Ну, надеюсь, что это все-таки приятная неожиданность, Роберт, — промурлыкала она, глядя его по голове. — А тебе пора бы сходить к парикмахеру, дорогой мой!

— Да... нет... то есть... — запинаясь, вымолвил он. — Мы же собирались поговорить сперва по телефону, чтобы все... обсудить.

— Вот именно, — сказала она. — Но ты так и не позвонил, и тогда я подумала, что мне имеет смысл приехать самой, чтобы... поговорить. — Тут ее улыбка сделалась откровенно иронической. — Хотя эта комнатенка ужасно маленькая... И как ты только выдержал тут столько времени?

— Ах, знаешь, время... время так быстро летит, — пробормотал он. — Да, комната действительно маловата, но зато... зато внутренний дворик очень хорош. А потом... Да много ли вообще времени проводишь в номере!

— Вот как? — Она удивленно повела бровями. — Ах да... Верно! — Она хлопнула себя по лбу. — Ты же был *весь в делах!*

Рейчел плавно опустилась на кровать и села, прислонившись к изголовью, соблазнительно скрестив длинные ноги.

На ночном столике зазвонил телефон, но Роберт не двинулся с места.

— Что же ты, darling? Может быть, подойдешь? Пожалуйста, не обращай на меня внимания! Поступай так, как будто меня здесь нет.

Она улыбнулась ему, как змея кролику.

Он смотрел на нее словно замороженный. Ай да Рейчел! Села в самолет и прилетела. Это надо было еще переварить. В окно упал солнечный луч, и ее рыжие кудри запылали, как костер. Она продолжала смотреть на него с улыбкой, не говоря ни слова, и у Роберта появилось нехорошее чувство, что она задумала что-то недоброе. Он спрашивал себя, сколько она сунула дежурной на входе, чтобы та согласилась пустить ее в номер. Звонок прекратился.

— Что это значит, Рейчел? Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Я приехала, чтобы забрать домой моего запутавшегося профессора литературы, — сказала она со снисходительной улыбкой. — Сдается мне, Роберт, что у тебя ум за разум зашел.

— Что? Забрать домой? — переспросил он, теряя дар речи.

— А что! Твои четыре недели, *любимый*, в четверг заканчиваются. Вот я и подумала, что перед тем, как улететь, мы могли бы провести в Париже несколько дней вместе. Ты мне все покажешь, и я хочу непременно заскочить еще на улицу Риволи за покупками. Там, говорят, есть потрясающие сумочки.

Она вытянула перед ним свои стройные руки.

Роберт помедлил и покачал головой. Почему бы не сказать ей прямо сейчас?

— Боюсь, Рейчел, из этого ничего не получится.

— Из чего это — не получится? — спросила она, как выстрелила.

— Из всего, Рейчел. Я остаюсь в Париже. Я позвонил бы тебе уже сегодня. Нам надо поговорить.

— По поводу профессорской должности? — спросила она, кинув на него настороженный взгляд.

— И не только по поводу должности, Рейчел. Вчера я узнал, что у меня есть в Париже отец.

— Подумать только! — воскликнула она. — Теперь еще и папаша в Париже завелся! Очень практично!

— Не надо сарказма, Рейчел. Я сам только вчера узнал. — Он перевел дыхание. — И со вчерашнего дня я также знаю, что встретил в Париже свою настоящую любовь.

— Надо же?! Какой ты, однако, быстрый! — Как ни странно, она, кажется, нисколько не удивилась.

— Когда это настоящая любовь, это всегда бывает так быстро, — произнес он медленно. — Мне очень жаль, Рейчел.

Рейчел выпрямилась и посмотрела на него с неприкрытой злостью.

— Если ты имеешь в виду девицу из открыточной лавки, то можешь о ней забыть. — Она издевательски захохотала. — Тут у тебя, дружок, вышел полный облом. — Она с неподражаемым изяществом произнесла эту вульгарную фразу.

— Как это следует понимать, Рейчел? — спросил он, чувствуя, как сердце словно оборвалось.

— Так и понимай, как я сказала. — Она возвысила голос до визга: — А как ты себе это представлял, Роберт? Неужели ты действительно вообразил, что я позволю какой-то французской торговке открытками разрушить мое будущее? На что тебе эта девчонка? Она даже прическу сделать не умеет и трясет своей дурацкой косой. Нет, Роберт, я никогда не поверю, что ты это серьезно! Никак ты перепил красного вина?

Роберт весь побелел от ярости:

— Что ты сделала, Рейчел? Неужели ты могла пойти... Ну конечно, ты пошла...

Он угрожающе двинулся в ее сторону и остановился около нее перед французской кроватью.

— Ну конечно, я сходила к ней. — Рейчел расслабилась и с тихим смехом прислонилась спиной к изголовью. — Ну что тебе сказать... Девчонка не слишком обрадовалась, узнав, что ты ее обманул. Первым долгом я ей объяснила, что я не просто какая-то там знакомая...

— Тебе прекрасно известно, Рейчел, на каких условиях я уехал в Париж! Ты сама предъявила мне этот чертов ультиматум, это *ты собиралась* меня бросать...

Рейчел только махнула рукой:

— Прошлогодний снег. Я была слишком возмущена. Во всяком случае, люди иногда меняют свое мнение, — продолжала она как ни в чем не бывало.

— Я внесла ясность насчет того, как обстоит дело, и сунула ей под нос кольцо, сообщив, что помолвлена с тобой. Девица с косой так и побледнела, мне даже сделалось ее немножко жалко...

— Ах ты, дрянь! — В этот момент он с удовольствием свернул бы ей шею.

— Ты же отлично знала, что это кольцо ни к каким помолвкам не имеет отношения!

Роберт прекрасно помнил поход к «Тиффани», во время которого Рейчел выразила настойчивое желание получить это кольцо из белого золота с бриллиантом ко дню рождения.

— Да какая разница! — сказала Рейчел, с удовольствием любуясь на

свое колечко. — Но на нее это, надо сказать, произвело-таки впечатление. Особенно когда я сообщила, что осенью мы поженимся.

— Что?! *Что* ты сказала?

Через полчаса Роберт уже опять был перед лавочкой на улице дю-Драгон, трезвоня как на пожар. В отчаянии он стал барабанить в дверь кулаками. Он видел, что на втором этаже горит свет, но Розали не открывала. Она закрылась у себя, спрятавшись, как устрица в раковине, а он даже не вправе был на нее сердиться после того, как леди Макбет так успешно впрыснула свой яд. Опешившую Рейчел он выставил из номера, чуть не дойдя до рукоприкладства.

— Об этом ты еще пожалеешь, дурень! — ругалась она. — Девчонка надоест тебе скорее, чем ты успеешь прочесть монолог Гамлета, и тогда ты приползешь назад.

— Не дождешься! — процедил он сквозь зубы. — Жди хоть до Судного дня. А теперь вон отсюда!

Она встала спиной к двери:

— А где же, по-твоему, мне ночевать?

— По мне, хоть под мостом! — бросил он. — Только не распугай всех клошаров.

И, захлопнув за собой дверь, Роберт опрометью кинулся на улицу дю-Драгон.

— Розали, Розали! Я знаю, что ты там, наверху, Розали, открой! — взывал он снова и снова.

Через какое-то время дверь отворилась, и маленький старичок с хитрыми глазками вышел на улицу:

— Что это вы делаете, мсье! Тут вам не ярмарка с каруселями! Если вы не прекратите орать, я вызову полицию. — Он внимательно присмотрелся к Роберту, которого шатало из стороны в сторону. — Что это с вами? Никак вы пьяны?

— Мне нужно попасть к Розали Лоран, — только и смог он выговорить.

— Вы американец? — Старик недоверчиво оглядел его.

— Пожалуйста! — умоляюще произнес Роберт. — Вы же можете меня выпустить. Я знаю, что она дома.

— Перестаньте, мсье! — Старичок пожал плечами. — Успокойтесь, пожалуйста! Мадемуазель Лоран нет дома, иначе бы она отворила.

До чего же бестолковый попался старик!

— Да дома она! Посмотрите сами! Вон же горит свет! — Он

взволнованно показал рукой на окно.

— Да? Какой свет? Я ничего не вижу!

Роберт взглянул наверх. В окне над «Луной-Луной» все было темно.

Убедившись наконец, что в эту ночь он ничего не добьется, он вернулся в свой отель. Завтра утром Розали вынуждена будет открыть лавку.

Но, придя к лавке во вторник ровно в одиннадцать, он увидел, что на двери по-прежнему висит табличка «Закррито». Он попытался послать Розали сообщение, но ее телефон был выключен. Он вырвал листок из записной книжки, написал коротенькую отчаянную записку и просунул ее между прутьями решетки.

После этого он каждый час приходил к «Луне-Луне» проверить, как там обстоит дело, и наконец — уже в два часа — ему повезло.

Решетка была поднята, лавка работала, но когда он, облегченно вздохнув, нажал на ручку двери, готовый на коленях вымаливать у Розали прощения — за такую крохотную ложь! — и затем объяснить ей, что произошло, то вместо своей своенравной красавицы увидел там незнакомую женщину, которая встретила его с любезным безразличием.

— А мадемуазель Лоран нет? — спросил он, едва переведя дыхание.

Женщина помотала головой, и он сообразил, что это продавщица, которую Розали наняла себе в помощь и которую он уже однажды видел, но так и не мог вспомнить, как ее зовут.

— А когда мадемуазель Лоран вернется? — настойчиво продолжал он расспросы.

— Не имею понятия, — равнодушно ответила женщина. — Сегодня вряд ли.

— Вы не знаете, нашла ли она мою записку? — Он указал на входную дверь.

— Какую записку? — спросила она, недоуменно глядя на него добродушными круглыми глазами.

Было от чего прийти в отчаяние! Роберт, застонав, обернулся вокруг собственной оси, прежде чем сунуть продавщице номер своего телефона.

— Послушайте, это очень важно! — произнес он, словно заклиная. — Я непременно должен поговорить с мадемуазель Лоран, понимаете? Пожалуйста, позвоните мне незамедлительно, как только мадемуазель Лоран вернется в лавку. Я повторяю: *незамедлительно!*

Она кивнула и равнодушно пожелала ему всего доброго.

Два с половиной часа спустя, выпив за это время четыре «petit poirs»^[70], он все еще был на страже в маленьком кафе на улице дю-Драгон, наблюдая за входной дверью «Луны-Луны» на другой стороне улицы. Стрелки часов приблизились к половине пятого. К нему снова подошел официант и спросил, чего желает мсье.

О, он хорошо знал, чего желает, но, по-видимому, это желание нелегко было исполнить. Он решил сменить допинг и заказал бокал красного вина.

Затем еще один. А затем ему пришла в голову мысль позвонить Максу Марше. Ему повезло, Марше ответил сразу, и Роберт чуть не рассмеялся от облегчения.

— Это я, Роберт. Ты случайно не в курсе, где может быть Розали? Мне нужно срочно с ней поговорить. — Он набрал в грудь воздуха. — Тут случилось ужасное недоразумение, интрига прямо-таки шекспировских масштабов, и Розали точно провалилась сквозь землю.

Макс немного помолчал, и Роберт почувствовал, что тот колеблется.

— Неужели она в Ле-Везине! — спросил он взволнованно. — Она у тебя?

Вполне возможно, что, удрученная и разгневанная — а Роберт скорее уж предполагал вторую возможность, — она примчалась за утешением к старому писателю.

В трубке послышался вздох Макса.

— Как же тебя угораздило такое натворить, мой мальчик? — рассудительно произнес его отец. — Розали здесь нет. Но вчера она мне звонила, очень расстроенная. Надо было все-таки предупредить ее, что ты помолвлен и у тебя есть невеста.

— Да никакая она мне не невеста! — в отчаянии крикнул в трубку Роберт и так взмахнул рукой, что опрокинул свой бокал. Его светлые брюки тут же впитали красную жидкость. — Вот проклятье! — выругался он. — Когда я уезжал в Париж, Рейчел даже перестала быть моей девушкой, — сказал он, вытирая салфеткой пятно.

— Так кто же она тогда?

— Ведьма, черт побери! Я как раз собирался позвонить ей и все сказать, а она уже тут как тут, в моем номере, и улыбается, как удав Каа.

Он стал наскоро объяснять Максу, как обстоит дело.

— Конечно, я поступил неправильно, сказав, что она просто моя знакомая, — закончил он свой рассказ. — Это я готов признать. Но тогда я ведь еще не знал... То есть все произошло так быстро... Я просто не успел осознать...

— Merde!^[71] — выругался Макс. — Действительно глупо получилось. Роберт кивнул.

— Куда она могла подеваться? — сказал он нервно. — Только бы не сделала какую-нибудь глупость!

Макс тихонько засмеялся:

— Насчет этого могу тебя успокоить, мой мальчик. Розали дома, она у себя наверху. Она только что мне звонила и сказала, что «этот мерзавец опять пришел в лавку».

— Так она дома? — Подумать только, пучеглазая продавщица, ни разу не моргнув, с улыбочкой все время ему врала! Он чуть было не кинулся снова в лавку, но заставил себя успокоиться. — Хорошо. Что еще она сказала?

— Успокойся, Роберт! Еще ничего непоправимого не случилось. Она сказала, что ненавидит тебя.

— *Ненавидит?* О господи! — Он как безумный принялся с удвоенной силой вытирать пятно на брюках. — Как она может меня *ненавидеть?*.. Я же ей ничего плохого не сделал!

Все оказалось еще хуже, чем он думал. Конечно! Он же знал, какая она чувствительная! Она злопамятна. Это надо же — придирается к каждому слову!

— Поверь мне, мой мальчик, это хороший знак. — Он услышал тихий смешок Макса. — Она ненавидит тебя, потому что любит.

— Очень интересная теория! Будем надеяться, что так и есть. Во всяком случае, я-то люблю Розали, потому что люблю. — Он вздохнул с комическим отчаянием. — Ну и что же мне теперь делать, Макс? Что я могу сделать, чтобы она меня полюбила без ненависти?

— Не волнуйся, я уж что-нибудь придумаю, — ответил Макс. — Есть у меня тут одна идеяка...

Розали лежала в постели, и белый свет был ей не мил. После того как эта неприятная наглая особа покинула лавку, у Розали ноги подкосились, и она, словно оглушенная, так и села на каменный пол. Потом она встала, заперла дверь и повесила табличку «Закрѳто». На заплетающихся ногах она поднялась по лестнице на второй этаж и, как была, в голубом шелковом платье, разрыдавшись, рухнула на кровать. Слишком неожиданным было падение с небес на землю, ее раздирала боль. «Руки прочь от моего будущего мужа!» Унижение пронзило ее, как ножом.

Перед глазами у нее возникла торжествующая улыбка Рейчел, и она, вскрикнув, яростно ударила кулаком по подушке. Роберт Шерман улетит со своей красоткой-женой на самолете в Нью-Йорк. И ведь каков негодай — не сказал ей ни слова!

Вероятно, он бы в последний день отделался от нее какой-нибудь шитой белыми нитками отговоркой и исчез с глаз долой навсегда. Он обманул ее, все-все было обманом, и она в ужасе думала, как же он хорошо притворялся! «Конечно же, — с горечью сказала она себе, — ведь притворство — его вторая натура». Рейчел недвусмысленно намекнула, что этот начитанный-преначитанный профессор литературы никогда не отказывался от маленького приключеньца! «А то Шекспир, видите ли! Какой там Шекспир! Скорее уж „Shakespeare in love“!»^[72] — подумала она возмущенно. Поэтому, наверное, любая ложь так легко сходит у него с языка!

Тут она невольно вспомнила все те сладкие слова, которые нашептывал ей в субботу ночью Роберт, а вспомнив, зарыдала и заткнула пальцами уши. «Замолчи же ты наконец, Роберт Шерман! Убирайся вон из моей головы! Не хочу тебя больше видеть!» — выкрикнула она. Затем, шатаясь, подошла к письменному столу и в порыве отчаяния одним махом скинула на пол все банки с кисточками. После этого ей немного полегчало.

Розали выпила три бокала красного вина, выкурила восемь сигарет, к ней снова вернулись мысли о Роберте, она снова заплакала, потом выругалась такими словами, что матушка побледнела бы, если бы их услышала, и наконец вытащила из корзинки Уильяма Морриса и бережно положила собачку к себе на одеяло.

Тихонько повизгивая, та подняла голову и посмотрела на Розали глазами, в которых светилась бесконечная преданность, на какую способна,

наверное, только собака.

— Ах, Уильям Моррис! — сказала Розали, прежде чем погрузиться в сон.

— Похоже, ты единственный мужчина в моей жизни, который меня никогда не бросит.

На следующий день, когда Роберт Шерман снова явился в писчебумажную лавку, Розали все еще пребывала в кровати. Услышав взволнованные голоса внизу, она босиком подкралась к двери. Осторожно став одной ногой на ступеньку, она перегнулась через перила винтовой лестницы, чтобы одним глазком подсмотреть, что там делается.

Роберт стоял посреди лавки с сердитым лицом и горячо препирался с мадам Морель, которая, скрестив руки, преградила ему путь.

— Non, monsieur, она уехала, — произнесла мадам Морель.

Затаившись на верхней ступеньке, Розали кивнула и еще больше вытянула шею, чтобы ничего не упустить.

— Что значит уехала? Что за bullshit^[73] вы мелете! — закричал на нее Роберт. — Я знаю, что она дома. Так что хватит дурить мне голову, и дайте мне, наконец, пройти!

Мадам Морель продолжала стоять перед разъяренным Робертом непоколебимо, как крепостная стена, и только с сожалением качала головой.

Она действительно хорошо выполняла порученное дело.

— Мне очень жаль, мсье Шерман, но мадемуазель Лоран действительно уехала...

Роберт кинул взволнованный взгляд на лестницу, и Розали отпрянула.

— Да вот же! — крикнул он. — Только что я видел, как там высунулась нога.

Оттолкнув мадам Морель, он ринулся вверх по винтовой лестнице.

В два прыжка Розали снова оказалась в кровати. Она едва успела натянуть на себя одеяло и немножко пригладить растрепавшиеся волосы, как он уже влетел в комнату. С некоторым удовлетворением она отметила, что и он был не в лучшей форме — небритый и с темным пятном на брюках. Как видно, строгая Рейчел устроила ему порядочную головомойку.

— Это еще что такое! — сердито крикнула она на него. — Убирайся отсюда!

Схватив подушку, она швырнула ее ему в голову.

— Розали! — воскликнул он, уворачиваясь. — Пожалуйста! Выслушай меня!

Она замотала головой:

— И не подумаю! — Затем, сузив глаза, она сердито посмотрела на него. — Что же так — еще не улетел на самолете со своей невестой?

— Самолет летит завтра, — ответил он. — И улетает только моя невеста... то есть я хотел сказать... — Он извиняющимся жестом развел руками. — На самом деле Рейчел никакая мне не невеста. — Он робко попытался улыбнуться. — Не невеста и не моя девушка.

— А просто *знакомая*, — перебила Розали его беспомощный лепет.

Схватившись за голову, он застонал:

— Ладно, ладно! Я знаю, что не должен был так говорить. Знаю, что все свидетельствует не в мою пользу, но поверь мне: все это — одно сплошное *недоразумение*.

Розали громко засмеялась:

— Не верю! Ты же не всерьез произнес эту дурацкую фразу, так ведь? — Она выпрямилась и продолжала говорить сидя, наставив на него указательный палец. — Твое «одно сплошное недоразумение» приходило вчера ко мне в лавку, и она все рассказала про ваше знакомство. Кажется, она показала мне кольцо? — Изображая беспамятность, Розали хлопнула себя по лбу. — Да, показала. И потребовала: «Руки прочь от моего будущего мужа!» Да, и это тоже. Твое сплошное недоразумение вчера вечером было у тебя в номере, ведь так? — Подумав секунду, Розали кивнула. — Ну конечно было!

— Ты приходила в «Каштановую гостиницу»?

Она мотнула головой:

— Нет, но я туда звонила. Ну есть ли границы человеческой глупости? Случайно за стойкой регистрации дежурила моя знакомая Кароль Дюбуа, и, когда я попросила соединить меня с мсье Шерманом, она посмеялась и сказала, что мсье Шерман, вероятно, сейчас *занят*, потому что к нему приехала из Америки невеста.

Глядя на побледневшего Роберта, Розали злорадно кивнула:

— Ну что ты скажешь на это, враль несчастный?

Жестом отчаяния Роберт прижал к лицу сложенные руки и на мгновение закрыл глаза.

— Розали, — сказал он проникновенно. — Рейчел красива и умна, и она знает, как запутать людей. Когда я отправлялся в Париж, наши отношения были на грани... по разным причинам. А тут вдруг она примчалась в Париж и подстерегла меня в гостинице...

— И провела у тебя ночь?

— Нет, это не так! Если хочешь, можешь спросить у своей Кароль! —

Он посмотрел на нее умоляющим взглядом. — Я люблю тебя.

Розали в нерешительности теребила край одеяла.

— Вот еще! Это только слова! — выговорила она наконец.

Он улыбнулся.

— Пойдем, — сказал он, протягивая ей руку. — Я тебе кое-что покажу.

Роберт настоял на том, чтобы они отправились немедленно. Она кое-как расправила помятое голубое шелковое платье и надела свои балетки. Затем на глазах изумленной мадам Морель они вышли из лавки.

— Куда мы идем? — спросила она с любопытством.

— погоди, увидишь, — сказал он и, ведя ее за руку, пересек бульвар Сен-Жермен и пошел по тихой улице дю-Пре-о-Клер, а затем дальше по Университетской улице, улице Жакоб и де-Сен.

— Роберт, что это значит? — смеясь, восклицала Розали, спрашивая себя, куда в конце концов приведет их молчаливая прогулка.

И вот уже перед ними Пон-дез-Ар. Они ступили на старинный мост с черными железными перилами и пошли по деревянному настилу. Дойдя приблизительно до середины моста, Роберт неожиданно остановился.

— На какую сторону? — спросил он, роясь в своей сумке.

— На... какую сторону? — Она все еще ничего не понимала.

— Ну, какая тебе больше нравится — та, где Эйфелева башня, или та, где Нотр-Дам? — нетерпеливо объяснил он.

Розали недоуменно пожала плечами.

— А-а-а... Ну, что ли, та, на Эйфелеву башню? — сказала она вопросительно, глядя на Роберта широко открытыми глазами.

Он деловито кивнул, и они вместе встали у перил.

— Вот, — сказал он, доставая из сумки небольшой пакетик. — Это тебе. — И, улыбнувшись, поправил себя: — Вернее, нам обоим.

Она растерянно взяла у него протянутый подарок, завернутый без особого изящества в шелковую бумагу и залепленный клейкой лентой.

Она стала разворачивать сверток, и у нее перехватило горло от какого-то смешанного чувства радостного ожидания и надежды.

В руках у нее оказался маленький золотой навесной замочек, на котором красовалась сделанная черным фломастером надпись: «Rosalie et Robert. Pour toujours»^[74].

— Навсегда? — Она взглянула на него, и сердце у нее так и подпрыгнуло. — Ты и правда веришь, что навсегда?

Роберт кивнул:

— Только в это, и ни во что другое. — Он нежно отвел в сторону

упавшую ей на лицо прядь. — Каким унылым местом была бы эта земля, если бы даже влюбленный человек в это не верил! Разве даже самый закоренелый реалист не мечтает в глубине души о чуде?

— Конечно мечтает, — прошептала Розали — мастерица счастливых пожеланий. Она посмотрела на Эйфелеву башню, которая стройно и надежно высилась вдалеке на фоне вечернего неба, и смущенно заулыбалась. — Но откуда ты узнал... в смысле...

Роберт приподнял брови.

— Родство душ, — сказал он.

На Розали это произвело глубокое впечатление. К счастью, ей никогда не грозило узнать, что ее американский профессор литературы, который все еще таскал с собой книжку «Укрощение строптивой», говорил ей неправду. Он соврал, но только чуть-чуть. И только потому, что любил.

После того как золотой замочек был помещен рядом с другими такими же, Розали широко размахнулась и закинула ключик в поблескивающую воду.

«Навсегда», — сказала она мысленно, и не успел еще ключик кануть на дне Сены, где ему предстояло оставаться на веки вечные вместе с другими такими же залогами любви, как Роберт уже заключил ее в объятия.

Розали блаженно закрыла глаза, и последним, что она увидела, было это невероятное небо над Парижем, с его нежными мазками розового, голубого и лавандового — цвета поцелуя.

notes

Примечания

1

Боже мой! (фр.)

2

В здоровом теле — здоровый дух! *(лат.)*

3

Раймон Пейне (1908–1999) — французский художник-график, заслуживший всемирную известность своими лирическими рисунками на тему «Поэт и его невеста».

4

Жорж Мустаки (наст. имя: Юсеф/Джузеппе Мустакки (1934–2013)) — французский шансонье, бард и композитор. Написал слова песни Эдит Пиаф «Милорд». В 1998 г. снимался в роли аббата Фариа в фильме «Граф Монте Кристо».

5

Корали Клеман (р. 1978) — французская певица.

6

Салат по-деревенски (фр.)

7

Пон-дез-Ар (фр. Pont des Arts) — мост Искусств.

8

Эй, мадемуазель, что это вы затеяли? (фр.)

9

И ГОТОВО! (фр.)

10

До свиданья (фр.)

11

«Синяя птица» (фр.)

12

Сокращенное название нью-йоркского Музея современного искусства (Museum of Modern Art).

13

Уметь жить (фр.)

14

Ми́лая (*англ.*)

15

К моему глубочайшему сожалению *(фр.)*

16

Привет, как дела? *(англ.)*

17

Какой красивый свитер, вам очень идет! *(англ.)*

18

Мой старый друг (*фр.*)

Малиновая шарлотка (фр.)

20

Ради всего святого! *(англ.)*

21

Это вполне нормально (*фр.*)

Между прочим (*англ.*)

23

Довольно! (фр.)

24

Свобода всегда (фр.)

25

Итак, мсье! (фр.)

Это все! (фр.)

27

Я вернусь! (фр.)

28

Дорогая! (фр.)

29

Здравствуйте (фр.)

Леонард Коэн (1934–2016) — канадский певец и автор песен, поэт, писатель.

31

Всегда есть трещина в стене, в нее проходит свет (*англ.*)

Начинай с главного (*англ.*)

Прекрасно! (фр.)

К несчастью! (фр.)

35

Как дела? (фр.)

Не может быть! (фр.)

37

Задница! (фр.)

Хорошо (*фр.*)

39

Доброй ночи (*фр.*)

40

Прости! *(англ.)*

41

Да ладно тебе! (англ.)

42

Приступим? (фр.)

Джин Сиберг (1938–1979) — американская киноактриса, много снимавшаяся во Франции в фильмах «новой волны».

44

Вот черт! (фр.)

«Унеси меня на Луну» (*англ.*) — песня Фрэнка Синатры.

46

Что? (фр.)

Это же смешно! (фр.)

Здесь: только и всего! (фр.)

Хоакин Соролья-и-Бастид (1863–1923) — испанский художник-импрессионист.

Уильям Шекспир. Сон в летнюю ночь. Действие 1, явление 1. Пер. Н. Сатина.

51

Во здравие! (фр.)

Не так ли? (фр.)

Тарт татен — вид французского яблочного пирога.

54

Очень хорошо (*ит.*)

Мамочки! *(ит.)*

Мир тесен (*искаж. англ.*)

Итак (фр.)

Всего доброго, мадам! (фр.)

59

Здравствуй, дитя мое (*фр.*)

Детка (фр.)

61

Приятно познакомиться (фр.)

62

Черт возьми! (фр.)

Уилям Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт 2, сцена 2. Пер. Б. Пастернака.

64

Идите, идите сюда! (фр.)

Галерея Же-де-Пом служила в качестве художественного музея с 1909 г. Во время немецкой оккупации (с 1940 по 1944 г.) из нее сделали хранилище так называемого «дегенеративного искусства», а часть произведений распродали. Многие картины в 1942 г. были сожжены. После окончания Второй мировой войны до 1986 г. галерея продолжала работать как музей, где в основном выставлялись полотна импрессионистов, большая часть которых затем была передана в музей д'Орсэ. В настоящее время галерея служит выставочным помещением для произведений современного искусства.

Прошедшие времена! (*ит.*)

67

Мой тигренок (фр.)

68

Я от тебя балдею (фр.)

69

Любовь моя (фр.)

Маленький черный (фр.) — имеется в виду черный кофе.

71

Деръмо! (фр.)

«*Влюбленный Шекспир*» (англ.) — фильм, снятый британским режиссером Джоном Мадденом (1998) по сценарию британского драматурга Тома Стоппарда.

73

Чушь собачья (*англ.*)

Розали и Роберт. Навсегда (фр.)

Table of Contents

[Николя Барро Париж — всегда хорошая идея](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[Примечания](#)

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)